

Чернявская Валерия Евгеньевна

Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 248 с.

В настоящей книге рассматриваются предмет и задачи лингвистики текста в новой исследовательской парадигме на рубеже XX-XXI вв. Текст анализируется в связи с новой лингвистической категорией — дискурсом. Вскрываются механизмы внутренне обусловленной процессуальности текста, существующего в системе дискурса. Интертекстуальность как лингвокультурный феномен и как текстовая категория трактуется во взаимосвязи и взаимообусловленности с дискурсивностью и интердискурсивностью. Анализируются различные формы проявления текстовой гетерогенности — поликодовость, монтаж текстовых типов, стилизация, пародия, коллаж как функционально-стилистическая разнородность, смена дискурса.

Книга адресована лингвистам, культурологам, специалистам в теории текста и дискурса и — шире — в теории коммуникации.

Рецензенты:

кафедра германской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); зав. кафедрой русского языка и стилистики Пермского государственного университета, д-р филол. наук, проф. Е. А. Баженова

Издательство «Книжный дом "ЛИБРОКОМ"».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60х90/16. Печ. л. 15,5. Бумага типографская. Зак. № 2046.
Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11 А, стр. 11.

Оглавление

Предисловие	7
Введение. Текст как объект исследования в гуманитарных науках	11
Глава I. Текст как форма порождения человеческого знания	18
Раздел 1. Текстуальность. Критерии текстуальности.....	18
1.1. Проблемы делимитации и идентификации текста в новой исследовательской парадигме.....	24
1.1.1. Сетература и гипертекст.....	24
1.1.2. Когерентность - критерий целостности текста или целостности восприятия текста?.....	26
Раздел 2. Текстуальность как прототипический феномен.....	32
2.1. Модель текстуальности в процессуальном аспекте.....	34
2.1.1. Культурная маркированность как критерий текстуальности.....	36
2.2. Инвариант и прототип: к определению понятий.....	37
2.3. Прототипический характер текстуальности..	38
Раздел 3. Текст статичен или текст процессуален?.....	43
Глава II. Тип текста как единица лингвистического анализа	51
Раздел 4. Типологизация текстов как лингвистическая проблем.....	51

4.1. Функциональный стиль и жанр речи в традициях отечественной лингвистики	52
4.2. Тип текста и лингвистическая типология в зарубежной лингвистике	57
4.2.1. Проблема разграничения понятий «жанр» и «тип текста» в отечественной и зарубежной лингвистике	60
4.3. Тип текста как лингвистическая категория и как единица типологического анализа	62
4.4. Типологическая интертекстуальность	63
4.5. Тип текста как взаимодействие речевого стандарта и вариативных компонентов	64
Раздел 5. Основные итоги и тенденции развития современной типологии текстов	69
5.1. Тип текста как форма упорядочивания человеческой коммуникации.....	69
5.2. Процессуальность как вектор современной типологии	71
5.3. Текстотипологическая компетенция в когнитивном аспекте	74
5.4. Взаимодействие текстовых моделей: текстовая гетерогенность	78
Глава III. Текст vs. коммуникат. Поликодовость в тексте	83
Раздел 6. Поликодовость как форма текстовой гетерогенности	83
6.1. Текстовая гетерогенность: текст в лингвистике vs. текст в семиотике	83

6.2. Креолизованный текст – коммуникат – поликодовый текст: к определению понятий.....	86
6.2.1. Поликодовый текст: вербально-визуальное единство	90
Раздел 7. Функционально-стилистическая гетерогенность в тексте	97
7.1. Стилизация и пародия в художественно-эстетической коммуникации.....	97
7.2. Репродукция и коллаж.....	109
Раздел 8. Гетерогенный тип текста.....	112
8.1. Монтаж текстовых типов	112
8.2. Нарушение канона как стилевая текстовая доминанта	130
Глава IV. Текст в системе дискурса.....	134
Раздел 9. Дискурс как лингвистическая категория	134
9.1. Текст и дискурс: соотношение понятий	134
9.2. Понятие дискурса в различных школах дискурсивного анализа.....	136
9.3. Дискурс: к определению понятий	143
9.3.1. Дискурс и функциональный стиль: к различию понятий	147
9.3.2. Когда анализ текста становится анализом дискурса.....	149
9.4. «Власть дискурса».....	157
9.5. Принципы дискурсивного анализа	168
9.6. Дискурсивность как свойство текста и как критерий текстualityности	172

Раздел 10. Интертекстуальность и интердискурсивность	175
10.1. Интертекстуальность как культурно-семиотический феномен	177
10.1.1. Радикальная модель интертекстуальности.....	180
10.2. Интертекстуальность как «узкая концепция» межтекстовых связей	184
10.3. Интертекстуальность как текстовая категория.....	185
10.4. Функционально-прагматическое содержание интертекстуальности как категории открытости текста	188
10.5. Виды интертекстуальных связей.....	193
10.6. Маркированность интертекстуальных связей	196
10.6.1. Интертекстуальность в научной коммуникации и ее маркеры	202
10.7. Визуализированная интертекстуальность как интериконичность	209
Раздел 11. Открытый текст и открытый дискурс: от интертекстуальности к интердискурсивности.....	210
11.1. Интертекстуальность vs интердискурсивность как механизм пародирования	216
11.2. Интердискурсивность как механизм текстообразования	220
11.3. Маркеры интердискурсивности	222
Заключение	227
Литература	232
Использованные словари	244
Источники	245
Литература для углубленного чтения	245

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга рассматривает предмет и цели лингвистики текста в новых исследовательских условиях конца 20-го и начала 21-го века.

В качестве основополагающих суждений, вводящих в проблематику этой книги, считаю возможным подчеркнуть следующее.

Само обращение к проблемам текстуальности, вынесенное в заглавие книги, интертекстуальности, с одной стороны и дискурса, дискурсивности, с другой, заставляет (явно или неявно!) представить огромное, подчас не поддающееся обозрению количество публикаций, так или иначе связанных с этой проблемой: это статьи, монографии, учебники, диссертации, материалы конференций. Данная работа не представляет собой попытку обзора и включения в библиографический список всех публикаций, с которыми в большей или меньшей степени связано поступательное развитие науки о тексте на протяжении более четырех десятилетий. Предлагаемая вниманию читателя книга строится не с опорой на хронологически сменяющиеся друг друга точки зрения, парадигмы и этапы развития лингвистики текста с 60-х гг. до настоящего времени, но с преимущественным вниманием к той современной исследовательской ситуации, когда в ряде концепций **текст** противопоставляется **дискурсу**, во всяком случае, текст считается не завершающим уровнем коммуникативно-речевой иерархии, но включенным в систему дискурса. Предпринимаемый анализ строится в той «системе координат», когда задачи и перспективы лингвистики текста обсуждаются в связи с дискурсивным анализом.

Особое значение в системе рассуждений приобретает понятие **гетерогенного текста**, прагматически фокусирующего проблему текстовой неоднородности, гибридности, прослеживаемой как на уровне формы, так и содержания. Особой формой текстовой гетерогенности выступает **поликодовый** текст.

Креолизованный текст, супертекст, бимедиальный, полимедиальный, мультимедиальный текст, вербально-визуальный текст ("Sprache-Bild-Text"), поликодовый текст – вот термины, которые вошли в научный оборот, подчеркивая, что текст как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей. «Материя» текста соткана из многих различных элементов, существенно влияющих на восприятие текстового целого. Не только особенности соединения языковых знаков в текстовую ткань, но и графическое, шрифтовое, визуальное, цветовое оформление – то, что называется текстовым дизайном (Textdesign), попадает в сферу интересов лингвистов и обуславливает выводы относительно функционирования текстовых смыслов. «Поликодовый» текст фокусирует факт взаимодействия различных кодов, если понимать под кодом систему условных обозначений, символов, знаков и правил их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде. Этот термин характеризует явление текстовой гетерогенности на уровне формы, достигаемой через соединение различных семиотических систем. Например, вербальной и визуальной. И в этом смысле феномен поликодности напрямую связан с проявлениями интердискурсивности, взаимодействия различных дискурсов. При этом в книге рассматривается текстовая гетерогенность иного рода, функционально-стилистическая, порождаемая контрастом смысловых систем, «своего» и «чужого» слова, сосуществующих в текстовом пространстве. Текстовая гетерогенность такого рода традиционно относилась к сфере притяжения интертекстуальности и известна исследователю в явлениях стилизации, пародирования, коллажа, других видах интертекстуальности.

Тексты на **русском и немецком** языках представляют анализируемое явление не как специфическое культурно-языковое, но как отражающее общие процессы и тенденции коммуникативно-речевой деятельности.

В текстоцентрической логике наших рассуждений мы будем основываться преимущественно на тех современных отечественных и зарубежных работах интегративного характера, которые вобрали в себя достижения предшественников в осмыслении понятия «текст» и на этом фоне показывающих то новое в плане теории текста, привлекаемого к анализу материала и, в целом, исследовательских проблем, с которыми связывается сегодня поступательное развитие языкознания. Задача обзора и критического разбора этапов становления лингвистики текста и различных представлений о тексте здесь не ставится. Разумеется, что базовые и широко известные положения науки о тексте освещаются как необходимая составляющая и предпосылка для осмысления новых гипотез, нового взгляда на сущность текстуальности и, вообще, фундаментальных лингвистических категорий.

Говоря о базовых положениях и новых гипотезах, выделю здесь, не претендуя на полноту обзора, публикации последнего времени, которые наиболее всесторонне, емко и научно взвешенно представляет анализируемый круг проблем (Щирова, Тураева 2005; Щирова, Гончарова 2006; Гончарова, Шишкина 2005; Залевская 2001; Дымарский 2001; Николаева 2000; Adamzik 2004; Heinemann 2002; Heinemann, Vierweger 1991; Vater 1992, и др.). Ссылки на эти работы рассматриваю как своего рода введение «чужими словами» в собственный анализ и отсылаю заинтересованного читателя к развернутому знакомству с источниками. При этом повторяю Т.М. Николаеву: «Необходимо различать работы по теории текста и ту теорию, которая может быть построена на базе этих работ, в свою очередь рассматриваемых как исходный базисный текст» (2000: 412).

Выражаю глубокую благодарность за многолетнюю научную поддержку профессору Потсдамского университета **Кристине Кесслер**, критический взгляд и добрая бескорыстная помощь которой во многом ускорили появление этой книги.

Искренне благодарю **Асю Григорьевну Лернер**, подготовившую для меня с рукописного оригинала техническую верстку этой и других публикаций, а также помогавшей мне в редактировании книги.

Введение

Текст как объект исследования в гуманитарных науках

Вопрос о том, что такое «текст», задавался лингвистами собственно с момента возникновения лингвистики текста. Однозначного ответа, т.е. однозначной, признаваемой всеми, дефиниции текста при этом не существует. Примечательно, что в до-теоретическом представлении – в обиходно-бытовом смысле – ответ на этот вопрос не вызывает затруднений. Практически любой носитель языка способен привести пример того, что он считает текстом: интервью, объявление, роман, научная статья, стихотворение, разговор по телефону и т.д. И такой эмпирически продиктованный взгляд не вызовет сомнений и решительных несогласий в среде пользователей языком. В практическом смысле проблемы, что такое текст, не существует. В научном отношении ответ на поставленный вопрос зависит от теоретических воззрений исследователя и потому не может быть однозначным.

Строя рассуждения о статусе и перспективах развития науки о тексте в новом веке, в новых исследовательских условиях, следует иметь в виду следующее.

Становление и развитие лингвистики текста сопровождалось и сопровождается дискуссиями о сущности ее объекта. Первоначально они фокусировались вокруг оппозиций **текст – предложение; текст – высказывание; текст: письменный или устный; текст – нетекст**, и, наконец, сегодня это оппозиция **текст – дискурс**. Последняя пара категорий оказалась в центре повышенного интереса как теоретических, так и практически ориентированных разработок всех исследователей, имеющих дело с коммуникативной и речевой деятельностью человека. Интересы таких исследователей объединили «собранные под «когнитивным зонтиком» дисциплины для реализации особенностей междисциплинарной программы: изучение процессов, так или иначе связанных со знанием и информацией» (Кубрякова 1994: 35). На традиционные лингвистические

категории и понятия наложилась новая система координат, сместившая исследовательский вектор от внутриязыковой структуры текста к динамическим процессам психического (ментального) отражения, переработки знания.

Сомнения относительно того, что же в действительности изучает (должен изучать) лингвист – текст или дискурс, оказались сфокусированными примерно одновременно и в зарубежных и в отечественных исследованиях, а именно, около десятилетия назад. Основные причины для пересмотра ставшей традиционной текстоцентрической парадигмы таковы.

Первое. Лингвистика текста развивалась и существовала с конца 60-х гг. XX в. в тех условиях, когда не выработано единого общепринятого определения текста – их более 300, по данным авторитетных германистов (Heinemann, Viehweger 1991). Аналогичные данные приводит и В.П. Белянин (1999). Многообразие сменяющих друг друга подходов к определению текста (грамматического, семантического, прагматически и коммуникативно ориентированного, а в последнее время и когнитивного) заставляют исследователей начинать собственный анализ с определения того, что такое текст в их системе рассуждений. Таким образом, складывалась довольно парадоксальная ситуация: «сколько исследователей, столько и определений текста». Определения эти, как сказано, во многом различны, что подчеркивает расплывчатость границ и признаков текста как объекта лингвистики.

Второе. В 80–90-е гг. сложилось относительное единство взглядов на текст как независимую высшую единицу коммуникативной иерархии. При этом был очевиден подход «снизу вверх»: с уровня предложения к тексту как множеству предложений. Теперь, однако, текст не может рассматриваться как независимая высшая коммуникативная единица; текст – важный элемент коммуникативной системы, но не единственный, он сам существует в системе дискурса, т.е. вокруг- и надтекстового экстралингвистического фона.

Наконец, в-третьих, в когнитивно-ориентированной парадигме новое звучание получают дискуссии вокруг феномена целостности (цельности) текста. Собственно, споры о том, что такое когерентность как критерий текстуальности, присуща ли она тексту как его объективное, имманентно заданное качество или же реконструируется – создается – адресатом заново в процессе понимания и интерпретации текста, сопровождали лингвистику текста с самых первых публикаций о текстуальности. Текст (*textus*) означает, как известно, соединение, сплетение, связь. Но какую именно связь, связь каких элементов, структур, процессов между собой лингвист хочет и может назвать текстом? Внутритекстовые, заданные текстовой системой? Или же те связи, которые возникают за пределами текстового пространства в голове реципиента, встретившегося с текстом? Значит ли это, что текста нет, пока он не встретится с воспринимающим его сознанием?

Вопрос о том, что же такое текст, каков статус этой лингвистической категории в свете новых исследовательских акцентов и новой парадигмы лингвистического знания – когнитивно-дискурсивной, не снимается, но звучит с новой силой. Какие свойства могут и должны быть присущи всякому тексту - текстовому экземпляру, реально существующему и/или потенциально возможному? Каковы признаки, факторы, обеспечивающие текстопорождение и -восприятие и делающие текст текстом? Это тот круг вопросов, которые были поставлены уже в 70-е гг. XX в. лингвистикой текста и которые снова находятся в фокусе языковедческих дискуссий уже на новом витке развития научной мысли.

Отойдем здесь коротко от теоретических рассуждений и взглянем на текст и порождаемые этим феноменом вопросы глазами нелингвиста.

В музее города Ганновер хранится написанная маслом в 1959 г. картина немецкого художника Карла Бухайстера «*Composition Textem*» – «Композиция текст» - так, очевидно, следует перевести это название. На картине проступают темные и

светлые полосы, располагающиеся горизонтально, диагонально и под углом друг к другу – создается некое подобие сетки, сплетения, а точнее - внутренней структуры. Такой образ отсылает нас к этимологии латинского слова *textus*, означающей, как уже упоминалось, «сплетение, соединение, связь». На пересекающиеся широкие линии картины наложены светлые пятна краски, мерцающие как своеобразные акценты в общем сплетающемся образе. Изображение оставляет определенное впечатление, а именно, фрагментарности картинке, ее случайной выхваченности из бесконечного континуума. Линии воспринимаются как продолжающиеся далеко за видимыми («формальными») границами рамки. Ср.:

Carl Buchheister:
Komposition Textem (1959)
Sprengel Museum, Hannover

Этот визуализированный пример очень точно и наглядно высвечивает те краевугольные моменты, которые являются сегодня определяющими в собственно научных дискуссиях: текст представляет собой содержательное единство, структуриро-

ванное и потенциально интерпретируемое целое; текст состоит из различных элементов; текст существует внутри некой протяженной – континуальной – сущности как ее фрагмент; границы текста, его начало и конец, относительны.

В современной исследовательской парадигме текст называется одним из ключевых понятий XX века, средством выражения и закрепления человеческого знания, составляющего основу цивилизации. Текст выступает объектом исследования многих гуманитарных наук, подтверждая междисциплинарный статус теории текста как таковой. (Подробнее об этом: Щирова, Гончарова 2006: 8-12).

Для нас текст примечателен как объект изучения в *лингвистике текста*. О становлении и первоначальном развитии этой науки см. подробный обзор в: Гончарова, Шишкина 2005; Николаева 2001; Adamzik 2004; Heinemann 2002; Heinemann, Vierweger 1991; Vater 1992, а также в более ранних трудах Гальперин 1981, Одинцов 1980 и др. Характерной чертой лингвистики текста на протяжении всех лет ее развития с 60-х гг. XX в. до нашего времени является известная плюралистичность теоретических позиций и предлагаемых моделей текста.

Первый этап развития лингвистики текста связан с анализом правил соединения цепочки предложений/высказываний в более крупные единицы: над- (сверх)фразовые единства, сложные синтаксические целые, абзацы и т.д. Лингвистика текста развивалась как «грамматика текста», синтаксис текста. Феномен «текст», таким образом, связывался преимущественно с организацией поверхностной структуры текстов.

Следующим этапом стал этап функционального описания текстов, т.е. коммуникативно-прагматический этап. И здесь центральные акценты принадлежали изучению связности и цельности текста как его базовых свойств (изучению того как создаются отправителем и воссоздаются реципиентом эти качественные показатели текста как коммуникативного единства.

Третий этап – это этап когнитивно-ориентированного анализа, поставившего в центр внимания процессы производства и восприятия текста, который рассматривается как результат ментальных процедур по получению, обработке, репрезентации и хранения человеческого знания (ср.: Николаева 2000: 412-413; Adamzik 2004: 1). О начальных этапах становления когнитивизма см.: Кубрякова 1994; Демьянков 1994. Важно заметить здесь, что когнитивный ракурс в лингвистических исследованиях, то, что называлось «когнитивной революцией» было одним из проявлений общей тенденции к интерпретативности в различных дисциплинах. Одним из проявлений интерпретационизма и свидетельств в его пользу следует считать тот факт, что восприятие текста в когнитивном ключе исследуется более активно, чем его продуцирование (ср.: Демьянков 1994: 20-21).

Глубоко анализируя текст как объект филологической интерпретации, Е.А. Гончарова подчеркивает, что интерес к тексту «можно считать логическим продолжением функционально и коммуникативно-ориентированного изучения языка, у истоков которого стоят, с одной стороны, Ф. де Соссюр с его теорией антиномии языка и речи, а с другой, Пражский лингвистический кружок, сделавший центральным предметом своих наблюдений функционирование языка как действующей в неразрывной связи с его носителем-человеком и открытой коммуникативным обстоятельствам системы» (Гончарова, Шишкина, 2005: 5, выделено мной – В.Ч.). Сегодня базисным фактором для формирования основных и, далее, новых подходов к феномену текстуальности стало признание человеческого фактора, изучение речи / текста с позиций «присвоения» их носителем языка, т.е. с позиций антропоцентризма.

Повторим И.А. Щинову, называющую целый ряд *тенденций в изучении текста*, который может рассматриваться сегодня как свидетельство антропоцентризма и внимания к категории субъекта:

- прочтение текста в составе открытой системы «искусство – общество»;
- разработка идей диалогизма, полифонии, интертекстуальности;
- обращение к образу автора в его различных ипостасях; возрождение интереса к проблеме авторской интенции;
- внимание к личности интерпретатора и ситуации интерпретации, связанное с ориентацией на субъективное прочтение текста;
- разработка проблем интерпретации и дискуссия вокруг интерпретационных границ («права читателя» vs. «права автора» vs. «права текста»);
- признание основной задачей интерпретатора конституирование текстового смысла текста с учетом зависимости текста от общественно-исторического контекста;
- выявление механизмов стимулирования когнитивной активности читателя, способного извлечь текстовый смысл без видимой авторской помощи;
- изучение основных антропоцентров текста как «языковых личностей»;
- освоение антропоцентризма и эмотивности как текстовых категорий (Щирова, Тураева 2005: 12-13).

Итак, текст выступает как точка пересечения исследовательского интереса многих наук. Предлагаемый в книге анализ связывается преимущественно с *лингвистикой текста*. При этом направляющее значение для логики изложения имеет оценка лингвистики текста как междисциплинарно развивающейся науке.

Глава I. Текст как форма порождения человеческого знания

Раздел 1. Текстуальность. Критерии текстуальности

Практически во всех определениях текста можно вычленить несколько дефиниционных аспектов, без которых природа текста и текстуальности остается неясной. Речь идет о наборе качественных характеристик, признаков, без которых текст не может существовать как таковой. На уровне словесного выражения такие характеристики у различных исследователей выглядят неодинаково. Но, в целом, абстрагируясь от формальных частностей, лингвисты констатируют, что целесообразно выделять:

- **всеобщие** признаки текста, которые выражают его существенные свойства как объекта анализа;
- **типологические (типологически закрепленные) признаки**, присущие не всем текстам, но текстам как представителям определенных классов, видов, типов;
- **индивидуальные характеристики**, присущие отдельным текстovým произведениям и показывающие их уникальное своеобразие (ср.: Krause 2000: 48). Это – общий методологический принцип анализа «общего – особенного – единичного», он констатирует, что все текстовые экземпляры (отдельные произведения) наряду с уникальными индивидуально-вариативными характеристиками, обнаруживают универсальные, т.е. инвариантные признаки, лежащие в основе дефиниционных аспектов *общего определения текста*. К таким инвариантным для делимитации и идентификации текста признакам отнесем следующие, выделенные в книге Е.А. Гончаровой и И.П. Шишкиной:

Текст представляет собой законченную с точки зрения его создателя, но в смысловом и интенциональном плане открытую для множественных интерпретаций линейную последовательность языковых знаков, выражаемых графиче-

ским (письменным) или звуковым (устным) способом, семантико-смысловое взаимодействие которых создает некое композиционное единство, поддерживаемое лексико-грамматическими отношениями между отдельными элементами возникшей таким образом структуры.

Как автономное речемыслительное произведение текст имеет специфическую пропозиционально-тематическую структуру.

Текст реализует определенное коммуникативное действие своего / -их автора / -ов; в его основе лежит некая коммуникативно-прагматическая стратегия, или текстовая/-ые функция/-и, проявляющиеся с помощью системы языковых и контекстуальных сигналов, которые в силу их формальной выраженности предполагают адекватную реакцию адресата (Гончарова, Шишкина 2005: 8).

Выявление и систематизация внутренне необходимых свойств текста связано с вопросом о его, текста, качественной определенности, то есть отличии текста от нетекста. Это – первый этап в осмыслении проблемы делимитации и идентификации текста, то есть отграничения его от других языковых единиц. Качественная определенность текста в зарубежной лингвистической традиции называется *текстуальностью* (англ. texture, textuality, textness; нем. Texthaftigkeit, Textur, Textualität). Текстуальность в западной традиции предстает, таким образом, как совокупность неких черт (свойств, параметров).

В отечественной науке в этой связи чаще говорится о категориях текста. Традиция, видимо, положена широко известной книгой И.Р.Гальперина "Текст как объект лингвистического исследования" (1981), в которой приводится перечень обязательных и вариативно варьирующихся, факультативных категорий: информативность, членимость, проспекция, ретроспекция, когезия, континуум, модальность, автосемантия, завершенность, подтекст (см. там же, с. 27, 131). В последующие годы к ним добавлялись такие наиболее значимые и обсуждаемые как ху-

дожественное время и художественное пространство – хроно- топ (З.Я.Тураева), адресованность (О.П.Воробьева), эмотив- ность (В.И.Шаховский, О.Е.Филимонова) и др. В 1990-е г.г. в отечественной литературе отмечалось более 50 текстовых ка- тегорий (по: Щирова, Гончарова 2006: 57), перечень категорий текста в современном состоянии (см. Бабенко, Казарина 2003).

В зарубежной лингвистике вопрос о том, каким критериям должен отвечать текст (как собственно лингвистический, а не общесемиотический феномен!), был изначально поставлен и раскрыт наиболее полно В. Дресслером и Р.-А. де Бограндом в их "Лингвистике текста", изданной в 1981 г. (и переиздававшей- ся в дальнейшем на немецком и английском языках). Предло- женная авторами модель текстуальности послужила основой для многих последующих дискуссий и теорий относительно текстового статуса вообще, она широко обсуждается и заимст- вуется и в отечественных работах. В качестве фундаменталь- ных – первичных, базовых свойств текста В. Дресслер и Р.-А. де Богранд называли 7 признаков: когезию, когерентность, ин- тенциональность, адресованность, информативность, ситуа- тивность, (типологическую) интертекстуальность. Их следует рассматривать как те конститутивные принципы, которые с не- обходимостью соблюдаются как при тектопорождении, так и при текстовосприятии. Суммируя кратко:

когезия (1) - это взаимосвязь компонентов поверхностной структуры текста: грамматико-синтаксическая, лексическая, ритмическая, графическая; когерентность (2) - семантико- когнитивная связность в ее различных аспектах: причинно- следственном, временном, референциальном. Оппозиция «ко- гезия - когерентность» - это оппозиция поверхностной структу- ры и глубинно-смыслового уровня. Интенциональность (3) как обусловленность текстового целого коммуникативной целью тесно связана с адресованностью (4), т.е. коммуникативно- прагматической направленностью на адресата во всем много- образии его, адресата, характеристик: социальных, возрастных,

коммуникативно-ролевых etc. Информативность (5) подразумевает отражение в тексте степени/меры ожидаемости/неожиданности, известности/неизвестности, предъявляемых адресату смысловых образований, что обуславливает отбор и комбинирование языковых средств. Ситуативность (6) характеризует соотношенность текста с релевантными факторами коммуникативной ситуации его порождения. Наконец, интертекстуальность (7) предполагает воспроизводимость в конкретном текстовом экземпляре инвариантных признаков, определяемых моделью его текстопостроения - типа текста.

Эта модель текстуальности вот уже два десятилетия является доминирующей в дискуссиях по лингвистике текста, и критерии текстуальности, по де Богранду и Дресслеру, называются в качестве основных признаков текста во всех авторитетных зарубежных исследованиях (R.-A. De Beaugrande, W. Dressler, M. Halliday, R. Hasan, H. Vater, W. Heinemann и др.), в том числе в изданиях справочного и учебного характера (см. удачный обзор в Щирова, Гончарова 2006: 23-37, Гончарова, Шишкина 2004: 14-23). Повторим, что в отечественной науке перечень существенных признаков текста несколько отличается от приведенных выше. В целом, это объяснимо различием в традициях интерпретации и анализа текста - западно-европейской, ставящей в центр внимания установление критериев или стандартов, отличающих в своей интегративной совокупности текст от нетекста и отечественной традиции, ориентированной на выделение и описание текстовых категорий и сопоставление текста с единицами более низких уровней языковой иерархии (И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина, Т.М. Дридзе, Ю.А. Сорокин, А.А. Леонтьев, З.Я. Тураева).

Возвращаясь к концепции де Богранда и Дресслера, подчеркнем, что признание ее теоретической значимости отнюдь не исключает возможности ее дополнения, уточнения, критической интерпретации. И дискуссии, порождавшие затем новые представления, возникали изначально.

Прежде всего, очевидно, что предложенная модель текстуальности базируется на разнородных признаках текста - разнородных в том смысле, что отражаются, во-первых, различные теоретические подходы к определению сущности текста, сменявшие друг друга с 60-х-80-х гг. а, во-вторых, недифференцированно объединяются различные уровни текстового целого.

Первый из названных признаков текста, когезия, т.е. грамматико-синтаксическая взаимосвязь элементов текстового целого на поверхностном уровне отражает грамматически ориентированную модель текста, находившуюся у истоков формирования лингвистики текста. Именно этот аспект текстуальности был центральным в 60-е и 70-е гг. в работах по лингвистике текста, противопоставляемой грамматике предложения (т.н. системной лингвистике).

Критерии когерентности и информативности (называемой еще тематичностью) отражают, в свою очередь, семантически ориентированный подход к описанию текста. Уже изначально при возникновении лингвистики текста как новой дисциплины исследователи сделали акцент на глубинной смысловой, семантически обусловленной взаимосвязи языковых элементов в текстовое целое. Этот теоретический подход нашел свое выражение в соответствующих дефинициях текста как системы смысловых элементов.

Дальнейшее развитие лингвистики текста отмечено осознанием того факта, что синтаксически обусловленная связность (на поверхностном уровне) и семантически обусловленное единство языковых элементов необходимо, но не достаточно для определения феномена текстовой целостности - тот вывод, который стал очевиден вместе с т.н. прагматическим поворотом в языковедении. *Функциональная перспектива текста, его коммуникативное назначение* выходит на первый план. Все языковые единицы, все слова, включенные в текст, становятся, таким образом, включенными в коммуникативную ситуацию. Они являются результатом осмысленного целенаправ-

ленного выбора автора текста, создающего текстовое целое. Очень точным и емким представляется в связи с этим высказывание Е.А. Гончаровой: "Создавая текст как целостную смысловую и речевую структуру, каждый речевой субъект "преднаходит" нужные ему элементы в языке, вливаемом в текст не как целостная структура, а фрагментарно, отдельными строевыми элементами, отбираемыми сообразно потребностям сообщения и общения... Входя в структурно-смысловое текстовое целое, главные номинативные и коммуникативные единицы системы языка - слово и предложение - превращаются в "текстослова" и "текстопредложения", в семантике и синтактике которых сочетаются характеристики, идущие как от системы языка, так и от "системы текста" (Гончарова 2003:12).

Очевидно, что семантика "текстослов" может значительно отличаться от семантики изолированных слов, и только в тексте, осмысляясь, слово актуализирует значение. Даже у самой нейтральной единицы, включенной в высказывание/текст, возможны семантические приращения. *В тексте возникает качественно новое целое, не равное сумме системных значений отдельных единиц.*

Именно с осмыслением текстового целого как качественно нового целого, не складывающегося механически из суммы входящих в его систему элементов, и связана проблема выявления имманентных свойств текста. Проблема текстуальности оказывается сфокусированной по-новому как вопрос о возможности и оправданности признавать тезис о самодостаточности набора неких характеристик для придания статуса текста. Меняется ли существо текстуальности при переходе к тексту не как к статическому образованию, но как динамической структуре, как к "живому носителю значений"? Продолжая этот вопрос – являются ли признаки текста (критерии текстуальности) его имманентными, то есть внутренне обусловленными свойствами, самодостаточными? Могут ли лингвисты вообще объявить какие-либо признаки текста имманентными, раз и навсегда

данными и раз и навсегда связанными с феноменом текстуральности? Ведь, как известно, создаваемая в начале В. Дресслером и де Бограндом модель из 7 критериев подразумевала их как интегративное единство: при невыполнении одного из них текст переставал быть текстом (см. в этой связи дискуссии о так называемых псевдотекстах, или текстоидах, Vater 1992: 18 и след.).

Итак, рассмотрим традиционные текстовые признаки в контексте современного состояния человеческой практики и научного познания. *Оставляет ли наше новое знание и новые факты практической деятельности без изменения представления о системе обязательных признаков текста и текстуральности?*

1.1. Проблемы делимитации и идентификации текста в новой исследовательской парадигме

В традиционных представлениях и ожиданиях текст – это завершенная последовательность языковых и/или неязыковых знаков; текст должен обладать внутренней организацией, как представлялось, с началом и концом. Сегодня, однако, с очевидностью существуют тексты без формально обозначенных границ, то есть незавершенные. Примером тому служат так называемые чаты в Интернете без видимых признаков завершенности сообщения, а также романы, появляющиеся в глобальной Сети и продолжаемые различными авторами, входящими в Сеть, без обозначения конца или вообще сигналов его законченности.

1.1.1. Сетература и гипертекст

В научный оборот сегодня прочно вошло понятие сетературы – сетевой литературы, выдвигающей в центр внимания идею об Интернете как средстве создания интерактивной творческой среды. Сетература – это "новая, принципиально отлич-

ная от традиционной формы литература, меняющая отношение читателя с автором, превращая их в соавторов, использующая новые технологии, конечный продукт которых размещается в компьютерной сети и может видоизменяться во времени многими читателями из разных мест односторонне" (Барст 2005: 3).

Актуальным объектом лингвистического анализа стало, далее, понятие "*гипертекст*" ("больше, чем текст"), разрушающее сложившееся представление о тексте как линейно упорядоченном, обладающем формальной когерентностью единстве. Гипертекст – это электронное художественное произведение, компьютерно организованное. Гипертекст определяют как нелинейный разветвляющийся текст, позволяющий читателю самостоятельно избрать путь чтения ("броузинг") по его фрагментам. Гипертекст – это метод объединения документов; это механизм для нелинейной структурированности текста; это форма организации текстов (Schuppp 1992). Гипертекст характеризует особый способ построения художественного произведения в виде отдельных блоков – "кусков", "ломтей", "текстонов", между которыми могут быть установлены перекрестные гипертекстовые ссылки. Сетература и гипертекст обуславливают возможность новой нелинейной "среды обитания" текстов – виртуальной реальности, противостоящей "естественной среде обитания" линейных текстов на бумаге. Следствием подобной "миграции" можно считать активно разрабатываемые новые литературные формы, жанры и типы текстов: гиперроман, гиперрассказ, гипердрама, гиперпоэзия.

Итак, нелинейный гипертекст меняет наши сложившиеся представления о тексте как линейной последовательности, имеющей начало и обязательный конец. И это то, что воспринимается как проблема, то есть противоречие с имеющимися представлениями, на поверхностном, формальном уровне. Встает вопрос о структурных критериях текстуальности. Это во-первых. Во-вторых, обсуждаемое явление ставит в новом ракурсе проблему исчезновения автора и незначимости автор-

ской интенции при создании текста (оговорюсь, что эта проблема смыкается с кругом вопросов интертекстуальности и требует отдельного рассмотрения). Продолжая эту мысль: сегодня существуют автоматически создаваемые электронные послания, "размножаемые" компьютером с теми или иными модификациями, без однозначного идентифицируемого субъекта речи. Такие сообщения можно считать текстами по определению? И этот вопрос уводит к более глубинным проблемам имманентных свойств текста, от формальной связности – когезии к содержательно-смысловой связи текстовых элементов, то есть когерентности. Когда, при каких условиях текст содержательно целостен?

1.1.2. Когерентность – критерий целостности текста или целостности восприятия текста?

В рамках одного из возможных подходов – его определяют как психолингвистический или рецептивно ориентированный – ставится и по-своему решается вопрос о том, являются ли признаки текста его имманентными, внутренне обусловленными свойствами или же результатом интерпретации текста воспринимающим его реципиентом, иными словами, результатом когнитивной деятельности воспринимающего субъекта. Например, когерентность, т.е. глубинная содержательно-смысловая связность текста, будучи как лингвистическим, так и в значительной степени экстралингвистическим феноменом, не обязательно эксплицируется на поверхностном уровне текста посредством конкретных языковых знаков. Можно сказать – не обязательно «материализуется в тексте». При этом существуют ситуации, когда внешне бессвязные последовательности слов и предложений идентифицируются реципиентом как текст, т.е. высказывание воспринимается как когерентное. Ср. пример, приводимый в этой связи немецким специалистом Х. Фатером, автором неоднократно переиздаваемых в Германии учебников по лингвистике текста:

- Идет дождь. Дай мне Библию.

Будучи предъявленной группе опрашиваемых, эта последовательность высказываний, придуманная, чтобы показать нечто бессвязное, идентифицировалась большинством из них как текст, выражающий смысл и, следовательно, коммуникативную интенцию: "адресант просит Библию, чтобы укрыть ее от дождя" (Vater 2001). Аналогичные эксперименты описывает и К. Бринкер (Brinker 1992).

В этой связи многие исследователи рассматривают феномен целостности текста с рецептивно ориентированной позиции. Ср. следующие мнения: "Coherence is not in the text. One can only say, someone understands a text as coherent" ("Когерентность не заложена в тексте. Можно только сказать, что некто понимает текст как когерентный"; Bublitz: 1994: 218).

В зарубежной лингвистике для большинства авторов принципиально значимо различие двух аспектов текстовой связности: когезии как уровня структурной организации текста и когерентности как его семантико-когнитивной связности. Заметим попутно, что некоторые зарубежные авторы в своих определениях текста и текстуальности вводили и такой критерий, как завершенность (Vollständigkeit, Abgeschlossenheit; напр., Hennig/Huth 1975), что фактически связано с расхождением в терминологии и деталях, но не в существе понимания проблемы.

В отечественной науке эта проблема традиционно рассматривается в терминах "цельности (целостности)" и "связности" текста, и ее решение методологически разделяется между лингвистикой текста и психолингвистикой. Так, цельность понимается как внутренняя смысловая организация текста (высказывания), не обязательно эксплицируемая в языковых категориях, но всегда осознаваемая при восприятии текста, в то время как аппарат лингвистики пригоден для характеристики именно связности (Леонтьев 1979:19). Цельность текста не определима лингвистически: тот текст целостен (т.е. является текстом), ко-

торый воспринимается как осмысленное целесообразное единство (там же, с.28). Существует точка зрения, что психолингвистика специализируется на изучении цельности, а лингвистика - на изучении связности.

Очень точно обсуждаемую проблему сформулировала Е.В. Левченко: "Какие свойства текста изучали теория текста и психолингвистика - одни и те же или разные? Различается ли та реальность, которая обозначена терминами "целостность текста" и "целостность восприятия текста"? (Левченко 2004: 178). Действительно, отчетливо определился переход от обсуждения свойств текста как константной, неизменной данности к анализу восприятия текста. Е.В. Левченко видит это как движение от поиска первичных свойств, неустранимых, присущих тексту вообще, вне зависимости от влияния Автора и Читателя к поиску вторичных свойств, то есть субъектно-объектных, возникающих при взаимодействии субъекта с текстом и исчезающих при размыкании этого контакта. И тогда задача анализа показать, "что реально Читатель вносит во взаимодействие с текстом, какие его свойства порождает из своей головы как Зевс Афины Палладу" (Левченко 2004: 179). Вторичные свойства текста, таким образом, отражают, по мнению исследователя, не его существенные объективные качества, но приписанные субъектом тексту. Это – "мерцающие свойства", изменяющие степень выраженности в зависимости от опыта адресата. Причем, правильность или неправильность приписывания, по Е.В. Левченко, не важны, важна лишь устойчивость, повторяемость, воспроизводимость тех или иных признаков. Экземплярно действие этого механизма "приписывания" при взаимодействии текста с воспринимающим его сознанием показано на примере текстов-парадоксов (см. Левченко 2004; также 1991). Открытым остается вопрос о полном наборе вторичных свойств, их устойчивости и степени зависимости вторичных свойств текста, их устойчивости и степени зависимости от типологической (жанровой) принадлежности текста.

Ряд открытых и дискуссионных вопросов в связи с рецептивно ориентированным пониманием текстовых признаков в динамической модели может быть продолжен еще. Так, нельзя не обратить внимание на опасность циркулярного определения когерентности (по замкнутому кругу): все то, что может быть интерпретировано, есть текст. Кроме того (и это особенно важно), с точки зрения практики лингвистического анализа, адресатоцентричная модель текста оказывается очень мало, чтобы не сказать совсем не эвристичной. Напротив, продуктивной и «практикабельной» является реконструкция – интерпретация, декодирование, понимание – именно авторской интенции, делающей текст целостным, диалогичным, коммуникативно направленным etc. Научные споры и, главное, те ответы, которые предлагаются в результате, зависят от теоретических позиций исследователя. Их подробный анализ остается за рамками данной публикации. В самых общих чертах подчеркну, что продуктивной представляется здесь следующая позиция.

Признавая, что когерентность (или цельность, в другой терминологии) - это то качество, которое реконструируется (должно реконструироваться!) реципиентом, текст возможно и необходимо рассматривать как механизм, "запускающий" когнитивные процессы его восприятия. Когерентность не статичное, раз и навсегда данное качество текста, но когнитивный процесс, в котором интерпретирующему субъекту, реципиенту принадлежит активная роль в раскрытии текстового (коммуникативного) назначения. Это двусторонний диалектический процесс. Адресат выступает и как объект воздействия для автора текста и как самостоятельный субъект его декодирования и интерпретации. Текст предстает как система языковых средств, структур, форм, объединенных коммуникативной стратегией отправителя, закладывающего в текстовую ткань разного рода коммуникативный сигналы, влияющие на адресата, направляющие его восприятие и управляющие им. Адресат, в свою очередь, имеет собственные коммуникативно-прагматические

установки, собственные фоновые знания, заставляющие по-разному (вариативно!) "мерцать" те или иные текстовые смыслы, заложенные в тексте и актуализированные так или иначе субъектом речи. Ср. в этой связи концепции понимания текста как "чтения по следам" ("Textverstehen als Spurenlesen, подробнее: Scherner 1994).

В связи со сказанным важен еще один ракурс в установлении границ когерентности – внутритекстовых или же ситуативно обусловленных. Иллюстрацией послужит пример, по-своему уже обсуждавшийся в книге С.Д. Кацнельсона (1972): следующий фрагмент рассказа Чехова "Елка" воспринимается как содержательно и формально бессвязное соседство двух предложений:

(...)От низу до верху висят карьеры, счастливые случаи, подходящие партии,

выигрыши, кукиш с маслом, щелчки по носу. Вокруг елки толпятся взрослые

дети.

И когезия и когерентность становятся очевидными, если вернуть в начало первое предложение и воспринимать весь фрагмент целиком:

Высокая, вечнозеленая елка судьбы увешана благами жизни. (...)

Этот пример еще раз особым образом демонстрирует относительность связей в текстовом пространстве: когерентность – это свойство, работающее в контекстуальной привязанности. И следующим вопросом, притягивающимся к кругу обсуждаемых, является *вопрос* о характере и *значимости* такого *критерия* текстуальности, как *информативность*, по Дресслеру и де Богранду, или *тематичность*, в другой терминологии. Если тематическая целостность текста определяется обязательным присутствием в нем темы, или некоего "содержательно-информативного конденсата, который не утрачивается даже в случае максимального сокращения текста" (Гончарова, Шишки-

на 2005: 16), то, значит, не существует несемантических текстов, без однозначно узнаваемой темы? Но можно ли с точностью указать тему высказывания – однофразового текста, типа "Классно!", "Ужас!" или же, например, "Пожалуйста!" Очевидно, что этот критерий текстуальности, как и другие, оказывается тесно зависимым от конкретной контекстуализации, от коммуникативной ситуации, а не существует сам по себе как само-достаточное явление.

Сказав здесь "коммуникативная ситуация", мы снова вернулись к коммуникативной функции, к назначению текста в коммуникативно-речевой деятельности. И при этом очевидно, что коммуникативная функция – это наименее уязвимый (практически неуязвимый!) признак текстуальности: текст – это когерентная последовательность языковых (в ряде случаев и неязыковых) знаков, назначение которых – выразить определенную коммуникативную цель. Повторяя еще раз определение текста, провозглашенное прагматически-коммуникативно-ориентированной моделью текстуальности, мы можем вернуться к вопросу, лежащему в истоке всех дискуссий о текстуальности: *а бывают ли вообще нетексты, текстоды?* Ведь примеры, типа "В огороде бузина, а в Киеве дядька" или же приводимые ранее имеют целью показать, проиллюстрировать бессвязность чего-либо по сравнению со связностью чего-либо. Значит, они имеют коммуникативное назначение и, значит, они – тексты?! И значит ли это в конечном итоге тупиковость и циркулярность всех рассуждений о текстовых признаках, способных делимитировать его и показать отличия от нетекста?

Очевидно, что подобного рода вывод напрашивается только в том случае, если исследователь видит в тексте только статичный, застывший результат, а в текстуальности – набор неизменных, заданных однажды и неподвижных свойств. Объяснительный потенциал лингвистики как науки потеряется в дискуссиях о том, каким должен быть "текст вообще". Подобные дискуссии были бы непродуктивны потому, что действитель-

ным объектом лингвистики является не текст вообще, а конкретный текст, и именно с ним мы имеем дело. Текст – не вещь в себе, и применительно к оценке текстовых свойств это требует следующих уточнений.

Первоначальные взгляды на текст и текстуальность строились на признании неких качеств текста как имманентных. Имманентный (лат. *immanens* – пребывающий внутри) – понятие, обозначающее свойство, внутренне присущее предмету, процессу или явлению (Новейший философский словарь 1999: 261).

Современный этап исследований уходит от строгого разграничения по принципу "имманентное – относительное". Это выражается во взглядах на текстуальность как прототипический феномен.

Раздел 2. Текстуальность как прототипический феномен

В объяснении сущности текстуальности как прототипического феномена расставим два необходимых акцента. Первое. Нельзя отрицать качественной определенности текста и наличие у него сущностных свойств – текстуальности. Второе. Невозможно и нецелесообразно осуществить принцип имманентности в его "чистом виде" применительно к текстовым категориям. Лингвистика (текста) имеет объяснительную силу не через создание абстрактных умозрительных теорий, но в ее внимании к реальной языковой практике. А в реальной практике, в оперировании текстами проблемы "что такое текст" не возникает. Любой носитель языка в ответе на этот вопрос будет исходить из своего опыта обращения с конкретными текстами – инструкциями, рецептами, телефонным разговором, романом и т.д. Вообще, наука о языке оперирует гуманитарным знанием и, значит, не признает абсолютных истин: равное право на сосуществование имеют различные точки зрения, если они внут-

ренне не противоречивы. Согласимся с И.А. Щировой, констатирующей сегодня "превращение интерпретатора в знаковую фигуру времени.... Истина оценивается не с позиций объективности, а с позиций ее эвристической полезности" (Щирова, Гончарова 2006: 57-58).

Какая же теоретическая позиция обладает бóльшим объяснительным потенциалом в связи с дискуссиями о качественной определенности текста?

Когнитивно ориентированное направление языковедческих наук задает особый статус лингвистики текста в ряду других дисциплин. Под влиянием и напором дискурсивного анализа мы наблюдали своего рода разграничение "сфер влияния" лингвистического текста и когнитивной лингвистики. Лингвистика текста в ряде современных разработок развивалась в направлении сужения понятия текст, ограничения его только материальной стороной, зафиксированностью на материальном носителе. Процессуальная же сторона текстопроизводства и текстовосприятия часто отводится в область изучения дискурса. Изложенные в предыдущем разделе суждения не позволяют признать продуктивным резкое противопоставление текста и дискурса, результативности и процессуальности, приводящее к растворению текста в стихии процессуальности. Считаю возможным разделить широкое, **динамическое представление о тексте и как процессе и как продукте речемыслительной деятельности**, по Е.А. Гончаровой, М.Я. Дымарскому, И.А. Щировой, В. Хайнеманну, У.Фикс и др. и соотношу существование текстового целого (целостного текстового смысла) с воспринимающим и воссоздающим текст сознанием. Текст зависит от интерпретатора в том смысле, что он создается, будучи включенным в определенные отношения с адресатом. Смысл текстового целого – то, что называется интенцией текста – дает возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его социально-историческим

контекстом. "Воспринимая текст, - пишет И.А. Щирова, и с этим необходимо согласиться – мы не читаем его с "чистого листа", поскольку в *материальной форме текста репрезентируется авторское сознание. Чтобы быть понятным, автор обращается к словам общенародного языка и выстраивает на их основе текстовое целое, по его мнению, оптимально репрезентирующее сформировавшийся в его сознании целостный смысл. Ориентируясь на читателя, автор маркирует текст чертами целостности... Воспринимая текст, читатель исходит из презумпции его целостности и, следуя интерпретативным стратегиям и тактикам, заложенным автором в текст, "собирает" его смысл. Целостность текста, таким образом, всегда обусловлена совместной деятельностью сознаний коммуникантов. Она не является окончательно определенной, поскольку, в конечном итоге, идентифицируется читателем как равноправным участников коммуникации, но является заданной, поскольку изначально идентифицируется авторским сознанием... в форме текста" (2005: 57, курсив мой – В.Ч.).*

Следовательно, текст и текстовые категории имеют "нежесткий" характер, и к ним неприменимо категоричное разграничение по принципу "имманентное – относительное".

Зависимость текста от интерпретатора отрицает имманентность его категорий, но позволяет сохранить за ними статус критериев текстуальности. "В контексте новых научных реалий категории текста целесообразно трактовать не как имманентные свойства, а как репрезентируемое языковыми средствами и зависимые от интерпретативной ситуации когнитивные параметры" (ср.: Щирова, Гончарова, 2006: 56; 53).

2.1. Модель текстуальности в процессуальном аспекте

Операциональная, нестатичная сторона создания текстового целого находит свое отражение в новых моделях текстуальности, которые учитывают традиционно выделявшиеся конститутивные признаки текста, по де Богранду и Дресслеру, или

иные, в соответствии с российской научной традицией. В зарубежных публикациях известны модели текстуальности, альтернативные предложенной де Бограндом и Дресслером, напр.: Feilke 2000. Так, выделяются:

- *генеративность* (Generativität) как способность принципиально неограниченно продуцировать речевые сообщения с коммуникативно-прагматическим эффектом;

- *универсальность* (Universalität), подразумевающая наличие универсальных когнитивно-семантических стратегий порождения текстов, делающих незначимыми возможные единичные ограничения, накладываемые системой конкретного языка на сочетаемость языковых элементов в поверхностной структуре;

- *контекстуальность* (Kontextualität), показывающая, что текст функционирует не как чисто языковая, но как социально-языковая структура. Целостность текста может и должна быть объяснена только при учете его контекстуальных связей и зависимостей, социокультурного, психологического, исторического и прочих факторов, сплетенных с собственно лингвистическими;

- *процессуальность* (Prozessualität) - текстопорождающая компетенция (Text-Herstellungskompetenz), обращенная к процессу создания текста как сложного языкового знака;

- *интенциональность* (Intentionalität), означающая, что текст всегда выступает как ситуативно обусловленное действие (последовательность действий);

- *диалогичность* (Dialogizität), делающая акцент на принципиально диалогичном характере всех коммуникативных процессов, независимо от устной или письменной формы их фиксации, но с теми или иными особенностями актуализации "фактора адресата".

Такой взгляд на текстуальность - далеко не единственный в общей массе теоретических подходов и попыток создать более или менее гомогенную концепцию "динамической текстуальности", дополняющей (а не отменяющей!) традиционный взгляд.

2.1.1. Культурная маркированность как критерий текстуальности

В меняющихся взглядах на сущность текстуальности следует особо выделить тот критерий в научном описании текстов, который связывается со специфической культурной определенностью текстов. Сейчас наметилась отчетливая тенденция включать в систему базовых текстовых признаков *культурную маркированность* (ср.: *Kulturalität*). Например, в новейшей, изданной в Германии «Энциклопедии немецкого языка» культурологическая специфика текста (*Kulturalität*) называется наряду с традиционно выделяемыми текстообразующими характеристиками (Ср.: *Kleine Enzyklopedie. Deutsche Sprache 2001: 477*). Это означает признание того факта, что языковая специфика текстов (т.е. определенных разновидностей – типов, жанров текста) есть одновременно культурно-значимая специфика. Участники коммуникации наряду с фоновым энциклопедическим, языковым, нормативным (текстотипологическим) знанием обладают и культурологическим знанием: конвенциональные социокультурные значения отражаются в ментальности субъектов речи и проявляются при формулировании текста в выборе (предпочтении) тех и не иных языковых единиц. См. об этом *Fix 2000*.

Итак, текстуальность не может быть представлена как набор замкнутых в себе, неизменных, самодостаточных свойств. Она не должна пониматься как "форма для отливки текстов", в которую они закладываются, чтобы отразить свою текстуальность.

То главное, что определяет новые тенденции в анализе текста и, значит, текстуальности, видится в *возможности и целесообразности* применения к описанию текста *прототипического подхода*. Текстуальность так же, как и другие лингвистические единицы и категории, может быть определена с позиций теории прототипов.

2.2. Инвариант и прототип: к определению понятий

Здесь целесообразно сделать некоторое отступление от общей логики изложения и пояснить суть самого понятия "прототип", предлагаемого для обсуждения в связи с текстуальностью.

О прототипе и прототипичности исследователи говорят главным образом в связи с анализом когнитивных процессов при отражении лексической составляющей языка (см., в частности, публикации G.Lakoff, E.Rosch, R.W.Langacker, Е.С.Кубряковой, В.З.Демьянкова, Н.Н.Болдырева и др.). **Прототипичность** связывается с наличием в сознании человека некоего образца, "наилучшего примера", отражающего свойства какого-либо предмета/явления. **Прототип**, таким образом, **это эталон, образцовый вариант для данного класса объектов**. По А.В.Бондарко, "прототип – это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты (признак "источник производности") и во многих случаях наиболее высокой степенью регулярности функционирования" (Бондарко 2003: 19). В качестве иллюстрации прототипичности обычно приводят пример из книги Э.Рош: родовому понятию "птица" в сознании соответствует несколько конкретных видов, в прототип же включаются особи, обладающие признаками "наличие крыльев, умение летать, неодомашенность", например, воробей. В этом примере пингвин не соответствует прототипическим представлениям о птице.

Прототип отличают от **инварианта** как абстрактного обозначения какого-либо класса предметов, отвлеченного от конкретных проявлений. Инвариант – это отражение наиболее общих, всегда неизменно сохраняемых свойств класса предметов, это не эталон. Инвариант учитывает только минимум не-

обходимых системообразующих признаков. Прототип же обладает "более свободным набором признаков, которые могут осознаваться, с одной стороны, как отдельные характеристики, а с другой – как своего рода единство. Сущностные признаки при этом соседствуют с необязательными, создавая определенный сплав и, таким образом, можно говорить о сочетании гетерогенных признаков... Набор признаков жестко не закреплен, у разных представителей данного класса он не обязательно проявляется во всей полноте (Матханова 2005: 108-109).

Прототип включает в себя инвариантные признаки, то есть обязательные всегда и везде, и факультативные, вариативные.

Прототип существует как отдельный объект, инвариант, повторим, это абстракция, недоступная непосредственному восприятию.

2.3. Прототипический характер текстуальности

Применительно к вопросу о качественной определенности текста это значит, что **текстуальность предстает как гибкий узел градуальных подвижных признаков, характеризующих текст как результат и как процесс текстопорождения, реализующихся вариативно с той или иной полнотой в различных языковых и социальных практиках** (ср.: Heinemann, Viehweger 1991: 171; Sandig 2000: 93 и след.). Прототипический характер текстуальности означает здесь, что эта категория объединяет ряд текстообразующих признаков (критериев), которые имеют градуальный характер: 1) они обладают различной степенью валидности в разных типах текста; 2) не все признаки могут и должны выражаться в каждом текстовом экземпляре; 3) не все признаки текстуальности имеют равную значимость для утверждения (или отрицания) текстового статуса конкретного речевого/коммуникативного феномена. Одни могут быть доминирующими, регулярно повторяющимися, центральными, другие - лишь потенциально возможными, вариативными.

Из этого следует, что возможно говорить, с одной стороны, о своего рода центральной (ядерной) зоне текстового континуума, охватывающей тексты, в которых реализован наиболее полный набор возможных (установленных) признаков. С другой стороны, существует и периферийная зона, удаленная от центра, в том случае, когда в текстовых экземплярах проявляются не все базисные инвариантные свойства текстуальности.

Например, когезия как грамматико-синтаксическая связность элементов на поверхностном уровне может быть ненаблюдаема в текстах, равных слову или предложению - в «текстословах» и «текстопредложениях». При этом статус текста не отрицается, если его функциональное назначение очевидно для адресата (интерпретируемо адресатом). В ситуациях с внешне бессвязными (при недостаточно выраженной когезии) и нетематичными сообщениями другие признаки текстуальности способны взять на себя компенсаторную функцию. Пример, типа «Эники-беники ели вареники...» идентифицируется как текст в соответствии с приведенным выше определением, и как текст конкретной типологической принадлежности, а именно, как детская считалка с опорой на ситуативность, т.е. знание о коммуникативной ситуации, порождающей высказывание, и типологическую интертекстуальность.

Культурная маркированность текста также может рассматриваться как прототипический признак текстуальности, имеющий высокую или низкую валидность. Так, представляется, что *тексты, отражающие интеллектуальные (духовные) сферы общественной деятельности, имеют преимущественно культурно-универсальный характер* и содержат минимальное количество национально-специфических черт, вторгающихся в саму модель текстообразования. К числу подобных текстов относятся молитва, загадка, притча, пародия и др., в т.ч. и научный текст, монография, статья. Например, научный текст безотносительно к его языковой принадлежности отражает уни-

версальные черты в модели текстопостроения, что делает его носителем научного знания в онтологическом, гносеологическом, методологическом смысле и обеспечивает научную преемственность и поступательность в общечеловеческой коммуникации. В процессах формулирования текста как смысловой и речевой структуры отбор и предпочтение языковых элементов и форм, именно тех и не иных, регулируется, среди прочего, и социокультурными установками автора. Это становится видимым в отдельных формальных различиях «модуса формулирования» научного текста на немецком, английском, русском etc. языке (см. Чернявская 2005 б; там же обзор литературы). Разумеется, культурная маркированность научного текста выражена минимально по сравнению с текстами материальной, производственно-бытовой сферы человеческой деятельности, так называемыми текстами повседневного общения (объявление о продаже, конкурсное заявление, характеристика, рекомендация, уведомление о неуплате долга, соболезнование и т.п.). Это – *тексты со значительной выраженностью* именно специфических, неуниверсальных, *национально-культурных* и, значит, языковых черт.

Прототипический подход к текстуальности делает очевидным, что такие типологически разнородные тексты как, например, роман, научная статья; кулинарный рецепт; телефонный разговор; электронное сообщение; удостоверение личности (паспорт), граффити, сентенция, афоризм, крылатое выражение, типа «Пришел, увидел, победил»; и даже текстослово «Метро» выступают как примеры вариативной реализации текстового прототипа с различной валидностью его отдельных свойств - когезии, когерентности (связности, целостности), тематичности, диалогичности, культурной маркированности, интертекстуальности, членимости и проч. Эта вариативность не отрицает качественной определенности текста, но выдвигает в центр внимания интерпретативную активность субъекта, его текстовую компетенцию.

Рассматривая текстуальность с позиций прототипической организации, можно утверждать, что существуют – потенциально возможны – коммуникативные ситуации, в которых выраженность текстовых признаков стремится к нулю. Следующие примеры¹ и коммуникативные ситуации могут быть положены в основу такого вывода:

- 1. Во время политической демонстрации в 90-е гг. сторонники различных партий, движений несли транспаранты с лозунгами, призывами, протестами и другого рода текстами, формулирующими политические настроения. Один участник акции шел рядом со всеми и имел пустой транспарант, на котором не было написано ничего.*
- 2. Учитель дает задание классу написать сочинение на тему "Что такое счастье". Все ученики сдают тетради с испи-санными страницами, один подает пустую тетрадь, не со-держащую никаких слов.*

Такого рода ситуации заставляют увидеть знаковый характер "пустого множества": отсутствие знака, то есть его материальная невыраженность, именно на фоне многих других знаков, становится значимой и связанной с определенным коммуникативным намерением: сказать о своем протесте против всех, как в первом случае, или о нежелании, невозможности определить счастье, как во втором. При такой вербально невыраженной интенции целесообразно говорить не о тексте в его лингвистическом понимании как языкового знака, но о коммуникате (см. раздел 5.2.).

Представленный так прототипический подход к тексту не является принципиально новым, а, напротив, коренится в язы-

---

¹ Эти примеры приводились в вопросе проф. С.Т. Золяна, ректора Ереванского Государственного Лингвистического Университета, прозвучавшего во время нашей научной дискуссии в 2006 г.

коведческой традиции трактовать языковые элементы разных уровней с точки зрения "центр – периферия – постепенные переходы". Отношения "центр – периферия" рассматриваются как универсальное свойство языка, как лингвистическая универсалия. Этот принцип лежит в основе теории полевой структуры, давно и результативно развиваемой в отечественной науке в трудах В.Г.Адмони, А.В.Бондарко, В.М.Павлова, Е.Р.Гулыги, Е.И.Шендельс и др. Задолго до того, как исследователи заговорили о когнитивной лингвистике и прототипическом подходе, были описаны системные принципы полевой организации языковых явлений и категорий. Суммируем кратко их суть, опираясь на вводные замечания А.В.Бондарко к академическому изданию "Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры", 2005.

Термин "поле" основан на метафоре, связанной с идеей пространства. Речь идет о сфере взаимодействия элементов с общими признаками, объединенных наличием определенной структуры, включающей постепенные переходы и частичные пересечения.

Наличие полевой структуры связывается с множественностью и неоднородностью признаков, свойственных разным сторонам и проявлениям рассматриваемых объектов (например, в книге В.Г.Адмони, 1988 это рассматривается применительно к значению грамматических форм языка).

Полевую структуру характеризует полнота и максимальная интенсивность признаков в центре и разреженность и ослабление на периферии структуры.

Полевой принцип строения языковой системы универсален и воплощает континуальное начало в языковой системе.

Таким образом, концепции отечественных ученых, рассматривающие закономерности языковой организации в терминах "полевая структура" и "центр – периферия", во многом теоретически предшествовали прототипическому подходу в когнитологии. При всех различиях в исходных позициях, в ис-

пользуемой терминологии выявляется общее в интерпретации объектов и отношений между ними. Применение прототипического подхода, а по сути, принципа "центр – периферия" к явлениям текстового уровня позволяет высветить существо глубинных процессов языкового функционирования и обозначить новые особенности в характеристике феномена "текстовости".

Раздел 3. Текст статичен или текст процессуален?

С того момента, как категория дискурса прочно вошла в научный оборот, все чаще стало звучать некое противопоставление текста дискурсу, как противопоставление статичности (текста) процессуальности (дискурса). В зависимости от теоретических позиций, научной школы и личных интересов авторов это противопоставление звучит с меньшей или большей силой, превращаясь порой в резкую оппозицию "текст vs дискурс". Нельзя не признать, что новое направление научного анализа связано напрямую с осознанием той реальности, что текст является основополагающим, но не единственным элементом в сложно организованной системе человеческой коммуникации. Признание этого обстоятельства привело к перемещению исследовательских интересов от вопросов внутритекстовой организации к процессам текстопостроения и –восприятия. Теоретическим выводом из этого оказалось разделение *текста* как результата коммуникативно-когнитивной деятельности и *дискурса* как самого процесса. Противопоставление статичности и динамичности, процессуальности и результативности коммуникации и речи является ключевым вектором когнитивно ориентированной лингвистики и влечет за собой пересмотр позиций относительно сущности текстуальности. Особые цели и исходные теоретические установки когнитивных наук в целом и когнитивной лингвистики и психолингвистики, в частности, позво-

ляют еще больше раздвинуть рамки "тексторастворяющих" подходов.

В потоке публикаций последних лет нельзя не заметить определенную тенденцию, а именно: внимание к мыслительным феноменам смыслопорождения (к тому, что происходит "в голове" адресата) оборачивается сомнением относительно эвристической значимости анализа вербальной формы этих феноменов – текста. Так, например, сложная динамическая система взаимовлияния психоментальных процессов и их материальной языковой составляющей представляется метафорически как взаимодействие "тела" и "души". При этом существенной для анализа должна быть, по определению, конечно, душа. Что же касается "тела" в таком образном представлении, то показательным может служить следующий взгляд:

"В число исходных постулатов для метатеории понимания текста могут входить следующие. "Тело текста" без продуцирующего и воспринимающего его человека остается некоторой мертвой последовательностью графем; для его "оживления" или "одушевления" необходима включенность и "тела текста", и индивида в соответствующую культуру, вне которой текст как таковой состояться не может" (Залевская 2001: 157).

Обрисованная так картина делает для многих исследователей текстоцентрический принцип уже не таким незыблемым и очевидным (вспомним в этой связи образное выражение Г.В. Степанова: "Лингвистика становится служанкой при тексте" (1984)). Теперь не может не возникнуть вопрос о статусе самой науки о тексте. Наметилась ситуация, при которой "лингвистика текста, выступая сначала как нечто отчетливо очерченное и понятное, стала понятием диффузным, уже готовым к концептуальному распаду" (Николаева 2000: 413).

Комментируя приведенную цитату из работы авторитетного отечественного психолингвиста А.А. Залевской, представляется возможным сделать следующий акцент. Очевидно: чтобы действительно понять что-либо, нужно занять определенную точку зрения, при этом выдвигая на первый план - высвечивая - одну позицию, другую неизбежно оставляя в тени. Исходя из теоретических установок психолингвистики, выделение процессов смыслопорождения и -восприятия как наиболее существенных (т.е. как "души") и понятно, и методологически оправдано, и вносит свой неоспоримый вклад в общую поступательность языковедения.

Нельзя не отметить, однако, что рассуждения о "теле текста" и его "душе", о том, что "текст мертв", сопряжены со спецификой значения, полученного в результате метафорического словопроизводства. В специфике этой выделим два основных момента. Во-первых, метафора "начинается с принципа фиктивности (благодаря модусу "как если бы"), живет им и умирает, если этот принцип перестает осознаваться во внутренней форме наименования" (Метафора в языке и тексте 1988: 48). "Имплицитные приращения смысла к эксплицитным значениям могут значительно превосходить последние в суммарном объеме информации... Имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними..." (Никитин 2003: 240). И, далее, следует принимать во внимание "способность метафоры создавать психологическое "напряжение" между буквальным значением и значением переосмысленным..." (Метафора в языке и тексте 1988: 35). Как раз такое напряжение и создается в анализируемой ситуации "омертвления текста", в ситуации, когда возможен(!) вывод о безынтересности текста как "мертвого тела" по сравнению с "живой душой" когнитивных процессов.

Во-вторых, "осмысление образного значения очень индивидуально, субъективно... Именно субъективностью переосмысления значения слова... объясняется сложность ее интерпретации (...). Восстановлению смысловой гармонии препятствуют важные характеристики метафоры - ее субъективность, смысловая диффузность, равно как и ее назначение - скорее вызывать представления, а не сообщать информацию" (Метафора в языке и тексте 1988: 109). Недооценка этого обстоятельства способна привести к тому, что *"метафора бывает не только чрезвычайно полезна, но недостаточно критичному уму может и навредить, сбивая мысль на неоправданные сближения и обобщения"* (Никитин 2003: 261).

Такого рода опасностью ошибочных упрощений нельзя пренебрегать. Во всяком случае, взгляд на текст как "мертвую цепочку графем" отражает лишь один из возможных подходов.

В наших рассуждениях следует исходить из того, что *наличное человеческое знание – это знание текстуальное*, то есть представленное в текстах, фиксируемое текстами и, главное, *порождаемое в текстах*. Так считает авторитетный немецкий лингвист Г.Антос, основоположник теории речевого формулирования. В такой идее заключено возражение "сокращенному варианту" положения о роли текста в когнитивных науках, когда текст признается языковой реализацией (в смысле – результатом) ментальных структур, процессов, концептов, и, следовательно, текст – это лишь средство для презентации и архивирования знания, своего рода "одежда для мыслей" или же "посредник в представлении мысли". Напротив, по Антосу, текст – это центральное средство порождения знания, как индивидуально-личностного, так и социального, как в культурно-исторической, так и в конкретной повседневной протяженности. Под этим ученый понимает, с одной стороны, получение, отбор,

структурирование и оформление знания как такового и, с другой стороны, критическое осмысление, интерпретацию и изменение знания (в смысле – его приращение), равно как и "риторически ориентированное" оформление приращенного знания, предназначенного для восприятия адресата. Только и именно базирующееся на распространении в человеческой практике и ориентированное на воспринимающее сознание порождение текстов ("auf Distribution und Rezeption basierende Wissenskonstitution") делает тексты социокультурно значимым средством приращения знания – и это снова через непрерывный процесс его распространения и восприятия ("qua permanenten Distributions und Rezeptionsprozeß"; - ср.: Antos 1997: 45).

Безусловно, нельзя отрицать результативный, то есть формальный аспект текстовой организации. Тексты упорядочивают рассеянное во многих дискурсах человеческое знание в определенной социально-культурной и языковой форме. Одновременно с этим, нельзя соглашаться с абсолютизацией формального аспекта текста при обсуждении его процессуальности и/или результативности.

Существо текста и, значит, главную задачу ("главный нерв!) в его исследовании следует формулировать не **только и не столько в констатации того факта, что текст "оязыковляет" наше знание о мире в какой-то форме** (структурированной так-то, с такой последовательностью тематического развертывания, с детальным представлением того-то etc.), **сколько в вопросе о том, как и что текст оформляет и/или что не оформляет средствами языка и почему**. Очевидно, что в основе такого представления лежит процессуальное, или динамическое понимание текста. Поскольку тексты отражают и выражают наше знание избирательно и целенаправленно, то отдельный текст является, по Г.Антосу, "промежуточной станци-

ей" от одних (текстов) к созданию других (текстов) ("на бумаге") и отправной точкой для рецептивной переработки содержащегося в тексте знания в сознании адресата ("тексте в голове"). Отметим здесь интересное попутное наблюдение ученого: мы говорим в такой связи именно о "текстах". И множественное число в этом случае фокусирует, что работа читательского сознания с (одним) текстом активирует и актуализирует целую систему концептов, ассоциаций, пресуппозиций, и следствием и результатом их переработки является часто формулирование других текстов – парафразирующих, комментирующих, продолжающих, интертекстуально соотносящих, обобщающих и т.д. (ср.: Antos 1997: 46).

Итак, наше знание большей частью (особому рассмотрению подлежат, конечно, математические или химические формулы!) не только фиксируется и представляется в виде текстов, но и порождается в языковом смысле как текст. И если в соответствии с динамической моделью рассматривать тексты как точки отсчета и промежуточные станции в процессе порождения знания, то каждый конкретный текст/каждое высказывание выступает своего рода генератором новых текстов/смыслов.

В нашем анализе диалектической антиномии "результативность vs процессуальность" сошлемся также на определение Е.А.Гончаровой: "Являясь коммуникативным действием автора и выражая определенную коммуникативно-прагматическую стратегию, текст, с одной стороны, в силу своей знаково-материальной определенности представляет собой некий результат, продукт когнитивно-речевой деятельности субъекта, которым он создан. С другой стороны, будучи включенным в определенные отношения с адресатом, для восприятия которого он предназначен, текст наделяется признаками процесса, процессуальности, поскольку и автор и читатель вольно или

невольно вкладывают в создаваемые ими системы текстовых смыслов зависимость от "среды" (исторической эпохи, социальных условий, индивидуального психологического состояния и др.). Авторский и реципиентский смысл не могут быть адекватны как друг другу, так и инвариантным языковым значениям компонентов текстовой структуры" (Гончарова, Шишкина 2005: 10; курсив – мой, В.Ч.). Это утверждение созвучно высказываемой Т.М.Николаевой идее о тексте как организованном семантическом пространстве. Ср: "...Пространство-текст не представляется таким линейным, каким оно предстает в нарративной грамматике, оно многомерно. Единицы этого семантического пространства не равны точно единицам языка, ... Основной декодируемый смысл текста... передается некими значимыми смысловыми квантами, не привязанными ни к линейному контакту, ни к оформленности грамматических уровней. Текст оказывается прошитым этими смысловыми перекличками" (Николаева 2000: 418; 436).

Если текст – это вербальная форма речемыслительной деятельности адресанта, взаимодействующего с адресатом, то процессуальность присутствует в нем *per se*, по сути, как внутренне заложенный признак. Процессуальность текста поддерживается и объясняется подчиненностью текста не только речемыслительной деятельности адресанта и адресата, но и иным видам деятельности антропоцентров коммуникации. Вспомним в этой связи суждения А.Н.Леонтьева о том, что речевая деятельность является своего рода "наддеятельностью", и "строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность – целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую" (Леонтьев 1969: 27).

Констатируя процессуальность текста, заложенную в нем его "деятельностным происхождением", согласимся с Е.А.Гон-

чаровой в том, как представить характер этой процессуальности: она детерминирует системность текста, то есть необходимую и устойчивую внутреннюю связь принадлежащих ему элементов, и направлена именно на внутреннюю системность в большей степени, нежели на связь этих элементов с окружающей средой или с элементами других систем (ср.: Гончарова, Шишкина 2005: 10). Процессуальность текста заключена в том, что "в тексте есть структурирование, нацеленное на длительное существование" (Адмони 1994: 87). Продолжить это высказывание можно тем, что в тексте создается особая системность, "качественная прибавка" к свойствам языковой системы, по М.Н.Кожинной; функционирование языка подчиняется двойной системности – внутриязыковой и коммуникативно-функциональной; если первая реализуется, то вторая строится, организуется в процессе речеобразования (Кожина 1984: 11). И дополняя эту мысль: "текст обуславливает возможность "перекрестного" смыслового взаимодействия элементов разных уровней (текстовой структуры – В.Ч.) и их интегративное вхождение в общий текстовый смысл, *качественно новое целое по сравнению с суммой системных значений отдельных языковых единиц*" (Гончарова, Шишкина 2005: 10-11, выделено мной – В.Ч.).

Следовательно, смысл текстового целого – интенция текста – дают возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его историческим контекстом.

Признание этого факта позволяет по-новому взглянуть на традиционные категории текста и, в целом, на феномен текстуральности.

Глава II. Тип текста как единица лингвистического анализа

Раздел 4. Типологизация текстов как лингвистическая проблема

В основе предприняемых здесь рассуждений о тексте как лингвистической категории лежит принципиально значимое положение: всякий текст существует как представитель определенного типа текстов, и каждое конкретное текстовое произведение, т.е. экземпляр текста, существует только и именно как реализация соответствующего текстотипа. Нет текста вообще, но есть текстовые экземпляры, представители определенного типа текста.

Проблема типологии текстов, т.е. членения и классификации текстового пространства, выделилась в самостоятельный раздел общей теории текста и находится в последние годы в центре повышенного исследовательского внимания. При этом типология – это та область лингвистики текста, в которой на сегодняшний день не существует однозначной общепринятой точки зрения на основания выделения отдельных типов/классов текста, т.е. отнесения текстов к тому или иному таксономическому разряду. Это связано с меняющимися взглядами лингвистов на феномен текста и текстуальности. Если первоначально текстуальность как система признаков и факторов, обеспечивающих текстопорождение, определялась исходя из внутритекстовых критериев (текстограмматических и семантических), то в последующем значительную роль стал играть учет экстралингвистических критериев. И все дальнейшие попытки совместить интра- и экстралингвистические признаки как классифицирующую основу приводили к разного рода взаимоналожениям и противоречиям. Это с одной стороны.

Другая сложность связана с тем, что не существует единых интегративных терминов для классификации текстов. Это особенно очевидно при сопоставлении отечественных разработок с текстотипологическими исследованиями зарубежных авторов.

Нередко употребление, казалось бы, одних и тех же терминов оказывается теоретически несовпадающим.

Наконец, в-третьих, и это представляется принципиально важным, выделение определенных оснований для типологизации текстов связано и с общим исследовательским подходом, принятым за основу. Обращаем внимание на два пути создания текстовых классификаций: т.н. путь "сверху вниз" – от общих параметров к конкретным текстовым реализациям; и путь "снизу вверх" – от реально существующих текстов к их объединению на основе общности тех или иных характеристик.

4.1. Функциональный стиль и жанр речи в традициях отечественной лингвистики

В отечественных исследованиях советского периода, а затем с 90-х гг. XX в. в разработках российских ученых определяющее значение имел и имеет функционально-стилистический метод. Его суть состоит в выявлении закономерных особенностей организации речи/текста и способов осуществления текстовой деятельности как предопределяемых спецификой формы общественного сознания и вида социокультурной деятельности. Этот подход положен в основу выделения основных функциональных стилей, соотнесенных с важнейшими сферами человеческого сознания и деятельности. К их числу относят сферу художественной литературы, прессы и публицистики, науки, общественно-деловую, обиходно-бытовую, церковно-религиозную и некоторые другие. Научный стиль традиционно выделяется в системе функциональных стилей. Традиция функционально-стилистического анализа, как известно, была заложена задолго до оформления лингвистики текста в самостоятельную языковедческую дисциплину и в России и за рубежом. Разработки в этой области восходят к трудам В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Э.Г. Ризель и получили свое наиболее системное воплощение в фундаментальных исследованиях М.Н. Кожинной, Пермской лингвистической школы, чехо-

словацких ученых К. Гаузенбласа, М. Елинека, а также О.Б. Сиротининой, А.Н. Васильевой, Н.А. Кожина, В.В. Одинцова и др.

Функциональный стиль в соответствии с этой традицией представляет собой «исторически сложившуюся, общественно осознанную речевую разновидность, обладающую ... своей речевой системностью.., соответствующую той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания. (...). Это исторически сложившийся тип функционирования языка, который ... создается под влиянием комплекса базовых экстралингвистических стилеобразующих факторов» (СЭС РЯ, 2003: 581). Это определение, данное М.Н. Кожиной в изданном ею стилистическом энциклопедическом словаре, подчеркивает важнейшие аспекты в традиционном представлении о функциональном стиле: функционально-стилистическая классификация речевого / текстового континуума детерминруется внеязыковыми факторами, как то – форма общественного сознания, вид деятельности, коммуникативные цели в социуме, типовое содержание в соответствующей сфере общения и др. Функциональный стиль не является монолитным образованием и моделируется по полевому принципу: следует говорить о ядре стиля и его периферии, пограничных областях функциональных стилей с учетом действия не только базовых, но и других экстралингвистических факторов. «В стилевой стороне речи (текста) можно найти как инвариантные для данного функционального стиля (основные, стилевые черты, так и черты, идущие от подстиля или жанра» (там же, с. 582). Таким образом, выделение дальнейших единиц анализа, т.е. более частных разновидностей речевых произведений шло по принципу понижения уровня научной абстракции и учета не только самых общих признаков (как при выделении основных функциональных стилей), но общих и особенных черт. Анализ шел в направлении выделения подсистем, т.е. "сверху вниз". Исследователи активно оперировали понятием "подстиль". В частности, при дифференциации

научного стиля выделялись собственно научный (академический) подстиль, научно-информационный, научно-критический, научно-популярный, научно-учебный подстили. Конкретная разновидность текстовых произведений, объединенных общей целеустановкой, сходными композиционными формами и тематической одноплановостью, называется при этом жанром. В период 70-80-х гг. активно обсуждалась идея о полевой структуре стиля и, соответственно, о ядерных жанрах, в которых стандарт стиля находит наиболее яркое выражение, и периферийных жанрах, имеющих неизбежные отклонения от стандарта.

Отметим, что проблематика жанров речи восходит в отечественной науке во многом к идеям М.М. Бахтина. Очевидная ориентированность на представления о жанре, по Бахтину, отмечается всеми исследователями в отечественной науке. В специальной литературе встречаются несколько вариативных терминов для обозначения единицы текстового членения: жанр текста, речевой жанр, жанр речи, жанровая форма, жанровая разновидность. Ведущими центрами в России, занимающимися интенсивными жанровыми исследованиями, являются Пермский университет – Пермская лингвистическая школа и Саратовский университет (см. работы М.Н. Кожинной, В.А. Салимовского, В.Е. Гольдина, О.А. Сиротининой, В.В. Дементьева). В этой связи примечательны разработки В.В. Дементьева и сделанные им аналитические обзоры по проблемам изучения речевых жанров в России конца XX и начала XXI вв. (Дементьев 1997; 2007). Тенденции развития российского жанроведения, по Дементьеву, в наиболее общих чертах таковы: развивается, с одной стороны, лингвистическое изучение речевых жанров, или генристика и, с другой, прагматическое изучение речевых жанров, или жанроведение.

Первое направление, генристика, опирается на разработанную методологию и терминологию теории речевых актов – этим российские жанроведы занимались плотно в 80-х и 90-х

гг., исходя из интенции отправителя сообщения. И тогда речевой жанр – это, например, просьба, обещание, шутка, флирт, издевка и т.д. Обозначенное термином «генристика», это направление, по мнению исследователей, заимствует и продолжает зарубежные разработки в теории речевых актов применительно к речевым разновидностям в русскоязычном социуме. Здесь исследования группируются как раскрывающие преимущественно синтактику речевого жанра или его семантику. Синтактика речевого жанра описывает его как системно-структурный феномен в совокупности многих составляющих коммуникативно-прагматической ситуации, социальных и психологических мотивов коммуникантов, изучает тематическую прогрессию внутри жанра, обеспечивающую его связность и цельность (см. Дементьев 2007: 168-170). Семантика речевых жанров занимается толкованием, лингвистической интерпретацией содержания отдельных жанров как устойчивых тематических, композиционных и стилистических типов высказываний. Здесь теоретические разногласия могут быть вызваны представлением о том, сколько существует жанров и какие типичные речевые формы следует считать или не считать жанрами. При этом также применяется полевой принцип структурирования речевого жанра с центром и периферией в выражении основной функции. Для иллюстрации: приказ, просьба, мольба, требование рассматриваются как императивные жанры, причем центральное место в поле языковых средств для их выражения занимают перформативные глаголы (см. там же, с. 171 и след.).

Генристику, по мнению В.В. Дементьева, можно упрекнуть в серьезном упрощении и обеднении представления о речевом жанре, в недостаточной прагматичности.

Другое направление, обозначенное как собственно прагматическое изучение речевых жанров, или жанроведение, исходит из диалогической природы жанра, опираясь на диалогически ориентированную культурно-семиотическую концепцию М.М. Бахтина. Это направление имеет исторически сложив-

шиеся корни в советской и затем российской лингвистике, функциональной стилистике. Жанр в прагматически ориентированных концепциях описывается в связи с речевыми особенностями высказываний/текстов в типичных ситуациях социального взаимодействия. Определяющим признаком речевого жанра признается его диалогичность в том смысле, что его (жанра) целостность, завершенность, внутренняя речевая системность проистекают из функционального аспекта – жанр, по М. Бахтину и его последователям, есть единица речевого общения и деятельности людей. Жанровая форма предстает как типизированная модель речевого взаимодействия коммуникативных партнеров.

Так, в докторской диссертации В.А. Салимовского (2002), базирующейся на функционально-стилистической традиции российской науки, представлена современная концепция жанра речи и жанрового стиля применительно к научным академическим текстам. Жанры речи рассматриваются автором как "устойчивые формы (модели) духовной социокультурной деятельности (осуществляющейся в бытовых ситуациях, в художественной, научной, правовой и др. сферах) на ступени ее объективации посредством системы речевых действий в тексте как единице общения." (Салимовский 2002, с. 13). Речевой жанр, таким образом, отличается от стиля различным уровнем исследовательской абстракции, охватом общих и особенных признаков объекта, а не природой последнего (там же, с.25). В свою очередь, жанровый стиль определяется в диссертации как "разновидность стилистико-речевой системности, как способ организации последовательности высказываний на основе взаимосвязи их типовых целеустановок" (там же, с.17), "выделяемых из коммуникативно-познавательных целей более общего характера" (там же, с.8).

Таким образом, функционально-стилистический подход задает направление анализа текстового произведения, его стилиевых черт от наиболее общих характеристик, абстрагиро-

ванных от частных явлений к типичным и особенным, т.е. понижая уровень теоретической абстракции.

4.2. Тип текста и лингвистическая типология в зарубежной лингвистике

В зарубежной лингвистике текста (мы основываемся, главным образом, на анализе немецких и английских публикаций), которая как самостоятельная дисциплина сложилась позднее функциональной стилистики и развивалась в иных национально-исторических условиях, сложился принципиально иной подход к выделению типологической единицы текстового анализа. Этот подход, с нашей точки зрения, справедливо назвать «путь «снизу вверх», от эмпирического наблюдения за конкретными речевыми произведениями к их систематизации, классификации и типологии.

Так, в немецкой лингвистике текста традиционно оперируют понятием «Textsorte» - род или «сорт» текста, если использовать буквальный перевод. Оно вошло в научный оборот после конференции 1972 г. в Билефельде и выхода фундаментального исследования (Gülich, Raible 1972), а восходит к работам П. Хартмана (1964) и М. Бензе (1962). Понятие Textsorte является основным, наряду с ним в научном обороте существуют Textgenre, Textemtyp, Textklasse, Textgruppe, Texttyp, Textart. Поскольку сложно подобрать абсолютно точный перевод, который соответствовал бы значению «Textsorte» в русском языке и не выглядел бы неорганичным в системе типологических разработок (калька представляется также неудачной), мы будем использовать здесь и более термин *тип текста* как наиболее адекватный для обозначения того, что в немецкой лингвистике называется Textsorte. Далее мы несколько подробнее обратимся к сложностям перевода и заимствования терминологии, используемой в зарубежных источниках.

Итак, под типом текста понимается модель, образец, схема построения и восприятия аналогичных текстов (Text-

bildungsmuster, Textschemata, Textentfaltungsmuster) или «структурный прототип» (struktureller Prototyp, Krause 1986), по образцу которого могут создаваться другие тексты с различным содержательным наполнением. Как нормирующий образец тип текста характеризуется набором обязательных текстообразующих признаков и предполагает их регулярную повторяемость при текстопроизводстве – в этом смысле тип текста тождественен понятию инвариантной модели.

Принципиально важно обратить внимание на следующие существенные моменты. В таком понимании типы текста (Textsorten) имеют в известной степени *индуктивно-эмпирический статус* – это значит, что они обеспечиваются определенным минимумом конкретных наблюдаемых языковых и неязыковых признаков и соотносятся с обыденной («наивной») сферой коммуникации; они могут и должны спонтанно распознаваться как таковые среднестатистическим носителем языка. Наименования типов текста совпадают с их обиходными названиями: объявление, некролог, инструкция по эксплуатации, кулинарный рецепт, извещение, рецензия, интервью, аннотация, реклама, газетная статья и т.д. и являются собственно лексическими обозначениями. В силу этого перечень типов текстов представляет собой открытое множество. В исследовании немецкого лингвиста М. Димтера указывается ок. 1600 таких обиходных названий для видов/классов текстов, наиболее часто встречаемых в обороте. (Dimter 1981). В работе Е. Рольф речь идет о более чем 2000 текстов т.н. повседневного употребления (Gebrauchstextsorten; Rolf 1993).

Такая классификация происходила первоначально в 70-80-е гг. без теоретического сопровождения в том смысле, что текстовые типологии имели «дотеоретический статус»: разделение текстового континуума на его отдельные составляющие по видам/типам текста происходило, так сказать, в сознании носителей/пользователей языка. В этой связи примечательно, что основные классификации в зарубежной германистике касались

т.н. текстов повседневного употребления (*Gebrauchstexte*), с которыми человек имел дело в своей каждодневной практической деятельности. *Gebrauchstext* (предлагаемое нами русскоязычное соответствие этого термина *текст повседневного общения*) рассматривается, таким образом, в оппозиции к текстам литературной коммуникации. Для выделения различных типов текста повседневного употребления принципиальную роль играет их общественно-историческая и социальная обусловленность и эмпирическая наглядность. Соответственно в основе классифицирующих подходов лежали признаки монологичный/диалогичный; устный/письменный; спонтанный/подготовленный текст с учетом далее коммуникативных целей и типового содержания (см., напр.: Sandig 1972).

Итак, тип текста как обозначение конвенционального образца организации для текстов с аналогичными структурными и функциональными признаками имеет «дотеоретическое происхождение» и соотнесен изначально с эмпирическими, конкретно наблюдаемыми различиями устных и письменных текстов. (Ср.: Sandig 1972, Ermert 1979 : 50; Heinemann, Viehweger 1991 : 144 f.f.; Vater 2001 : 187 f.; и др).

При этом следует исходить из того, что каждый носитель языка обладает определенной «типологической компетенцией» (*Textsortenkompetenz*; Lux 1981; *Textmusterwissen*; Heinemann, Viehweger 1991), благодаря которой он способен идентифицировать тексты одной типологической принадлежности, различать тексты разных типов и узнавать нарушения текстообразовательной нормы (распознавать неверно написанное заявление о приеме на работу, объявление о продаже и т.п.). Это означает, продолжая примеры, что читатель научной статьи или монографии, в том числе и неспециалист, ожидает получить в определенных отрезках текста информацию о достигнутых результатах, выводы, и такими стандартизированными отрезками являются заключительные части текста или его разделов.

Текстотипологическая компетенция подразумевает также у лиц, принадлежащих к одному коммуникативно-языковому сообществу, способность не только распознавать, но и создавать тексты в соответствии с коммуникативными нормами, т.е. корректных в языковом отношении и адекватных ситуативно. Иными словами, продуктивное обращение с текстами не исчерпывается эмпирическим уровнем познаний, интуицией или имитацией, но должно систематически развиваться и формироваться через усвоение теоретических знаний (Ср.: Gläser 1990: 26 f.f.). Естественно, что объем этих знаний различен для носителя языка и изучающих иностранный язык. Заметим здесь, что несмотря на различие в научных традициях, выводы зарубежных ученых полностью повторяют те идеи, которые высказывал в своих ранних трудах и в несколько иной терминологии М.М. Бахтин. «Чем лучше мы владеем жанрами, тем полнее и ярче раскрываем в них свою индивидуальность (там, где это можно и где это нужно)» (Бахтин 1979 б: 259).

Эмпирическое понимание, лежащее в основе первоначального выделения самостоятельных типов текста, обосновывается и развивается собственно научной систематизацией текстовых признаков и их теоретическим осмыслением. При этом вырабатываются абстрактные понятия, объединяющие характерные черты нескольких типов текста: классы текстов, функциональные типы текстов. Цель научной классификации текстов состоит в том, чтобы свести бесконечное множество конкретных текстов к обозримому числу их основных видов на основе общих признаков.

4.2.1. Проблема разграничения понятий «жанр» и «тип текста» в отечественной и зарубежной лингвистике

Различия в традициях и сложившихся подходах к членению текстового континуума в отечественных и зарубежных разработках, а также объективные трудности создания более или менее универсальной классификации с непротиворечивыми

иерархическими отношениями порождают определенные проблемы при выработке единого интернационального понятия.

Начнем с того, что и в зарубежных исследованиях нет общепринятого термина для текстотипологического анализа. В немецких работах, как указывалось, используется понятие *Textsorte*, общепринятое немецкими лингвистами, но не ставшее, однако, интернациональным термином. Наряду с ним используется понятие "жанр" (*Genre*), закрепленное преимущественно за сферой литературоведения для обозначения исторически возникших структурно-организационных форм произведения. Их терминологическое разграничение, когда термин "жанр" закреплен за описанием поэтических текстов, а тип текста (*Textsorte*) – нехудожественных, специальных, текстов, порождено, скорее, конвенциональными нормами. При этом не исключается использование термина "жанр" применительно к исследованию специальных текстов (существуют термины *Fachtextgenre*, *wissenschaftliche Textgenres*), что, однако, имеет место в единичных случаях и не отражает общей тенденции.

Иная ситуация наблюдается в британских и американских работах по лингвистике текста. В них термин *Genre*, *Genre analysis* типичен для обозначения образца, формы организации типа текста (*Text type organization*). Иногда используется термин *field-related genre*, соответствующий немецкому *Textsorte* (по: Gläser 1990: 31).

Вместе с этими терминами используются и собственно *text type* и также неоднозначно. С одной стороны, в англоязычных источниках *text type* (тип текста) используется для выражения того же содержания, что и немецкое *Textsorte*. Ср.:

«Text types are classes of the text with typical patterns of characteristics»;

A text type is a set of heuristics for producing, predicting and processing textual occurrences, and hence acts as a prominent determiner of efficiency, effectiveness and appropriateness... (de Beaugrand, Dressler 1981: 10; 186).

С другой стороны, в известной работе (Werlich 1975) термин *text type* обозначает иное, а именно, общие типовые когнитивные операции по структурированию текста. При этом выделяются дескриптивный, нарративный, аргументивный, инструктивный, экспозиторный типы текста, реализующиеся уже в конкретных текстовых формах (*Text form*), в терминологии автора.

Итак, существование нескольких конкурирующих и перекрещивающихся терминов в англо- и немецкоязычных работах затрудняет заимствование той или иной терминологии для достижения единообразия подходов.

4.3. Тип текста как лингвистическая категория и как единица типологического анализа

В качестве базового понятия для определения типологического статуса конкретных текстов мы используем **тип текста**. В силу того, что термин «жанр» закрепился в литературоведении и тесно связан с традициями описания художественно-эстетических произведений, мы не будем использовать его применительно к типологическим описаниям в лингвистике нехудожественного текста, чтобы отделить ее от литературоведческих разработок.

Итак, нам представляется целесообразным использовать понятие **тип текста для обозначения культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием. Каждый тип текста отличается определенной системой закрепленных за ним специфических признаков, на основании которых к нему могут быть отнесены отдельные тексты. При этом тип текста существует в единстве как инвариантных, строго обязательных и постоянных признаков, так и вариативных, реализующихся не в каждом текстовом экземпляре.**

Каждое конкретное текстовое произведение – экземпляр текста – существует как представитель соответствующего типа текста и должно рассматриваться именно в таком отношении.

В свою очередь, тип текста может охватываться типологической единицей более высокого уровня абстракции, а именно **классом текстов**, объединяющим тексты с одинаковой функциональной спецификой, но отличающихся принадлежностью к определенной сфере коммуникации, предметом, кругом получателей и уровнем теоретических обобщений.

4.4. Типологическая интертекстуальность

Отношения текстового экземпляра и его текстообразовательной модели описывает, как известно, категория интертекстуальности, а именно, та ее составляющая, которая называется **системно-текстовой интертекстуальностью**. В другой терминологии это обозначается и как **прототипическая / типологическая интертекстуальность**.

Как известно, в исследованиях по интертекстуальности наряду с содержательно-смысловым уровнем открытости одного текста по отношению к другим выделяется еще и прототипический уровень, подразумевающий типологическую открытость текстов одного функционального стиля, типа, класса друг к другу, или их системнотекстовую открытость (Pfister 1985: 52-58; Holthuis 1993: 51-88; Sandig 2006: 105-109). Типологическая интертекстуальность наряду с другими факторами текстопорождения является конституирующей характеристикой текстового типа, который определяется набором инвариантных, строго обязательных текстообразующих признаков. Последние обладают прототипической повторяемостью в процессе создания новых текстов одной типологической принадлежности. Типологическая интертекстуальность, таким образом, базируется на явлении стереотипности компонентов в структурно-композиционной организации соответствующих текстов и ориентирова-

на на типологически мотивированные отношения между текстами. Эти отношения могут быть двоякого рода и предполагают, что отдельный текст интертекстуально соотносится, во-первых, с определенным текстовым типом – канонизированной моделью производства и восприятия аналогичных текстов и, во-вторых, с другими, конкретными текстами, имеющими такую же типологическую принадлежность. В первом случае речь идет о системнотекстовых референциях в результате актуализации инвариантных признаков текстового типа; во втором – о межтекстовых референциях, которые мотивированы определенными текстовыми канонами.

Таким образом, текстотипологическая интертекстуальность делает акцент на целенаправленном выражении типичных и повторяющихся текстовых характеристик в процессе человеческого познания и коммуникативной практики.

4.5. Тип текста как взаимодействие речевого стандарта и вариативных компонентов

Итак, единицей членения текстового континуума и средством формализации коммуникации выступает в принятой здесь терминологии тип текста как единство функционального, тематического и поверхностного (формального) уровня текстовой организации. При этом привносимая типом текста системность и стандартизированность коммуникации складывается из взаимодействия строго обязательных, формализованных, регулярно повторяющихся в типичных коммуникативно-прагматических ситуациях элементов и вариативных составляющих в рамках модели.

Явление речевого стандарта давно и всесторонне исследуется на разном языковом и текстовом материале и предстает как многогранный феномен. Это проблема формирования и функционирования стереотипного в речемыслительном процессе; соотношение стереотипного и креативного начал при создании и восприятии текста; изучение типичных регулярных

языковых единиц и структур, специализирующихся на оформлении типичных же смыслов. Действие речевого стандарта применительно к текстообразовательным моделям подчинено, как видится, общему механизму стереотипизации речи под воздействием разных факторов: «это и социальный характер коммуникативной деятельности (повторяемость речевых ситуаций), и влияние традиций (конвенциональность), и ускорение коммуникативного процесса («некогда думать») (Каменская 1996: 2). Большой вклад в изучение онтологии стереотипности в текстовой деятельности внесла Пермская лингвистическая школа. Серия публикаций, начатая под редакцией М.П. Котюровой в 1998 г. «Текст: стереотипность и творчество», и продолженная далее в ежегодных выпусках сборников научных исследований «Стереотипность и творчество в тексте» (Выпуски 1-10, 1999-2007) обобщает наблюдения лингвистов, психологов, психолингвистов, когнитологов о механизмах стереотипизации и стандартизации на различных уровнях языковой системы.

Повторяя предшествующие заключения: в создании определенного текстового прототипа участвуют различные структуры текстовой организации как глубинного содержательно-тематического, так и поверхностного, формального уровня. Следовательно, установление стандартизированных и повторяющихся черт, типичных для определенной разновидности текстов, осуществляется в анализе корреляций между функцией текста – его иллокутивным аспектом, его пропозициональным (тематическим) и формальным аспектами. Это следует понимать как изоморфизм функциональной и тематической структуры текста: выражение определенного содержания не может осуществляться без одновременного выражения соответствующей иллокутивной функции. И наоборот, осуществление функции в тексте или его части невозможно без связанного с ней содержания.

При описании модели текстового построения в целом и ее отдельных текстовых экземпляров, в частности, можно руково-

дствоваться последовательностью исследовательских шагов, предложенной немецким лингвистом К. Бринкером и заимствованной далее в базовых типологических разработках (см. Brinker 1992: 133 и след.; Гончарова, Кесслер 2000: 133). Ср.:

1. Описание текстовой функции;
2. Описание формы коммуникации;
3. Описание тематических ограничений, накладываемых на темпоральную и локальную ориентацию высказывания;
4. Описание формы тематического развертывания (Themenfaltung), лежащей в основе текста;
5. Описание языковых, т.е. лексических и синтаксических и неязыковых средств реализации этого тематического образца в конкретном текстовом произведении.

Эти уровни создают в своей корреляции представление о текстовом стандарте и при этом могут обнаруживать и действительно обнаруживают некоторые изменчивые, непостоянные черты, порождаемые подвижностью и многообразием человеческой коммуникации.

В качестве примера на данном этапе рассуждений укажем, как складывается инвариантная – стандартизированная – модель такого класса текстов как «объявление», ссылаясь на исследования Е.А. Гончаровой и К. Кесслер (2000) и К.В. Кобызь (2005), сделанные на материале немецкого языка в историко-культурной перспективе.

Так, «объявление» как лексическое обозначение разновидности текстов охватывает различные типы письменных сообщений публичного характера для целевых групп. Основная функция всех объявлений – анонсировать, сообщать о чем-либо. Далее, с опорой на приведенную ранее схему лингвистической интерпретации по Бринкеру можно выделить разновидности объявлений в зависимости от специфической прагматической интенции, от содержательного наполнения и от формы, объема текста. Существуют:

- рекламные объявления;

- объявления о найме на работу (поиск работы и ее предложение);
- объявления об обмене;
- объявления о продаже;
- контактоустанавливающие объявления с предложением дружбы, брака и т.п.;
- объявления престижного (о дне рождения, бракосочетании, смерти) и делового характера (об открытии/ликвидации предприятия);
- короткие объявления (о находке, консультациях и т.п.).

Инвариантными компонентами в текстовых экземплярах объявлений выступают, как показывает К.В. Кобызь (2005), фрагменты внутри текстового целого с определенной целеустановкой и соответствующей формой тематического развертывания – т.н. «субтексты», представляющие а) «образ автора» и б) «образ адресата»: некто либо только называя себя, либо представляясь более или менее полно, объявляет кому-либо, только называя адресата или же представляя его более или менее полно; далее в) субтекст «событие/услуга/факт», г) субтекст «образ будущего, образ результата», д) субтекст «специфические условия реализации цели». В представленную так модель вписываются все виды объявлений. При этом модификации, вариативность реализации названных субтекстов связаны с конкретными коммуникативно-прагматическими интенциями создателя текста, с особенностями той сферы коммуникации, в которой объявления функционируют.

Так, в объявлениях с предложением дружбы и брака смысловым стержнем является субтекст «образ автора». При этом в лингвистических средствах его выражения преобладают сигналы соответствующей гендерной маркированности, средства позитивной самохарактеризации при описании внешности, профессионального, социального, финансового положения. Другие субтексты могут быть значительно редуцированы. Для субтекста «образ адресата» обязательным элементом являются

ся лингвистические сигналы, ограничивающие круг потенциальных адресатов брачного объявления, так или иначе называющие их желаемые черты. Например:

Charmante Juristin, 64/165, verwitwet, eine faszinierend anziehende, gut aussehende Frau mit viel Charme, Herzlichkeit und Liebreiz, äußerlich und im Herzen jung geblieben, lebendig, phantasievoll, körperbewusst, genussfähig, eine gute Tänzerin, anschiegsam und liebevoll. Kulturell, historisch und politisch umfassend gebildet und aktiv, kosmopolitisch geprägt. Ein emotionaler, humorvoller, heiterer Mann wird in dieser ganz besonderen Frau die ideale Partnerin zum Leben, Lieben, Glückliche sein finden.

Dozent für Malerei, 47/184, ein Mann zum Verlieben, dunkelhaarig, sportl. Muskulös, sehr gut aussehend, außergewöhnlich einfühlsam, kraftvoll in seinem Wesen, multikulturell. Mit ihm können Sie in den Galerien u. Museen in der Kunstwelt schwelgen, ihn treffen Sie aber auch auf Skipisten oder auf dem Tennisplatz. Er wartet noch auf die Frau, in die er sich verlieben möchte. Erstkontakt über ...

Der Tagesspiegel, 6.01.08

Здесь, как видим, преобладают атрибуты и номинации с семантикой гиперболизации положительной оценки черт характера, достоинств, умений авторов объявлений, что является инвариантным признаком брачных объявлений в целом.

В объявлении, извещающем о смерти, рождении или крещении увеличивается объем того текстового компонента, который представляет субтекст «событие» (через указание на факт

события, личные сведения, имена, указания на время, место совершения события и т.п.). Образ автора в этом случае содержится скорее имплицитно через название места и времени проведения соответствующего действия – похорон, обряда крещения. А в такой разновидности объявления как объявление о поиске жилья отправитель сообщения усиливает характеристику своей платежеспособности, надежности, ответственности через данные о семейном положении, образе жизни и даже национальности.

Раздел 5. Основные итоги и тенденции развития современной типологии текстов

Основные итоги дискуссий восьмидесятых, девяностых и двухтысячных годов вокруг проблемы типологизации текстов следует, с нашей точки зрения, свести к ряду принципиально значимых заключений, существенных при определении тенденций и основных направлений развития языковедческой науки в целом.

5.1. Тип текста как форма упорядочивания человеческой коммуникации

Первое. И в зарубежных, и в отечественных исследованиях *тип текста или же жанр речи рассматривается как форма упорядочивания, формализации человеческой коммуникации.* Можно еще раз сослаться на М.М. Бахтина в том, что «коммуникация не является хаотичной потому, что ее упорядочивают жанры», т.е. формальные модели, канализирующие речевой поток. Речевые жанры «для говорящего индивидуума ... имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» (Бахтин 1979 б: 260). Сложившиеся модели текстопостроения и - восприятия, закрепляющие в социальном опыте способ выражения замысла автора, взаимодействующего со своим адреса-

том, привносят системность в коммуникативно-речевую практику. Эти модели, называемые жанром речи, жанровой формой или же типом текста, выступают инструментом согласования коммуникативно-речевой деятельности автора сообщения и его адресата в том смысле, что речевой замысел индивидуума – автора воплощается более или менее регулярными, повторяющимися способами и, значит, регулирует и канализирует восприятие индивидуума-адресата. «Подведение первичного замысла под типовую целеустановку и его актуализация с помощью системы типовых действий, очевидно, может рассматриваться как важная сторона механизма приспособления замысла к избранному жанру». «Жанровая форма предстает как типизированная модель речевого взаимодействия партнеров по общению, в ней запечатлеваются диалогические отношения» (Салимовский 2002: 37, 42; см. там же подробнее об истории вопроса о системности речи и системности жанра, с. 44-57).

По мнению В.В. Дементьева, понятие жанра речи (речевого жанра) необходимо для противопоставления двух типов коммуникации – нормированной, формализованной и неформализованной, неупорядоченной и служит своего рода способом преодоления энтропии в коммуникации. «Жанры составляют буферное пространство между отчужденной от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт и семиотическое начало (по Э.Бенвенисту), способствуя развитию и кристаллизации языка в «борьбе» с недостатками непрямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену возможно более точными смыслами» (Дементьев 2007: 178-179). Иными словами, при создании и при восприятии речевого произведения/текста создается «жанровое предписание адресанту» - привести в соответствие с текстообразовательной схемой тематическое, функциональное и иллокутивное наполнение и «жанровое ожидание адресата» согласующие их коммуникативную деятельность как партнеров по общению.

5.2. Процессуальность как вектор современной типологии

Еще одно из перечисленных базовых для современной типологии положений можно обозначить как проекцию когнитивно-психологических факторов на лингвистические структуры.

Ясно, что точность и адекватность любой типологии достигается благодаря множеству и многообразию принимаемых во внимание характеристик и признаков текста. Противоречия, с одной точки зрения, могут быть сняты благодаря расширению исследовательского кругозора и выходу на другие уровни коммуникативной иерархии. *И такое расширение своих исследовательских горизонтов типология текста получила вместе с когнитивной переориентацией лингвистических разработок.* Постановка проблем для типологии текста в начальный период в 70-е гг. и далее в 80-е гг. принципиально отличается от того вектора развития, который был задан в последнее десятилетие XX в.

Эмпирическое наблюдение и описание текстовых разновидностей, систематизация и обобщение текстообразующих признаков характерны, как отмечалось, для раннего этапа типологических разработок. И определенное время эмпирическая и теоретическая составляющие исследований существовали в известном равновесии: теория объясняла и научно упорядочивала результаты эмпирических наблюдений. Конец XX века, отмеченный усилением дискуссий о статусе текста вообще, сущности текстуальности и ее качественных характеристиках, показал и кардинальную проблему для текстотипологических исследований. Слово «проблема» употреблено здесь в его первичном значении, т.е. как противоречие между уже известным и научно объяснимым и пока еще не полученным знанием; как осознаваемое наукой противоречие между наличным и перспективным знанием. Очевидно, что лингвистика текста и ее центральная часть – типология текста должны обладать объяснительным потенциалом, чтобы избежать маргинальной роли и вообще растворения своего предмета в общем потоке теорий

и направлений. *Что должна объяснить лингвистическая теория в связи с вопросами стандартов и моделей текстопостроения, чтобы не «топтаться на месте» и избежать циркулярных определений «по замкнутому кругу»? Включение каких фактов и новых разработок в поле зрения обеспечит расширение исследовательского кругозора и, значит, расширение «сфер влияния» традиционной дисциплины на общее поступательное развитие науки о языке?*

Представляется, что новый этап в лингвистике текста в целом и в части типологических разработок связан с проникновением в них данных когнитивной психологии. Новый рубеж был перейден исследователями вместе с осознанием того факта, что производство, воспроизводство и восприятие типов (жанров) текста предполагает знание о типах текстов. Иными словами, это предполагает существование неких когнитивных систем и процедур, приводящих к созданию в речи высказываний / текстов по определенным моделям. С осознанием этого обстоятельства, точнее, с перемещением его в фокус лингвистических разработок был осуществлен подход и переход к точке зрения на *типологию текста в ее процессуальности*. Снятие ряда существенных противоречий в «типологической дилемме» становится возможным благодаря проекции психолингвистического и когнитивного вектора на внутрилингвистические элементы в жанровых / типологических подходах. Динамическая процессуальная модель текста и текстопорождения, выдвинутая сегодня на первый план, позволяет дать новое объяснение, казалось бы, парадоксальному факту: отсутствие резких, непреодолимых границ в текстовом континууме, еще точнее – гибкость и подвижность таких границ, сама возможность нарушить стандарт не ставит под сомнение объяснительную силу научных теорий, но как раз является необходимым условием для успешной коммуникации в человеческом обществе в ее многообразных ситуативно обусловленных проявлениях. Норма предполагает варианты потому, что она живая. «Для того,

чтобы нечто жило, нужен резерв неправильностей, вариантов, повторяемостей, отклонений» (Лотман 2005: 292). Добавим также, это является необходимым следствием творческого антропоцентрического характера коммуникации. «Феномен креативности раскрывается при анализе текстовой деятельности конкретного субъекта речи, в частности, в выборе последним разноплановых моделей, в их видоизменениях, особенностях интеграции в когерентную целостность, при установлении соответствия / несоответствия продуцируемых текстовых структур принятым стандартам, выяснении причин отклонений от этих стандартов, рассмотрении возникающих в результате эффектов и др.» (Witosz 1999: 46, 48; цит. по: Салимовский 2002 б: 32).

Как известно, в когнитивной психолингвистике и базирующихся на ее основе теориях межкультурной коммуникации, методики и дидактики преподавания иностранного языка говорится о «когнитивном модуле», т.е. коммуникативно-когнитивной компетенции и компетентности, детерминирующих процессы текстопорождения и -восприятия. «Когнитивный модуль» охватывает 1) лингвистическую компетенцию, предполагающую языковое знание в его структурированности; 2) социолингвистическую компетентность, т.е. способность использовать системные языковые знания в соответствии с коммуникативно-прагматической ситуацией; 3) функциональную компетентность, связанную с регулятивным взаимодействием участников интеракции; 4) социокультурную компетентность, т.е. готовность и способность к ведению диалога культур на основе знания собственной и иноязычной культуры 5) дискурсивную и стратегическую компетентности, под которыми понимают способность идентифицировать различные виды высказываний / текстов, а также продуцировать целостные высказывания, адекватные в языковом и коммуникативном отношениях (ср.: Алмазова 2003).

Как видим, существенную роль в «когнитивном модуле» играет знание о стандартах текстопроизводства.

5.3. Текстотипологическая компетенция в когнитивном аспекте

Затронутый здесь вопрос текстотипологической компетенции / компетентности является существенным и при этом одним из наиболее сложных, не имеющих однозначного ответа в современной типологии текста. Это вопрос о том, каким образом отображается в нашем сознании представление о текстотипологических образцах. Таким образом, это вопрос о когнитивном / ментальном статусе типа текста.

С одной стороны, мы исходим из того, что определенная текстовая разновидность (тип или жанр текста, терминология здесь значения не имеет) является теоретическим конструктом, результатом аналитико-синтетической деятельности лингвиста и существует в его сознании. Одновременно с этим очевидно, что текстовые разновидности, будучи социально-исторически изменчивыми, культурно вариативными, отражают действительно существующие, типовые формы языковой коммуникации: теоретический конструкт соответствует существующей в языке форме. Из этого должно следовать, что типы текстов должны быть онтологически зафиксированы в индивидуальном сознании носителя языка. Такое предположение сопряжено со многими дальнейшими вопросами, крайне сложными для очевидного представления. И в первую очередь, как видится, это вопрос о степени осознанности текстотипологического знания отдельными носителями / пользователями языка.

В рассуждениях в связи с поставленным вопросом следует основываться на тех разработках, которые лингвисты считают на современном этапе наиболее перспективными и эвристически значимыми, а именно: *знание о глобальных текстовых разновидностях, т.е. текстотипологическое знание, является обязательной составляющей коммуникативной компетенции в целом*. В немецкой лингвистике в этой связи базовым является понятие «текстотипологическое знание» (Textsortenwissen, Texttypenwissen; Wissen über globale Textstrukturen). В

англоязычной литературе этому соответствует термин суперструктура (-ы) (superstructure), широко используемый Т. ван Дейком, В. Кинчем и их последователями. В суперструктурах манифестируется знание о глобальных коммуникативно-речевых типах, и «это знание актуализируется не только в тексте, но и присутствует в голове» (Ср.: “superstructures must be not only in the text, but also in the reader’s or listener’s mind. One must know about conventional schemata before one can use them” (van Dijk, Kintsch 1983: 25). При этом нужно заметить, что суперструктуры в духе ван Дейка охватывают такие коммуникативно-речевые формы как рассуждение, аргументация, повествование и др., что существенно шире обозначаемой как тип текста текстообразовательной модели в соответствии с общо-бытовыми разновидностями текстов – кулинарный рецепт, гороскоп, статья и т.д.

В любом случае принципиально важным остается вопрос о том, как соотносятся интуитивные представления о текстовых разновидностях и их ментальный образ в сознании человека. Эта проблема сопряжена в современной типологии текста и, в целом, в когнитивной лингвистике со многими дискуссиями. Высказываются различные, часто противоречивые точки зрения, например, о существовании т.н. этнотипологического (т.е. национально специфического) знания о текстообразовательных моделях; или же о сложности и даже невозможности экспериментального исследования этой проблемы и ее нерелевантности для лингвистики (ср.: Steger 1983: 30 и след). Заслуживающей внимания представляется здесь та точка зрения, в соответствии с которой текстотипологическая компетенция рассматривается как градуальный феномен с различной выраженностью «меры и объема» наших знаний о текстовых моделях. Так, очевидно, что степень осознанности при обращении с текстовыми типами при их производстве или восприятии зависит от фоновых и энциклопедических знаний носителя языка, его жизненного опыта, образовательного уровня. Это значит,

юрист обладает большими знаниями о том, каким требованиям должен отвечать, например, тип текста «защитная речь адвоката» или «приговор», ученый знает больше о текстообразующей специфике научной статьи, экономист – о том, какой должна быть биржевая сводка и т.д. Приводя здесь эти примеры, мы различаем умение интуитивно распознавать в языковой среде тип текста как таковой, с одной стороны, и операциональный уровень текстовой компетенции - компетентность, то, что называется “knowing how” в процессе производства текста данного образца.

Принципиальные различия имеет, далее, продуктивная и рецептивная текстотипологическая компетенция.

Рецептивная компетенция означает здесь способность безошибочно распознавать текстовые особенности и идентифицировать какой-либо текстовый экземпляр в его типологической принадлежности, например, распознавать прогноз погоды, некролог и проч., как таковое.

Продуктивная компетенция означает способность и умение создавать текстовые экземпляры, адекватные своему текстообразовательному образцу в языковом и коммуникативном отношении. От носителя языка требуется наряду с языковым знанием, энциклопедическим знанием знание об общих - инвариантных – текстовых признаках и структурах, архитектонике и композиции, форме тематического развертывания, особенностях формулирования.

В практической плоскости различие двух видов текстовой компетенции выливается в проблему перехода – перевода! – рецептивных умений в продуктивные. В методическом и дидактическом плане это осуществляется через целенаправленное представление и анализ структурных и языковых особенностей различных типов текста при обучении в том числе и носителей языка (очевидно, что и в последнем случае адекватное создание, например, официального извинения, резюме, заявления о пропаже, претензии и т.д. может вызывать трудности).

Отвечая, далее, на вопрос о том, как, собственно, происходит отражение в сознании наших представлений и знаний о текстообразовательных моделях, сошлюсь на мнение немецкого ученого В.-Д. Краузе, развивающего наиболее взвешенную и убедительную точку зрения. Так, с большой долей вероятности мы можем полагать, что когнитивное отражение типа текста (или иной глобальной формы коммуникации) разнородно и сопряжено с различными возможностями выражения.

Возможны *иконические формы ментальной репрезентации и архивирования знания о типах текстов*. Это предположимо в случае текстов стереотипной структуры, таких как счет, заказ (товаров и услуг), официальная благодарность, рецепт, вкладыш к лекарственному средству и др.

Возможны т.н. *модульные формы ментальной репрезентации типов текста*. Под модулем здесь понимается некий относительно автономный компонент знания, взаимодействующий с остальными его компонентами в процессе производства и понимания текста. В этом случае речь может идти о «децентрализации» процессов планирования и порождения текста и свободном варьировании элементов текстовой структуры между собой. Это происходит предположительно в текстах нежестко стандартизированных – например, публичная дискуссия, статья, комментарий, рецензия и др.

Предположительно можно говорить и о *прототипической форме когнитивной репрезентации типа текста в сознании*. Большинство текстов / типов текстов обладают гибкой структурой, когда содержательные и формальные элементы могут добавляться, вариативно изменяться, отсутствовать. В этих случаях речь идет о когнитивном равновесии «центрального планирования», т.е. строгой ментальной предзаданности, и децентрализованного варьирования. По мнению В.-Д. Краузе, подобный когнитивный характер имеют большинство типов текста. И если вторгаться вглубь нейропсихологических механизмов, то в детальном объяснении происходящих процессов можно опи-

раться на механизмы ассоциативной памяти (подр.: Krause 2000: 46 и след.).

Будучи одной из возможных концепций в широком ряду дискуссий, представленная позиция служит основой для объяснения сути того, что называется сегодня текстотипологической компетенцией.

5.4. Взаимодействие текстовых моделей: текстовая гетерогенность

Еще одно принципиально значимое для типологических дискуссий положение таково. Научная типологизация текстов не сводится только лишь к установлению дифференциальных признаков текстовых разновидностей, необходимых и достаточных для отграничения их от других текстов/типов текста. Все критерии, так или иначе избираемые для членения текстового пространства, различны по своей практической, т.е. эмпирической и теоретической значимости и степени абстракции. Создание единой, удовлетворяющей всем классифицирующим аспектам и внутренне непротиворечивой типологии вряд ли возможно.

Выявление определенных текстовых прототипов, т.е. образцов текстового построения и восприятия, является лишь одной из операций в типологических исследованиях текстов, при этом, как замечают специалисты, операцией начального уровня. Как видно из анализа всевозможных классифицирующих попыток, тип текста (или жанр) рассматривается как первичная ступень типологической иерархии, с повышающейся степенью абстрагированности и обобщенности основополагающих признаков. Конкретный тип текста рассматривается в его включенности в типичные, повторяющиеся коммуникативные ситуации – с одной стороны. При этом, с другой стороны, в центре внимания оказывается *функционирование текста в нетипичных для него коммуникативных условиях*. И это уже проблема взаимодействия текстовых стандартов, проблема не одно-

родности, но *гетерогенности текстовых типов*, занимающих пограничное положение на стыке коммуникативных сфер. Подчеркнем, что традиционные разработки, лежащие в фундаменте современного взгляда на типологию текста, в той или иной связи показывает существование на фоне типизированных, строго стандартизированных текстовых типов разного рода пограничных, «нежанровых» текстовых форм и высказываний (ср. в этой связи более ранние исследования подстилей, периферийных жанров в отечественной функциональной стилистике). Повторим здесь вывод В.В. Дементьева, показательный для наших рассуждений: «Многообразие коммуникативных смыслов и – шире – интенциональных состояний коммуникантов не может быть полностью формализовано ни значениями языковой системы, ни вообще средствами какой-либо языковой системы. Таким образом, это многообразие не может быть полностью формализовано и речевой жанровой системностью» (2007: 180).

Ниже приведем примеры, иллюстрирующие на данном этапе наших рассуждений явление гетерогенности в текстообразующей модели.

1. Он полюбил ее с первого взгляда. Со второго взгляда он понял, что без нее он никто. С третьего – что она его разорит. С четвертого – что отношения с ней разрушат его семью. С пятого – что она отнимет у него все свободное время. С шестого он понял, что опоздал, и ею овладел другой. ....

Покупку автомашины [...] нельзя откладывать до лучших времен. Наш адрес [...].

2. Об меня здесь долго вытирали ноги, били меня, зверски со мной обращались, пытались меня замочить. Но я их всех здесь переживу.

Tarkett. Безупречный паркет.

Как можно понять, действительная функция этих текстов – создать рекламу товара, в данном случае автомобиля определенной модели и паркета. Тип текста – рекламное объявление – воспроизводит модель той коммуникативной ситуации, которая типична для рекламной коммуникации: «адресант (фирма, производитель, продавец) информирует, с целью привлечения внимания и побуждения к совершению действий в интересах адресанта, о чем-либо (продукте, услуге) адресата (называя его прямо или подразумевая с помощью особых лингвистических сигналов адресованности)». Такова модель или инвариант рекламного текста, обобщающий наиболее общие, регулярно повторяющиеся в типичных ситуациях и, значит, преобладающие признаки рекламного сообщения. В реальной практике, однако, конкретные текстовые экземпляры воспроизводят свою модель с той или иной вариативностью. Приведенный первым пример рекламы содержит обязательную часть текстового инварианта, а именно, обозначение рекламируемого товара и характеристику потенциального адресата – мужчины, главы семьи, носителя известного социального статуса. Вариативной составляющей этого текста, т.е. модификацией основного образца можно считать образную составляющую, делающую этот текст содержательно и экспрессивно похожим на иную текстовую модель: анекдот, остроту. Ведь именно в остротах главный воздействующий эффект заключается в коммуникативной неожиданности, в содержательном контрасте. Очень сильный эмоциональный настрой создается в анализируемом примере лексико-грамматическими средствами. Лексические единицы выстраиваются в положительно окрашенный семантический ряд: «вспыхнувшие чувства - принадлежность к близкому семейному кругу – желание обладать». Синтаксический параллелизм контактно расположенных предложений обеспечивает в своей совокупности экспрессивное нарастание и одновременно создает эффект обманутого ожидания у читателя текста. Резкий смысловой контраст, лежащий обычно в основе анекдотов

и острот, становится здесь особым персуазивным инструментом привлечения внимания и побуждения к действию потенциального адресата. Этот эффект обманутого ожидания и контраст содержательных пластов также с очевидностью просматривается во втором из приведенных примеров – реклама остроумно имитирует обиходно-бытовую ситуацию жалобы на унижение.

Приведенные примеры иллюстрируют ту лингвистическую и текстотипологическую проблему, которая называется сегодня *контаминация текстовых прототипов, смешение текстотипов, монтаж текстотипов*. Речь идет, таким образом, о существовании конкретных текстов, которые в своем языковом оформлении – структуре, содержательном наполнении – обнаруживают признаки нескольких текстовых моделей. Описание подобных гетерогенных образований отражает одну из ведущих тенденций современной лингвистики текста. Исследование феноменов именно такого рода подводит наблюдателя к существенным и проспективно ориентированным заключениям. Однозначная гомогенность, гладкость классифицирующих моделей невозможна в условиях коммуникативно-речевой практики. При этом «типологическая дилемма» (ср. снова Isenberg 1978) получает новое концептуальное наполнение и новое звучание.

Завершая анализ основных результатов и тенденций развития в современной типологии текстов, повторим еще раз ключевые суждения. Объяснительный потенциал современной лингвистической теории связан с подходом к типологии текста в ее процессуальности. Гибкость, подвижность границ текстов в коммуникативном пространстве, возможность нарушить стандарт и играть с нормой является не препятствием, но условием успешной коммуникации в человеческом обществе. Научная типологизация текстов не ставит и не решает задачу создания единой, всегда непротиворечивой классификации. Дальнейшее поступательное развитие самой типологии текста связывается

с проблемой изучения взаимодействия текстовых стандартов, функционирования текста в нетипичных для него пограничных коммуникативных условиях. Это коррелирует с теоретическими представлениями о текстовой компетенции личности как градуальном феномене: наши знания о текстах направляются и корректируются коммуникативным и социальным опытом.

Глава III. Текст vs коммуникат. Поликодовость в тексте

Раздел 6. Поликодовость как форма текстовой гетерогенности

Проблема, выносимая на рассмотрение в этом разделе, это проблема текстовой смешанности, неоднородности, гетерогенности, прослеживаемой и на уровне содержания, и на уровне формы. Приведенные определения широко используются на современном этапе для характеристики текста как объекта междисциплинарных исследований. И этот объект предстает сегодня как действительно многомерное явление, как поликодовый феномен. *Креолизованный текст, гибридный текст, супертекст; бимедиаальный, полимедиаальный, мультимедиаальный текст; полимодальный вербально-визуальный текст* (“*Sprache-Bild-Text*”), *поликодовый текст* – вот термины, которые вошли в научный оборот, подчеркивая, что текст как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей. «Материя» текста соткана из многих различных элементов, существенно влияющих на восприятие текстового целого. Не только особенности соединения языковых знаков в текстовую ткань, но и графическое, шрифтовое, визуальное, цветное оформление – то, что называется текстовым дизайном (Textdesign), попадает в сферу интересов лингвистов и обуславливает выводы относительно функционирования текстовых смыслов.

6.1. Текстовая гетерогенность: текст в лингвистике vs текст в семиотике

Проблема текстовой гетерогенности охватывает широкий круг явлений и выходит за рамки собственно лингвистических представлений о текстуальности как совокупности признаков, делающих текст текстом. Текст является, как известно, предметом рассмотрения в **семиотике**, науке о строении и функционировании различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию.

с проблемой изучения взаимодействия текстовых стандартов, функционирования текста в нетипичных для него пограничных коммуникативных условиях. Это коррелирует с теоретическими представлениями о текстовой компетенции личности как градуальном феномене: наши знания о текстах направляются и корректируются коммуникативным и социальным опытом.

Глава III. Текст vs коммуникат. Поликодовость в тексте

Раздел 6. Поликодовость как форма текстовой гетерогенности

Проблема, выносимая на рассмотрение в этом разделе, это проблема текстовой смешанности, неоднородности, гетерогенности, прослеживаемой и на уровне содержания, и на уровне формы. Приведенные определения широко используются на современном этапе для характеристики текста как объекта междисциплинарных исследований. И этот объект предстает сегодня как действительно многомерное явление, как поликодовый феномен. *Креолизованный текст, гибридный текст, супертекст; бимедиальный, полимедиальный, мультимедиальный текст; полимодальный вербально-визуальный текст* (“*Sprache-Bild-Text*”), *поликодовый текст* – вот термины, которые вошли в научный оборот, подчеркивая, что текст как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей. «Материя» текста соткана из многих различных элементов, существенно влияющих на восприятие текстового целого. Не только особенности соединения языковых знаков в текстовую ткань, но и графическое, шрифтовое, визуальное, цветное оформление – то, что называется текстовым дизайном (Textdesign), попадает в сферу интересов лингвистов и обуславливает выводы относительно функционирования текстовых смыслов.

6.1. Текстовая гетерогенность:

текст в лингвистике vs текст в семиотике

Проблема текстовой гетерогенности охватывает широкий круг явлений и выходит за рамки собственно лингвистических представлений о текстуальности как совокупности признаков, делающих текст текстом. Текст является, как известно, предметом рассмотрения в **семиотике**, науке о строении и функционировании различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию.

С **общесемиотической** точки зрения возможно исходить из широкого понятия текста как сложно организованного знака, подразумевая под этим совокупность всех коммуникативных сигналов любой формы, так или иначе задействованных в интерактивном процессе. И текстом считается содержательно взаимосвязанная последовательность любых знаков. В таком понимании с позиции культурологии и семиотики текстом является танец, обряд, архитектурное или музыкальное произведение etc., все те артефакты, которые определенным образом закодированы, функциональны и являются результатом интенционального действия субъекта. Они рассматриваются как аналогичные языковым текстам, обладающие содержательным единством. Подобный широкий семиотический подход распространяется в целом на понимание культуры как текстовой системы. Последовательно эта точка зрения представлена, например, в работе (Posner 1991), включающей обзор проблематики в целом.

Согласно мнению ученого, текст как культурно-семиотический феномен должен отвечать трем условиям для признания его статуса как такового. Во-первых, явление, идентифицируемое как текст, должно быть артефактом, то есть результатом целенаправленного действия (субъекта). Во-вторых, оно должно иметь инструментальный характер, иметь назначение в рамках определенной культуры. В-третьих, оно должно иметь кодированный характер, то есть в рамках определенной культуры должен существовать код, приписывающий ему некое(-ие) значение (-я) (Posner, там же, с.46). Таким образом, текст – это то, что определенным образом закодировано, целенаправлено и имеет функцию (назначение).

Заметим здесь, что широкий семиотический подход к тексту прибавляет неоднозначности в проблему делимитации текста, то есть установления границ текстовой протяженности и отделения текста от нетекста. Расширение границ понятия "текст" рассматривается, как известно, в связи с так называемой пан-

текстуальностью, существо которой образно определяется словами немецкого ученого: "Тексты всех мастей покидают свою бумажную вотчину и захватывают ранее семиотически нетронутые земли" (Schmitz 1996: 26, перевод мой – В.Ч.). Особый ракурс этой проблемы задает и концепция интертекстуальности в ее радикальном варианте "все есть текст"; об этом подробнее в дальнейшем. Итак, семиотическое определение текста создает трудности для собственно лингвистического оперирования термином текст.

Одним из следствий подобной "пантекстуальности" является превращение лингвистики текста в семиотическую дисциплину, подчиненную широкому пониманию знака. Но оправдана ли такая семиотическая максима? – вот вопрос, который встает при внимательном знакомстве с проблемой. Ведь она не является однозначной и беспроблемной даже в рамках семиотического (не узколингвистического) подхода. Так, тот широкий семиотический смысл, который вкладывается в интерпретацию любых знаковых систем (и вербальных, и невербальных), иногда оборачивается крайностью и позволяет, с точки зрения приверженцев этого подхода, рассмотреть в качестве текста не только названные выше ритуал, обряд, танец, архитектуру, культуру в целом, но и далее "геном человека как текст", "ментальность как текст", "жизнь как текст", в конечном итоге – "мир как текст". И тогда "возникает иллюзия диалогов интерпретатора с миром... как если бы интерпретатор имел дело с сообщениями-знаками на языке природы и общества (мира) (Никитин 2003: 260). В основе этой иллюзии лежит подмена знаков псевдознаками, не являющимися интенциональным информативно-волевым действием субъекта. Отвечая далее на вопрос, "почему мир не текст", повторю очень удачное определение М.В. Никитина: "податливость" естественного языка к вторичной тропеической номинации оказывает здесь исследователю дурную услугу. ... " (там же, 260-261). Это означает, что наблюдатель-интерпретатор за всяким извлекаемым значением видит

знак. К знаку он приравнивает любые воспринятые сущности и тем самым отказывает знаку в его специфике: интенциональность и субъект-отправитель исключаются из основных условий прототипической знаковой ситуации. Получается, что достаточно события и интерпретатора, осознающего его значение, чтобы возник "диалог" интерпретатора с миром. И тогда наряду с текстами в лингвистическом смысле появляются тексты-миропроявления. События принимаются за текст, а импликации из событий – за их значения. Максимально, что лингвист может оставить за утверждением, типа "мир есть текст", - это "утверждение относительно неких существенных признаков мира, варьирующее свой смысл в рамках уподобления мира тексту, но отнюдь не в рамках приравнивания мира тексту" (там же, 263).

Ошибочность, по М.В. Никитину, подобных расширенных толкований текста делает их для многих языковедов неприемлемыми при обсуждении проблемы идентификации и делимитации текста. Наиболее взвешенной представляется точка зрения и терминология известного лингвиста Карла Гаузенбласа: в зависимости от принципа формулирования текста возможно говорить о его трех разновидностях. Выделяются *лингвистические* (вербальные) тексты, *экстралингвистические* (невербальные): музыкальное произведение, танец etc. и *смешанные* тексты с преобладанием либо вербальных, либо невербальных компонентов: комиксы, рекламные сообщения etc. Минимальное требование лингвистики, предъявляемое к текстам, - наличие языковых знаков, которые в ряде случаев должны быть доминантными.

6.2. Креолизованный текст – коммуникат – поликодовый текст: к определению понятий

Представляется, что именно в таком, указанном выше, соотношении лингвистического и семиотического в проблеме текстуальности следует рассматривать используемый рядом отечественных исследователей термин "**креолизованный текст**".

Креолизованный текст анализируется как особая разновидность текста, "фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык" (Сорокин, Тарасов 1990: 180). Содержание креолизованного текста, по мнению исследователей, работающих с этим термином, кодируется в разных знаках – вербальных и изобразительных, при этом создается особый лингво-визуальный феномен, "в котором вербальный и изобразительный компонент образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное, прагматическое воздействие на адресата" (Анисимова 1992: 73). Е.Е.Анисимова рассматривает креолизованный текст с точки зрения взаимодействия вербальных и паралингвистических средств в письменной коммуникации. При этом подчеркивается, что в данном аспекте эта проблема исследуется и в семиотике, теории массовых коммуникаций, психолингвистике.

К такого рода креолизованным текстам относят, как отмечено выше, афиши, транспаранты, листовки, комиксы (см. напр.: Полякова 2004); карикатуры; плакаты (см., напр., Кругликова 2005); кинотекст (Слышкин, Ефремова 2004). Так, кинотекст анализируется авторами как комплексное взаимопроникающее взаимодействие лингвистической и нелингвистической семиотической систем. В лингвистической системе выделяются письменная (титры, надписи) и устная составляющие (звучащая речь актеров, голос за кадром). Нелингвистическую семиотическую систему образуют звуковые знаки кинотекста, как-то: естественные шумы, музыка и визуальные знаки – пейзаж, интерьер, особенности движения персонажей.

При общем интересе к так называемым креолизованным текстам собственно механизм, лежащий в основе порождающих их процессов остается в ряде работ нераскрытым. Кроме того, сам термин "креолизованный текст" для обозначения смешанных текстов с лингвистическими и нелингвистическими

компонентами не представляется вполне удачным и однозначным. За эти термином уже закреплено известное содержание, а именно, креолизацией называется процесс формирования языка на основе пиджинов в условиях ограничения контактов носителей языка-источника с носителями других несхожих с ним языков. Креольские языки характеризуются в специальной литературе как смешанные языки, то есть представляющие комбинацию словаря одного языка с грамматикой другого (см.: ЛЭС 1990: 245). Очевидно, что в случае взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в тексте речь идет о "смешении" совсем другого рода, и использование здесь слова "креолизированный" не добавляет однозначности.

В зарубежной литературе для обозначения интересующего нас явления широко используется термин **"коммуникат"** (Kommunikat; Gesamtkommunikat), вполне утвердившийся в научном обороте при обсуждении явлений текстовой смешанности. Собственно, "коммуникат" появился в научных дискуссиях одновременно с обсуждением "семиотической и культурологической экспансии" в область текста. Следствием этого некоторые специалисты, работающие традиционно в лингвистике текста, видят размывание границ текста и относительность самой этой базовой лингвистической категории. Очень ярко причину сомнений выразил немецкий исследователь Х. Штекль: «Логоцентрическая гордыня лингвистики, признающая приоритет языка и прежде всего письменности как культурного достижения, привела к тому, что материальный образ («картинка») рассматривается скорее как второсортный знаковый ресурс, с меньшей интеллектуальной привлекательностью» (перевод мой – В.Ч., ср.: Stöckl 2004: 102 и след.). Это образное объяснение показывает желание лингвистики и работающих в ее рамках ученых рассматривать язык как привилегированный код нашей семиотической системы или даже как «архимедиум человеческой коммуникации» (Ehlich 1998: 20). Поэтому в попытках отграничить собственно лингвистический текст как единство

вербальных знаков от сложного многоуровневого знака, в котором интегрированы в единое коммуникативное целое текст (вербальная составляющая), визуальное изображение (шрифт, иллюстрации, общий дизайн и т.п.) и аудио-компонент (звуковое сопровождение в рекламе, например), было введено понятие **коммуникат**. Коммуникат выступает как понятие, противопоставляемое тексту в узколингвистическом понимании: коммуникат не тождественен тексту. Термин «коммуникат» выдвигает в центр внимания «принципиально возможную медиальную комплексность» (Ср.: Hoffmann 2004: 363).

Повторим, в этом отграничении проявляется та исследовательская позиция, которая направлена против растворения лингвистики текста и ее проблематики в некой интегративной науке о коммуникации, изучающей "супертекст". Разделение текста как (преимущественно) вербального знака и коммуниката как полимедиального, поликодового знака должно снимать понятийные и терминологические противоречия. Так, в основе современного издания немецкого учебника "Grundlagen der Textlinguistik", 2002 ("Основы лингвистики текста") лежит представление о тексте, как основанном на языковых знаках единстве. Невербальные элементы и процессы не исключаются полностью из лингвистического анализа, но характеризуются как сопутствующие языковым текстам так называемые паратексты. Пара-тексты существуют не как обязательная, внутренне необходимая часть лингвистического анализа, но как дополнительная составляющая в интерпретации текста, которая делает видимым отношения текста в системе дискурса, то есть обеспечивает дискурсивную целостность анализа (ср.: Heinemann, Heinemann 2002: 97 и след.; также Adamzik 2004). Такая позиция представляется наиболее взвешенной и удерживающей объект и методы лингвистики текста от размывания.

Коммуникат, таким образом, это многоуровневый полимедиальный продукт коммуникативной деятельности, вербальное и невербальное – пара- и экстравербальное знаковое множест-

во. В таком понимании с ним коррелирует еще один термин – **поликодовый текст**. Этот термин гораздо более точно и менее натянуто, чем упоминавшийся термин "креолизованный текст", передает суть рассматриваемого феномена.

6.2.1. Поликодовый текст: вербально-визуальное единство

Так, с одной стороны, «поликодовый» фокусирует факт взаимодействия различных кодов, если понимать под **кодом систему условных обозначений, символов, знаков и правил их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде**. В языкознании такое понимание кода применяется к языковым знакам и правилам их соединения между собой. В социолингвистике понятие «код» закреплено за социально изменчивыми (стратифицированными) вариантами языка, а также для обозначения стратегий вербального планирования (ср.: Российская социологическая энциклопедия 1998: 197-198; Lexikon der Sprachwissenschaft 2002: 349-350).

И, с другой стороны, термин «поликодовый текст» обращает внимание на текстуальный характер обозначенного явления, его содержательно-смысловую целостность, что уходит на задний план при использовании термина «коммуникат».

Итак, использование термина «поликодовый текст» представляется целесообразным и органичным при обозначении текста как когерентного целого, слагаемого из нескольких семиотических кодов.

В целом можно констатировать, что многомерный взгляд на текст как поликодовое образование является следствием и отражением поликодового характера человеческой коммуникации на современном этапе. В качестве ее очевидной тенденции следует назвать *эстетизацию* коммуникации, проявляющуюся в усиленной *визуализации* коммуникативного сообщения.

Эстетическая функция связывалась прежде преимущественно с искусством, с художественной литературой как особой

сферой выражения человеческого бытия. Художественный текст воздействует на своего читателя как рационально, так и эмоционально-чувственно; опираясь на художественность, красоту, т.е. эстетическую составляющую информации. В художественном тексте любой элемент его структуры может стать носителем эстетической информации.

Эстетизация, т.е. опора на внешнюю красоту, дизайн, характеризует сегодня практически все сферы коммуникации: рекламу, СМИ, политику, сферу каждодневного общения. Исследователи говорят об «эстетизации нашего жизненного пространства» (ср.: Welsch 1993: 7-9).

Традиционно к средствам эстетизации относились языковые, а именно стилистические, риторические аспекты «красноречия». При этом сегодня очевидно, что значительный эстетический потенциал содержится в материальной организации текстов. Это означает усиленное внимание к их *форме*, игру с формой. Форма текста приобретает роль дополнительного средства его выделения в общем информационном пространстве. Форма становится тем маркером, который обеспечивает максимальную концентрацию внимания на своем объекте. Именно в таком контексте, повторяя У. Фикс, эстетическое означает указание текста на самого себя, через выделение, подчеркивание собственные формы (ср.: Fix 2001: 39).

Визуализация сообщения – проявление общей тенденции к эстетизации изображения и одновременно проявление *интермедиального* характера нашей коммуникации. Текст во многих своих формах существования воспринимается как единство языковой составляющей и сопровождающей картинки. Вербальное и визуальное соединяются в когерентное целое (“heterogeneous elements are brought into a coherent whole, into a text; ср.: Kress, van Leeuwen 1996: 55).

Речь может идти о разных отношениях между вербальной и визуальной составляющей в поликодовом тексте, например, о *дополнительном* отношении, когда картинка служит своего ро-

да декоративным обрамлением речевого сообщения и фактически является его двойным кодированием для усиления информационного веса. Например, изображение довольных смеющихся лиц покупателей в коммерческой рекламе или несчастных страдающих, нуждающихся в помощи стариков / детей в социальной рекламе выступает средством дополнительной эмоционализации и экспрессивности сообщения, которое, воспринимаемое целиком как вербально-визуальный текст, получает сильный персуазивный заряд.

В этой связи примечателен приводимый ниже пример рекламы автомобиля Mercedes-Benz, построенной как вербально-визуальный текст. На переднем плане картинки – роскошный автомобиль. На втором плане – люди в античном (или театральном) одеянии, приветствующие его как чудо, ниспосланное с неба: их лица и руки подняты вверх, к небу в знак восхищения и изумления. Собственно вербальная составляющая в этом поликодовом тексте

1. Akt: Gebaut fur den groBen Auftritt.

Das neue C-Klasse T-Modell mit beeindruckendem Laderaum
Fahrkultur in groGem St Jetzt Probe fahren bei Ihrem
Mercedes-Benz Partner, www.mercedes-benz.de/c-klasse

Mercedes-Benz

“1. Akt: Gebaut für den Großen Auftritt. Das neue C-Klasse T-Modell mit beeindruckendem Laderaum – Fahrkultur in großem Stil” дополняет визуальное изображение, которое и отдельно взятое могло бы быть самодостаточным для расшифровки содержания послания – речь идет о эксклюзивном, не таком, как у всех продукте.

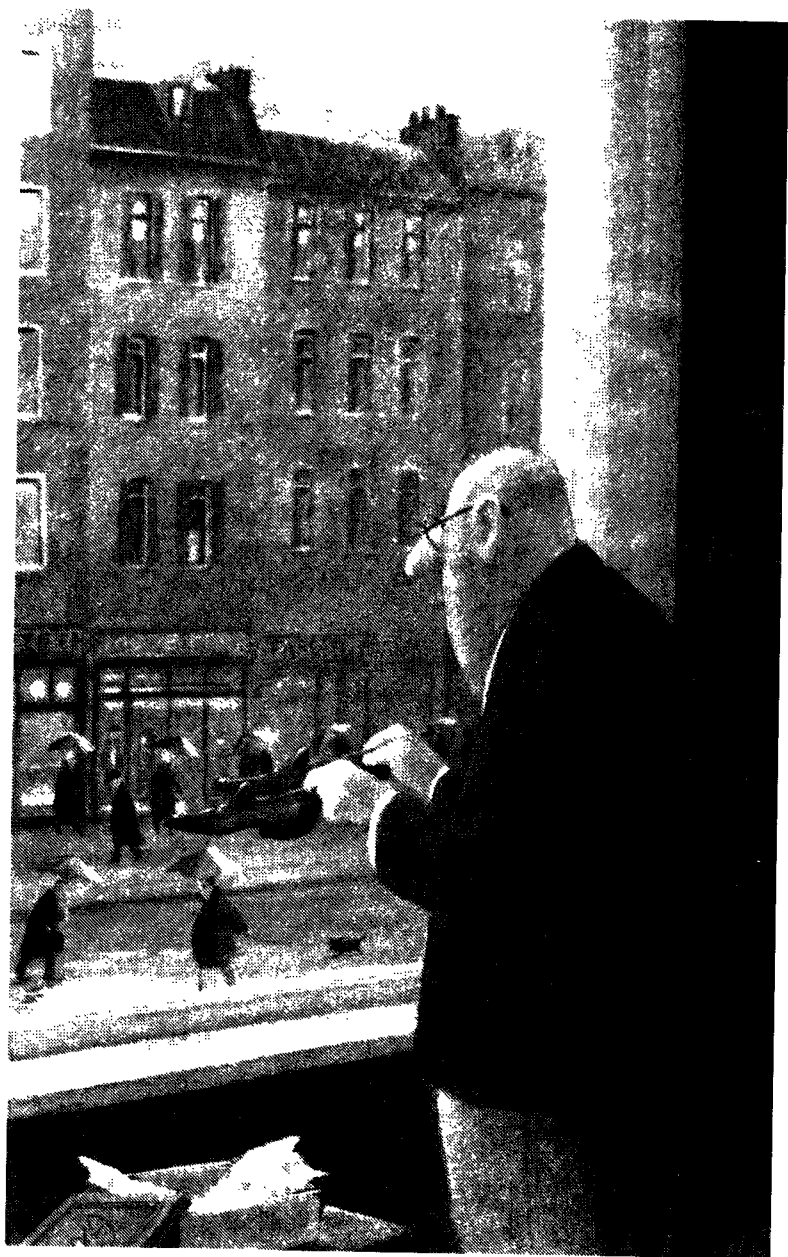
Интегративные отношения возникают в поликодовом тексте тогда, когда невозможно отделить вербальную и визуальную составляющую друг от друга. Ср. как в следующей карикатуре “Wiefried zeigt seinen Schuhen den grauen Alltag” («Вильфрид показывает своей обуви серые будни») слово играет с картинкой, создавая ироничный смысл через соединение в каламбуре изображения и сопровождающего его вербального текста.

Следующий приводимый на английском языке пример взаимодополнения и взаимопроникновения слова и картинки друг в друга – стихотворения английского поэта Дж. Герберта «Алтарь». Здесь форма текста играет с его содержанием, и образ алтаря и человеческого сердца (см. графическое выделение слов Altar – Heart) как жертвенника поддерживается визуальным расположением строк стихотворения (см. подр.: Миловидов 2003: 82).

The Altar

A broken A L T A R, Lord, thy servant rears,
Made of a heart and cemented with tears;
Whose parts are as Thy hand did frame;
No workman’s tool hath touched the same.

A H E A R T alone
Is such a stone
As nothing but
Thy power doth cut.
Wherefore each part
Of my hard heart

Meets in this frame,
To praise thy name;
That, if I chance to hold my peace,
These stones to praise Thee may not cease.
O let thy blessed SACRIFICE be mine,
And sanctify this ALTAR to be thine.

Еще более сложный пример влияния визуальной составляющей текста на его понимание демонстрирует текст Хьюго Балля, видного представителя т.н. звукописи в немецкой поэзии. Его «Karawane» - яркий образец того, что называют звукописью, раскрывающей «внутреннюю алхимию слова». Появившаяся в 1917 г. печатная версия этого произведения представляла отдельные стихотворные строчки, напечатанные различными видами типографского шрифта. Ср. ниже, выделение курсивом и жирно – в оригинале, нумерация строк моя – В.Ч.

1 KARAWANE

2 *jolifanfo bambla ô falli bambla*

3 *grossiga m'pfa habla horem*

4 égiga goramen

5 *higo bloiko russula huju*

6 hollaka hollala

7 *anlogo bung*

8 *blago bung*

9 *blago bung*

10 *bosso fataka*

11 *ü üü ü*

12 *schatnpa wulla wussa ólobo*

13 *hej tatta gorem*

14 *eschige zunbada*

15 wulubu subudu uluw subudu

16 *tumba ba- umf*

17 *kusagauma*

18 *ba - umf*

Hugo Ball, 1917

В оригинале пронумерованным строкам соответствуют следующие типы типографского шрифта:

№ 1,12,14 – decorative Jugendstil

№ 2,5,9,16 – Barock-Antiqua

№ 4,10,11,15 - Gotisch

№ 8 – Fraktur

№ 7,17 – Antiqua-kursiv

№ 3,6,13,18 – Linear-Antiqua (см. об этом подр.: Pohl 1998: 174-176).

Использование всевозможных употребляемых в разное историческое время типов шрифта является по сути лингвистическим сигналом, направляющим читателя к различным культурно-историческим эпохам. Это может рассматриваться как средство растворения пространственных и временных рамок и, значит, как своего рода вектор, показывающий путь интерпретации текста. Единственное семантически корректное слово здесь – это сам заголовок «Karawane». В остальных случаях невозможно говорить об однозначном семантическом толковании слов, при этом «Jolifanto», возможно, отсылает к «Elefant», «Russula» - к «Rüssel» и т.д. Не останавливаясь на детальной и сложной интерпретации этого стихотворения в целом, констатируем здесь: из игры формы и звуков возникает образ путников и каравана, плывущего сквозь времена и эпохи, ниоткуда и в никуда, без резких очертаний, в мареве, идущего медленными, тяжелыми шагами слонов. В этом зашифрованном языковом послании видимый образ текста образует неразрывное единство со словесной тканью.

Подчеркнем, что изучение взаимодействия и взаимопроникновения средства вербализации и средств визуализации сообщения, то есть изучение поликодовых текстов отвечает новым тенденциям развития лингвистической науки нового этапа в ее культурно-семиотических и мультимедийных координатах. Проявлением этих тенденций следует считать, в том

числе, расширение "сферы влияния" интертекстуальности на явления так называемой интермедиальности и интериконичности (см. подр. раздел 7.7.). В свою очередь, это становится следствием того общекультурного расширения понятия текста и текстуальности, о котором речь шла выше.

Принципиально важным в заключении этих рассуждений представляется следующий акцент.

Отграничение текста от коммуниката не означает исключения комплексных семиотических явлений из сферы интересов лингвистики текста или их незначимости для интерпретации текста. Понятийное обособление коммуниката как сложного поликодового знака фокусирует необходимость междисциплинарных разработок, привлекающих исследовательский аппарат и методы не только лингвистики текста, но и теории коммуникации, семиотики, психолингвистики, когнитивной лингвистики.

Раздел 7. Функционально-стилистическая гетерогенность в тексте

Термин «поликодовый текст», как показано выше, характеризует явление текстовой гетерогенности на уровне формы, достигаемой через соединение различных семиотических систем. Например, вербальной и визуальной. При этом существует содержательная гетерогенность иного рода – функционально-стилистическая, порождаемая контрастом смысловых систем, «своего» и «чужого» слова, сосуществующих в текстовом пространстве. Текстовая гетерогенность такого рода предстает в явлениях стилизации, пародирования, коллажа, других видах интертекстуальности.

7.1. Стилизация и пародия в художественно-эстетической коммуникации

В широкий круг явлений неоднородности и гибридизации текстового построения, безусловно, следует отнести стилиза-

цию и пародирование как особые приемы создания художественных текстов.

Стилизация – сознательное изображение характерных черт "не своего" стиля, имитация чужого слова. Стилизация – это достаточно общее понятие. Стилизованные произведения могут создаваться не только в литературе, но и в музыке, архитектуре, кинематографии, хореографии, дизайне.

В филологии явление стилизации обсуждается большей частью в рамках литературоведческих подходов к тексту, и особенно в историко-литературном плане. Так, стилизация рассматривается как представление наиболее характерных черт, примет изображаемой манеры словесного выражения, как "намеренное построение художественного повествования в соответствии с принципами организации языкового материала и характерными внешними речевыми приметами, присущими определенной социальной среде, исторической эпохе, литературному направлению, жанру, индивидуальной манере писателя, которые избираются как объект имитации" (БЭС Языкознание; с. 492).

В вузовском учебнике А.И. Горшкова "Русская стилистика" указывается, что предметом стилизации выступают обычно не конкретные произведения или индивидуальные авторские стили, но стили эпохи, национальной культуры, целых литературных направлений, народной словесности как самобытного явления. Так, широко известны стилизации сказок и народной поэзии, песен, выполненные А.С. Пушкиным ("Песни о Стеньке Разине"), А.С. Дельвигом (песни "Соловей, мой соловей...", "Голова ль моя головушка"), М.Ю. Лермонтовым ("Песня про купца Калашникова", "Казачья колыбельная песня"). Наряду с фольклорными стилизациями у русских поэтов были популярны стилизации античной поэзии. В XX веке в русской словесности известны стилизации в романах А. Чапыгина "Разин Степан" и А. Толстого "Петр I".

Особенностью стилизации как художественного приема является то, что в ней не просто заимствуется, используется, но сознательно имитируется "чужое слово" в широком бахтинском понимании этой проблемы. Автор стилизации как литературного произведения использует подобие "чужого слова", он говорит не "чужими", а "своими" словами для решения собственных творческих задач: "Авторский замысел пользуется чужим словом в направлении собственных устремлений" (Горшков 2006: 230).

При стилизации чужое слово имитируется через использование стилистических, лексических, синтаксических, морфологических, фонетических особенностей языка и архитектоники текстов стилизуемой эпохи, направления. Проиллюстрируем это фрагментарно примером, использованным в учебнике (Горшков 2006: 231): в 1930-е г.г. Б. Шергиным были подготовлены к публикации рассказы "Пинежский Пушкин", в которых литературно обработаны слышанные писателем рассказы и пересказы жителей поморского края о великом поэте:

"Я сегодня навидалась Пушкина-та в окне магазина. И женочка рядом, не в ту сторону личешком. Не эта ли Наташа-та егова? Краса бы холостому, как лошадка на воле. Нет, женился, вlepил голову-ту. Много подруг было, одну ей пуще всех зажалел..."

Стилизация используется в различных идейно-эстетических целях – для воспроизведения исторической, социально-культурной атмосферы, для пародирования, сатиры.

В тесной связи со стилизацией называется обычно и другой тип литературного произведения, построенного на особом использовании межтекстовых связей – сказ.

По своему определению **сказ** – это жанр (форма) произведения, "нечто вроде сказки, но отражающее действительные события прошлого или настоящего" (Горшков 2006: 231). Различают народный сказ с устной формой словесного выражения и литературный сказ. По В.В. Виноградову, "сказ – это своеоб-

разная комбинированная стилевая форма художественной литературы, понимание которой осуществляется на фоне сродных конструктивных монологических образований, бытующих в общественной практике речевых взаимодействий. Устная речь в литературе не звучит. Она – письменна. Она – олитературена... Сказ лишь сигнализирован, лишь обозначен как форма устного повествовательного монолога... Сказ строит рассказчик, но сам – построение писателя" (Виноградов 1963: 17-18).

Итак, в сказе существуют особого рода сигналы, лингвистические маркеры, вводящие в его ткань народный разговорный характер, делающие его похожим на произведение народного творчества. При этом композиционно сказ выступает как произведение, подчиненное законам литературно-художественного дискурса в целом. Авторские сказы (то есть литературные произведения) чаще изображают обобщенное "народное слово", связанное с местностью или родом занятий вводимых в сказ рассказчиков. Литературные сказы с разной степенью обобщенности и условности имитируют народные сказы. Например, "Уральские сказы" П.Бажова (Горшков 2006: 234).

Следующие примеры, заимствованные из книги французского публициста Р. Кено и переведенные на немецкий язык, показывают, как содержание банальной истории с человеком, потерявшим в переполненном автобусе пуговицу (см. исходный текст *Angaben*), стилизованно передается на баварском диалекте и официально-канцелярском языке.

Angaben

Im Autobus der Linie S, zur Hauptverkehrszeit. Ein Kerl von etwa sechsundzwanzig Jahren, wei-cher Hut mit Kordel anstelle des Bandes, zu langer Hals, als hätte man daran gezogen. Leute steigen aus. Der in Frage stehende Kerl ist über seinen Nachbarn erbost. Er wirft ihm vor, ihn jedesmal, wenn jemand vorbeikommt, anzurempeln. Weinerlicher Ton, der böse klingen soll. Als er einen leeren Platz sieht, stürzt er sich drauf.

Zwei Stunden später sehe ich ihn an der Cour de Rome, vor der Gare Saint-Lazare, wieder. Er ist mit einem Kameraden zusammen, der zu ihm sagt: »Du solltest dir noch einen Knopf an deinen Überzieher nähen lassen. «Er zeigt ihm wo (am Ausschnitt) und warum.

Bayrisch

Ich habe keine kleinen Babirfezn mit einer Numero drauf gehapt, haber ich bin drozdem in düssen Wagen eingeschign. Nachdem ich mich auf duser Bladform auf düsem Wagen befand, wo die Andern einen Autobus nenen, habe ich mich ganz abscheiling zusammengedruckt gefüjt und ganz damisch und ganz zammen-schrumbft. Haber indem daß ich dan gezalt habe, habe ich einen Blick um meine Berson geworfen und was klaubens, was ich da seh? Einen langen Mentsch mit einen von düsem Hels und einer von düssen Gopfbedegungen wo der Ägonom nicht kent. Haber der Halz war fuj zu lang. Und der Hut hare cine Gordel, Jessesmarandjosepf! Er ist bei mir dagestanden, und auf" einmal had er cine krosee Raasch bekommen. Er hat füle Wörter, wo man kan von der krosten Hab-scheilingkeit zu einen armen Harn gesagt, haber und fuj schlimer, er ist wegangan und hat sich einpfach hingsezt, der lange Mentsch.

Das sind eben Sachen, wo halt so vorkomen in der Kroschtad. Haber Sie klauben nicht, das ich ihn wiedergesehen hab, den langen Mentsch. Es ist zwei Schtunden speter gewesen vor einem krosen Gebeude, das wo etwas so het sein konen als wie der Balascht von den Hochwiern Harn Bischof von Bantrusch, wo die Andern sagen for ihre Schtadt bei Fornahmen z nenen. Es war der lange Mentsch, wo auf und ab gangen is mit einen andern kroskobfeten Nichznuz wo sein Schbezl war, und was sagt er ihm, der andere kroskobfete Nichznuz wo sein Schbezl war, er sagt ihm: »Las dir düssen Gnopf ein weng höher sez n zweng der Aschdeding.« Das wars, was er dem langen Mentsch gesagt hat, der andere kroskobfete Nichznuz wo sein Schbezl war.

Parteiisch

Nach einer unangemessenen Wartezeit kam der Autobus endlich um die Ecke und hielt bremsend am Bürgersteig. Einige Personen stiegen aus, einige stiegen zu; zu diesen gehörte ich. Man quetschte mich auf die Plattform, der Schaffner drückte behende auf seinen Klingelknopf, und das Fahrzeug fuhr

weiter. Während ich den Fahrschein, den der Mann mit dem Blechkasten auf seinem Bauche entwerfen sollte, aus meinem Block riß, musterte ich meine Nachbarn. Nur Nachbarn. Keine Frauen. Ein uninteressierter Blick also. Doch bald entdeckte ich den Abschaum dieses beschränkten Schmutzes: ein Junge in den Zwanzigern, der einen kleinen Kopf auf einem langen Hals trug und einen großen Hut auf seinem kleinen Kopf und eine kleine spitzbübische Flechte um seinen großen Hut.

Was für ein armer Wicht, sagte ich mir.

Aber er war nicht nur ein armer Wicht, er war auch ein Bösewicht. Er brachte seinen Unwillen zum Ausdruck, indem er einen unbedeutenden Bürger beschuldigte, ihm bei jedem Schub Fahrgäste die Füße plattzutreten. Der andere sah ihn mit strengem Blick an, suchte in seinem paratliegenden Repertoire, das er wohl durch die verschiedensten Umstände des Lebens mit sich schleppte, nach einer unbeherrschten Entgegnung, fand sich aber an diesem Tage in seiner Kartei nicht zurecht. Was den jungen Mann betrifft, der vermutlich ein paar Ohrfeigen befürchtete, so nutzte er die plötzliche Freiheit eines Sitzplatzes aus, um sich draufzustürzen und hinzusetzen. Ich stieg vor ihm aus und konnte sein Verhalten nicht mehr weiter beobachten. Ich hatte ihn schon der Vergessenheit preisgegeben, als ich ihn zwei Stunden später, ich im Autobus, er auf dem Bürgersteig, an der Cour de Rome in dem gleichen beklagenswerten Zustand wiedersah.

In Begleitung eines Kameraden, der anscheinend sein Lehrmeister in modischen Angelegenheiten war und ihm mit dandyhafter Pedanterie den Rat erteilte, den Ausschnitt seines Überziehers durch Anbringung eines zusätzlichen Knopfes verkleinern zu lassen, schritt er dort auf und ab.

Was für ein armer Wicht, sagte ich mir.

Dann setzten wir, mein Autobus und ich, unseren Weg fort. (Queneau 1983: 5; 116-117; 65-66)

В современных исследованиях стилизация изучается в связи с целым рядом стилеобразующих признаков, имитируемых стилизаторами, и через описания языковых средств, участвующих в создании эффекта стилизации. Например, выделим работы, рассматривающие так называемую гендерную стили-

зацию, когда в художественно-эстетических целях имитируются стереотипные особенности речи лица противоположного пола. Это связано с изменениями в пространстве художественного текста гендерной принадлежности рассказчика (вымышленного субъекта речи), что выражается в "смене пола" женщины как субъекта речи и воспроизведении стереотипов мужского речевого поведения (см., напр., Пермякова 2007).

От стилизации и сказа как интертекстуальных образований отличается пародия.

Пародия – это "поэтическое или прозаическое произведение или жанр, основанный на комическом воспроизведении поэтики и стиля какого-нибудь писателя или отдельного текста" (Арнольд 1999: 307); это "комический образ художественного произведения, стиля, жанра" (Новиков 1989: 5). В пародии создается особая семантически двуплановая структура:

- 1) пародия сосуществует со своим пародируемым предтекстом, который должен обязательно узнаваться читателем;
- 2) исходный текст преобразуется и порождает смысловой контраст с текстовой структурой пародирующего текста. Пародия создается таким образом, что сохраняется структура предтекста и он узнается читателем благодаря этому, но меняется содержание – переосмысливается, вводятся другие персонажи, меняется их оценка и т.д.

В пародии намеренно создается и фокусируется интертекстуальными сигналами противоречие между идеей, темой, содержанием текста и их вербальным выражением. Ср. значение греческого слова *parodia* – "пение наизнанку", "противопеснь".

В исходном определении указывается, что предметом пародирования может быть как отдельное произведение и индивидуальный стиль писателя, и тогда пародируются его характер, броские черты, так и литературное направление, жанр в целом, тогда отражаются наиболее общие узнаваемые свойства.

Примеров пародии на целое литературное направление могут служить написанные в конце 19 в. В. Соловьевым пародии на символизм:

*Горизонты вертикальные
В шоколадных небесах,
Как мечты полужеркальные
В лавровишневых лесах.
<...>
Мандрагоры имманентные
Зашуршали в камышах,
А шершаво-декадентные
Вирши – в вянущих ушах.*

(пример заимствован из: Горшков 2006: 237).

Лингвистическими сигналами интертекстуальной соотнесенности с языком символизма является здесь типичное для символизма пристрастие к метафорам, оксюморонам, повторению строк.

Пародия актуализирует интертекстуальную соотнесенность с предтекстом (-ами) на нескольких уровнях. Возможным видом пародирования является тот, когда сам заголовок пародии полностью повторяет заглавие своего прецедентного текста либо частично трансформирует заглавие, типа "Никто не хотел убирать" в пародии на известный советский роман и его экранизацию "Никто не хотел умирать".

Далее, пародия может устанавливать сюжетные связи с пародируемым текстом. При этом в пародии выбирается: а) один из эпизодов предтекста; б) одна (из многих возможных) сюжетная линия; в) соединяется несколько сюжетных ситуаций; г) заимствуется персонаж, образ которого изменяется, иронически переосмысливается. Так, создано достаточно много пародий на широко известную сказку о Красной Шапочке и Сером Волке, в которых Красная Шапочка становится злой, а Волк безобидным

и слабым, либо меняется отношение героев между собой: Волк не съедает Шапочку, и т.д. и т.п. Например:

Das neue Rotkäppchen

Es war einmal ein Mädchen, das trug seit jeher eine rote Kappe. Eines Tages schickte die Mutter Rotkäppchen zu ihrer Großmutter. Die Mutter gab ihr einen Korb mit Wodka und ein Spanferkel mit. Rotkäppchen schwang sich auf ihr Motorrad und düste los.

Als Rotkäppchen an einer Ampel stand, sah sie den Wolf in einem Trabi neben sich. Sie raste los, obwohl die Ampel noch auf Rot stand. Der Wolf raste hinterher. Es wurde eine spannende Verfolgungsjagd, aber Rotkäppchen hängte den Wolf an einer Kreuzung ab.

Rotkäppchen mußte sich jetzt beeilen, denn sie hatte wertvolle Zeit verloren. Sie hatte Omas Haus schon in Sicht, aber konnte nicht mehr bremsen und raste ins Hühnergehege. Als sie ins Haus kam, bekam die Großmutter einen großen Schreck, denn Rotkäppchen war voller Hühnerkacke. Rotkäppchens Großmutter steckte sie sofort die Badewanne. Als Rotkäppchen in der Wanne war, machte Großmutter sich über den Wodka aus, von dem sie dachte, dass es Mineralwasser sei. Als Rotkäppchen aus der Badewanne kam, sah sie Oma im Zimmer heruntorkeln. Die Oma erkannte Rotkäppchen erst gar nicht und schmiß sie hochkant raus. Rotkäppchen fuhr wütend nach Hause. Als sie auf dem Heimweg war, sah sie den Wolf im Straßengraben, denn er hatte sich bei der Verfolgungsjagd den Motor überhitzt. Der Wolf war sauer auf Rotkäppchen, die Großmutter war auch sauer auf Rotkäppchen, und Rot-

käppchen war auf beide sauer. Und so waren sie alle aufeinander sauer. Und wenn sie nicht verunglückt sind, dann leben sie noch heute.

(Märkische Allgemeine, 1995, № 1)

В пародии «Новая Красная Шапочка» мы видим комичное воспроизведение и преобразование базисного – пародируемого – текста. Преобразования здесь касаются сюжетной ситуации и социо-функционального характера изображения (того, что в социолингвистике называется «регистр»): Красная Шапочка едет к бабушке на мотоцикле, в корзинке несет водку, которую бабушка выпивает, приняв ее за минеральную воду. Волк в свою очередь едет в «Трабанте» - типичном для времен социалистической Германии автомобиле. И собственно конфликт сказки сводится в пародии к обыгрыванию сказочной и обиходно-бытовой картины мира. Содержание оригинала в целом сохраняется, меняется атмосфера изображаемого мира – из сказочного мира действие переносится в современную действительность, и пародируются уже реалии этого, современного мира. Возникшие межтекстовые отношения можно охарактеризовать как вид интертекстуальности, когда Т 1 интертекстуально соотнесен с Т 2.

Становится очевидным основное отличие пародии от стилизации и от сказа. В стилизации и сказе чужое слово служит средством изображения действительности, а в пародии само чужое слово (чужой текст) становится объектом изображения. Пародия – это особый вид вторичного текста, не просто воспроизводящий или отражающий предтекст, но находящийся с ним в контрастных отношениях по семантическому и стилистическому звучанию.

Пародия требует интертекстуальной компетенции читателя как главного условия своего декодирования. Пародия является вариантом стилизации, когда нарочито, гипертрофированно

выделяются черты имитируемого стиля, становящегося объектом юмористического или сатирического истолкования.

Пародия при этом бывает трудно отличима от стилизации в тех случаях, когда черты пародируемого стиля лишены бросающихся, однозначно видимых признаков.

Близок, но не тождествен пародии традиционно исследуемый в литературоведении такой вид текста, как **бурлеск** – (итал. burlesco – шуточный) – форма пародийной стилизации в литературе, комический эффект которой построен на несоответствии темы характеру ее изложения: высокая тема разрабатывается подчеркнуто низким слогом, а низменная – возвышенным (ср.: БРЭ, т.4, с.374).

Отдельно выделяется **травести** – сатирическое подражание тексту, при котором, в отличие от пародии, сохраняется без существенных изменений основное содержание оригинала, но оно передается в иной, иронически, сатирически воспринимаемой форме. Например, классические баллады, стихи, сказки и т.д. передаются в форме национальных диалектов или на разговорном языке. Следующий пример показывает, как сказка про Красную Шапочку передается на молодежном сленге.

Ein Typ erzählt Rotkäppchen

In dieser Story gehts um sonen reichen Zahn, der wohl mords knackig aussah, aber durch die feine Family total out war. Jede Menge Klamotten und sonen Plunder, aber dafür immer auf liebes Mädchen machen und sonen Scheiß. Die fuhr da aber entweder voll drauf ab oder blickte überhaupt nich durch, jedenfalls machte se nie Rabbatz sondern lief auch noch mit soner affigen roten Samtmütze rum, die ihr die Großmutter mal verpasst hatte. Jedenfalls durch selbige antike Dame kam dann die ganze Story ins Rollen. Die hatte es wohl irgendwie umgehauen, wahrscheinlich Migräne oder so, wie das bei diesen feinen Pinkeln ja immer so is. Jedenfalls lag se in ihrer Poofe flach und erwartet, dass die

liebe Family anmarschiert kommt. Die Alten vom Zahn hatten da wohl aber auch nicht gerade den schärfsten Bock drauf, jedenfalls mußte der Zahn jetzt mit seinem Freßkorb in den Wald latschen, wo der Nobelschuppen von der maroden Alten stand.

Und wie der Zahn so durch den Wald schnürt, kommt doch schon haariger dunkler Typ angepirscht und ist unheimlich scharf auf den Zahn, weil der so heiß aussieht. Die ist aber durch ihre scheiß bürgerliche Erziehung total verklemmt und läßt sie unheimlich blöde Quatsche raus. Der Typ denkt wohl, daß er das schon irgendwie managed und macht auf romantisch, so mit Blümlein, Vögelein und heiteitei. Die kapiert aber wieder nicht die Bohne was läuft und will immer nur für die abgeschlafte Alte Blumen griffeln. Der Typ dreht fast durch, weil er den Zahn nicht krallen kann, will aber unbedingt zu Potte kommen. Die Story mit dem kranken Friedhofsgemüse hatte der Zahn ja beim Blumenknacken an ihn rangelabert. Also nix wie hin in die Villa, die alte Dame aus der Poofe geschmissen und sich schon mal selber reingehauen. Als der Zahn endlich angeschlurft kommt, schnallt der erst gar nix. Hat wohl seine Linsen nicht drin oder ist sonstwie ein bißchen behämmert. Vielleicht isse aber auch cleverer als sie aussieht, und hat total kapiert, was Sache is, steigt aber voll auf die Masche ein. Die Kiste wär ja auch ganz o.k. gewesen, wenn nicht die verklemmte Lady Zoff gemacht hätte (...).

(Claus, Kutschera 1984: 51-54)

Здесь, как видим, при сохранении содержания текста оригинала полностью изменена его форма – лексический состав, грамматические конструкции, стилистическая окраска характерны для т.н. «молодежного языка». Ср.: избыток лексических единиц с разговорной и сниженной окраской, типа *der Zahn* как обозначение молодой девушки; *Linsen* (Brille), *Klamot-*

ten, Freßkorb, Typ; Scheiß, beknackt, voll in die Hose geben; sonen, soner, so is, nich как стянутые разговорные аналоги конструкций so einen, so einer, so ist, nicht; англицизмы типа Story, Family, out и многое другое.

7.2. Репродукция и коллаж

Рассмотренные межтекстовые отношения, возникающие в случае пародии, травести, бурлеска, стилизации представляют собой, так сказать, "классические примеры" текстового диалога, и их изучение восходит к давним традициям риторики и стилистики.

Иные литературные приемы привнесены в период так называемого постмодернизма, или постструктурализма с 60-х гг. XX века. Не останавливаясь здесь на развернутой характеристике этого комплекса идей (см.: Щирова, Тураева 2005: 118-126 и след.), повторим, что центральное место в нем занимает идея открытости безграничного текста в бесконечность. Текст растворяется в явных и неявных цитатах, а интертекстуальность и цитатность находят выражение в многообразных имитациях, стилизациях, пародировании, коллажах. Текст интерпретируется не как самодостаточный оригинальный феномен, но как конструкция из разного рода способов письма и культурных цитат. Цитон, цитатное произведение, репродукция, коллаж становятся в этот период излюбленным художественно-эстетическим приемом построения текста.

Репродукция и коллаж как особые изобразительные техники используются не только в словесном творчестве, но и в изобразительном искусстве. Как литературный прием они подразумевают повторение известного, существующего вербального материала, при чем он не включается в другой текст, но используется по-другому – из него создается новый текст. Речь может идти о частичном или полном заимствовании предтекста или его сегмента.

Репродукция базируется на дословном (более или менее полном) заимствовании чужого текста, в результате чего возникает его "копия", и она функционирует как новый текст (ср.: Holthuis 1993: 114-115). Известный пример – роман Пьера Менара "Don Quichotte", заимствующий буквально 3 главы из романа Сервантеса. Особое эстетическое назначение этого приема в совокупности со смысловой модификацией из-за временного сдвига в романе Менара позволяет отделить репродукцию от глагиата и рассматривать ее как особый художественно-эстетический прием построения текста и его диалогизации.

Примеры репродукции приводятся и в связи с так называемой ре-линеаризацией, то есть изменением визуально-графического или орфографического облика референтного текста, когда меняется исходный шрифт, расстояние между строками, положение столбцов (Holthuis 1993: 115-117).

Особый интерес исследователей постмодернизма всегда привлекал к себе *литературный коллаж* в форме центона и текстового монтажа.

Центон (лат. cento – лоскутное покрывало, накидка) – это стихотворный текст (нем. Flickgedicht), составленный из разных строк одного или нескольких поэтов. В постмодернистских изысках центон становится видом литературной игры. По принципу центона составляются прозаические произведения, называемый *цитатными текстами* (ср.: нем. Flickwek). В цитатных произведениях "цитаты", то есть заимствованное чужое слово в виде цитат, аллюзий, ссылок и т.п. могут быть не всеобъемлющи, между ними может существовать то, что в исследованиях по интертекстуальности называется "ремарки цитирования" – комментарий принимающего цитату автора. При большом количестве подобных ремарок цитатное произведение приближается к художественному тексту "вообще", так или иначе играющему с чужими текстами/смыслами. Известный пример – произведение В.Ерофеева "Москва – Петушки".

Коллаж дает наиболее отчетливое представление о радикальной концепции интертекстуальности, по Кристевой, Деррида, Риффатеру и др., как о бесконечной игре с текстами и наиболее соответствует центральному представлению постмодернизма о тексте "как мозаике цитат". Заметим попутно, что "монтаж текстов" как текстообразующий принцип оказался необычно успешным и еще более радикализированным в эпоху "сетературы", цифровой литературы, когда компьютерный "мозг" раскладывает и сотни раз заново составляет мозаику из введенного в его "сознание" текста-основы.

По классификации Ф. Мона выделяются несколько различных типов коллажированных текстов:

1. существует заданная автором композиционно-сюжетная линия текста и в нее вплетается другой, чужой языковой материал. Например, Дж. Джойс "Улисс", А.Деблин "Берлин. Александерплатц", У.Пленцдорф "Новые страдания молодого В.", У.Эко "Имя розы";
2. "чужой" языковой материал вводится в создаваемое произведение наряду с его другими элементами на правах самообитного включения;
3. на заданную тему создается заново ("монтируется") коллажированный текст как совокупность цитат;
4. текстовый материал "монтируется" калейдоскопически без фиксированной темы и плана развертывания. Реконструкция содержательно-смысловых связей в нем предоставляется читателю (Мон 1970: 116-135).

Повторим, коллаж наиболее выразительно среди иных форм интертекстуальности показывает существо "свободной игры" с текстом, он демонстрирует специальный художественно-эстетический прием построения текста и общения с читателем в непрерывном диалоге смысловых позиций.

О других интертекстуальных приемах, как-то: переложение, продолжение, парафраза (в значении изложения содержания

текста другими словами, обычно прозаического – стихами) см., например, Горшков 2006: 89-92.

Раздел 8. Гетерогенный тип текста

8.1. Монтаж текстовых типов

И стилизация, и пародия выступают как особые художественно-эстетические приемы создания литературного произведения через игру своего и чужого слова. Этот прием реализуется, как показано, в совокупности лексических, грамматических, стилистических и композиционных средств, имитирующих чужой стиль или художественное направление. Иной способ эстетического воздействия и иной вид текстовой гетерогенности создается через *монтаж текстовых типов*, при котором во взаимное соприкосновение приходят различные модели текстопорождения и текстовосприятия. Текстовая неоднородность, создаваемая за счет взаимодействия различных типов текста внутри одного произведения, связывается исследователями с т.н. гибридными текстами. Например, Е.Е.Анисимова понимает "под гибридность текста его способность сочетать в себе стилистически разнородные элементы, признаки разных типов текста". К понимаемым так гибридным текстам относятся художественные тексты, построенные с опорой на прием стилизации и пародирования; а также публицистические, научные, учебные тексты, привлекающие другие типы текстов в документальных и иллюстративных целях. (Анисимова 1992: 76).

В функциональной стилистике и лингвистике текста традиционно создавались типологии текстов с точки зрения их строгого или нестрогого соответствия некоему образцу, их конвенциональности и неконвенциональности.

Так, известно предложенное Е.И. Шендельс и развиваемое многими авторами деление текстов на закрытые и открытые. Закрытые тексты имеют, как правило, небольшой объем, по-

строены по единому композиционно-архитектоническому образцу, которому наиболее строго следуют в своих сильных позициях, то есть начале и конце. Примерами закрытых текстов можно считать заявление о приеме на работу, автобиографию, патент, метеосводку, инструкцию по пользованию техникой, кулинарный рецепт, извещение и другие типы текстов официально-деловой коммуникативности.

Открытые тексты могут иметь различный объем и меньше привязаны к текстовому прототипу. Вариативной может быть их композиция, архитекtonика, морфологическая и синтаксическая структура текстов, что не исключает установление и в этом случае схемы инвариантных признаков в плане содержания и выражения. К классу открытых текстов относят научные тексты: монографию, диссертацию, статью, доклад, рецензию, лекцию, учебник; а также журналистские, публицистические, художественные тексты устной коммуникативности (ср.: Гончарова, Шишкина 2005: 44-45).

Текстовая гетерогенность в том ракурсе, в который выводят ее, например, исследования так называемых креолизованных текстов (поликодовых текстов; коммуникатов) остается, как уже было замечено, проблемой установления текстового статуса и шире – идентификации и делимитации текста с общесемиотических позиций. Здесь лингвистика противостоит семиотике, и гетерогенность текста рассматривается, собственно, в соотношении объемов вербальных и невербальных компонентов.

В рамках предпринимаемого здесь анализа внимание привлекается к текстовой гетерогенности в ином роде, а именно, к гетерогенности на уровне текстообразовательной модели, к тому, что называется *контаминация, смешение, гибридизация текстовых типов*. Явление, рассматриваемое здесь, может быть представлено как диалог текстового экземпляра с его конвенциональной нормой. По сути это диалог между функцией – коммуникативным назначением – текста и потенциально возможной формой для воплощения этой функции.

Для нас принципиально значимо следующее положение.

Функциональный подход, доминирующий сейчас в лингвистике, привязывается часто к тому утверждению, что текстовая форма **полностью** следует (должна следовать!) за функцией. В действительности же полный изоморфизм поверхностного и функционального уровней текстовой организации возможен в ряде случаев и соответствует, скорее, идеальным представлениям о человеческой коммуникативности, нежели ее практически наблюдаемым проявлениям. Гораздо чаще выбор формы, то есть текстообразовательной модели и одновременно коммуникативно-когнитивной операции по ее актуализации, осуществляется субъектом не в полном соответствии функционально-детерминированным ожиданиям адресата (см. еще раз суждения о диалогичной природе речевого жанра/типа текста!). Форма текстового произведения может поддержать его основную интенцию или же стать деструктивным фактором при выражении интенции. Примером, иллюстрирующим последнее обстоятельство, может служить такая ситуация, когда письмо, предназначенное для выражения сочувствия и соболезнования (что равно функции текста), пишется его отправителем, например, на цветной бумаге с розочками и бантиками или не содержит подписи. В таком случае тип текста "соболезнование" не может быть идентифицирован как таковой, и, соответственно, не может быть реализована связанная с ним функция.

Одновременно с этим рассмотрим другой текстовый экземпляр.

После поражения Бразилии в футбольном матче с командой Португалии в 1960-х гг. в одной из бразильских газет появился оплаченный болельщиками текст:

"Настоящим сообщаем, что вчера... безвременно скончалась сборная Бразилии, которая при жизни была двукратным чемпионом мира по футболу. Потрясенная горем семья, состоящая из 90 миллионов бразильцев, узнав об этом, прощается и скорбит..."

Далее шли угрозы в адрес "виновников смерти" – тренеров, администрации команды и т.д. (по газете "Наш Зенит", 2005, №47).

В формально-содержательной структуре этого текста с очевидностью содержатся речевые образцы, лексико-грамматические конструкции, в целом свойственные типу текста "соболезнование", а именно:

- 1) инициальное предложение извещает о факте смерти;
- 2) содержится указание на внезапность, безвременность утраты;
- 3) лексические единицы с семантикой соболезнования (потрясенный, горе, скорбеть) и близких отношений (семья) создают соответствующий типу текста эмоциональный настрой: оплакивание близкими людьми потери.

При этом анализируемый текст не является соболезнованием или некрологом и не распознается читателем как таковой. Его подлинная, собственно текстообразующая интенция – не только и не столько контактоустанавливающая, как выражение соболезнования, но персуазивная как выражение негодования, возмущения из-за спортивного проигрыша любимой команды. Самобытная оригинальность, неожиданность в выборе формы такового высказывания через имитацию иного типа текста только усиливает, прагматически фокусирует воздействующее назначение текстового целого.

Показательно, что с явлениями подобного рода мы все чаще сталкиваемся в повседневной жизни, на примере так называемых *текстов повседневного общения* (по аналогии с немецким термином *Gebrauchstextsorten*). Для того, чтобы привлечь внимание потенциального адресата, информировать, поучать его, поощрять к посткоммуникативным действиям и, вообще, в целях оригинального, броского, выделяющего из общей массы самовыражения, **создаются тексты, нарушающие канон**. Объявления, реклама, граффити, речевки, лозунги, афоризмы, тексты публицистические, политические, научно-

популярного характера возникают как "жанровые гибриды" с отклонениями от ожидаемого стандарта.

Нельзя не отметить, что контаминация текстовых типов может рассматриваться как следствие феномена пародирования, о котором шла речь ранее. Несмотря на давнюю традицию изучения в риторике, стилистике, литературоведении, в теории интертекстуальности пародия остается одним из наиболее сложных для четкой и однозначной дифференциации от других типов межтекстового взаимодействия, или, точнее говоря, от других типов игры с текстами. Действительно, в основе пародии лежат игровые стратегии ее автора, трансформирующего исходные тексты - предтексты. В результате же возникает новая разновидность текста, который может быть назван "трансформированным текстом", по диссертационному исследованию О.В. Смирновой (2007). Исследователь показывает, что трансформированный текст создается на основе уже существующего текста, но при изменении его структурного, содержательного и языкового уровней. Например, известны англоязычные тексты так называемых "политкорректных" сказок, притч, пересказов сюжетов Ветхого завета, обыгрывающие всемирно известные сказки (например, о трех поросятах, Золушке и т.п.) и сакральные тексты.

Эти так называемые "политкорректные" тексты возникают как "трансформированные тексты с актуализацией игрового модуса, основными составляющими которого являются наложение двух несовместимых, противоречивых ситуаций, непредсказуемый ход событий, эффект обманутого ожидания, столкновение двух точек зрения на одну ситуацию, намеренное разрушение норм языка" (Смирнова 2007: 11).

Значительным трансформациям подвергается сюжет волшебных сказок или притч. Например, волки из трансформированной сказки о трех поросятах разбивают на территории захваченных у поросят домиков банановую плантацию, строят курортный комплекс тайм-шер. А три поросенка, защищая свои дома, дают отпор "империалистическим агрессорам", "пишут

письма протеста в ООН". Золушка несет бабушке экологически чистые продукты, масло без холестерина и т.п. (там же, с.13).

Таким образом, введение в текст сказки современных реалий, персонажей, номинаций, переоценки сюжетной линии, изменение начальных и оригинальных формул приводят к возникновению существенных модификаций со столкновением нескольких картин мира. В диссертации О.В. Смирновой это рассматривается в связи с приемом создания комического эффекта: возникает новая художественная текстовая форма, разрушающая предшествующее семантическое пространство и выстраивающее иную, юмористическую картину мира.

Представляется, что эвристическая значимость исследований подобных "трансформированных текстов", получающих сегодня самое широкое распространение в различных языковых культурах, гораздо шире выходит за рамки исследования комических произведений. Это важно, прежде всего, как иллюстрация возможной игры с текстовой моделью и доказательство текстообразовательного потенциала подобного монтажа текстотипов. Подчеркнем, что механизм, лежащий в основе создания такого рода текстов, не сводится только к пародированию, о чем шла речь в предшествующих разделах книги. В дальнейшем будут представлены пояснения, раскрывающие путь этого механизма. На данном этапе сосредоточимся на рассматриваемом явлении с точки зрения гетерогенного текстового типа.

В анализе текстовой гетерогенности в том ракурсе, который обозначен как "диалог текстотипов" наиболее четко структурированной и практикабельной представляется точка зрения немецкого лингвиста У. Фикс. Ею предложено разграничивать явления монтажа, смешения и разрушения текстотипа.

Монтаж текстовых типов (Textmustermontage²), по Фикс, предстает как соединение нескольких текстовых экземпляров,

---

² Наш собственный анализ англоязычных публикаций по проблемам типологии текста выявляет параллельные термины для обозначения обсуждаемого явления: genre linkage, genre blending, genre fraction.

которые принадлежат в отдельности разным текстообразующим моделям, но выражают единую функцию.

Смешение текстовых типов (Textmustermischung) дает такое текстовое произведение, которое по своей иллокутивной, пропозициональной и формальной организации может быть отнесено не к одному, но одновременно к нескольким образцам текстового построения.

Нарушение текстового канона (Textmusterbruch) имеет место в тех случаях, когда текстовый экземпляр наряду с очевидными, типичными для известной текстовой модели признаками и свойствами обнаруживает еще и другие, дополнительные речевые характеристики, не соотносимые однозначно с каким-либо другим типом текста.

Эти возможные текстовые отношения рассматриваются как варианты типологической интертекстуальности в системе взаимодействия "текстовый экземпляр – текстовый прототип". Приводимые иллюстрации и лингвистический анализ немецкого ученого касаются в основном явлений монтажа и смешения текстовых прототипов (см. примеры в Fix 1997).

Примером монтажа текстотипов, следуя делению, предложенному У.Фикс, можно считать соединение научного текста, в частности, медицинского, естественно-научного, с одной стороны и рекламного текста, с другой.

БАКСИН – мудрость природы на страже нашего здоровья!

1. *Использование бактерий в медицине практикуется уже достаточно давно. Всем хорошо известны целебные свойства молочнокислых продуктов, а высушенные лакто- и бифидобактерии широко применяются для лечения кишечных заболеваний.*

2. *Галобактерии – удивительные микроорганизмы, одни из немногих обитателей соленых вод Мертвого моря. Долгий эволюционный путь в концентрированном растворе соли под лучами жаркого южного солнца позволил им создать свою собственную систему адаптации и выработать в себе вещества, важные и для защиты здоровья человека.*

3. Прежде всего, в галобактериях в уникальном сочетании представлены эффективные антиоксиданты: каротиноиды, аскорбиновая кислота, витамин Е и селен, которые защищают организм человека от повреждающего действия свободных радикалов. Известно, что дефицит антиоксидантов приводит к возникновению катаракты, опухолей, развитию сердечно-сосудистых и других заболеваний.

4. Клетки галобактерий содержат макро- и микроэлементы, способствующие укреплению иммунитета: витамины В1, В2, В6, Н, РР, аминокислоты, а также все разнообразие минералов Мертвого моря: калий, натрий, кальций, магний, железо, марганец, цинк, фосфор, медь, селен, хром.

5. БАКСИН – препарат нового поколения, созданный на основе бактерий *Halobacterium halobium*. Созданный на основе инновационных технологий компанией "НИКОФАРМ" отечественный препарат БАКСИН собрал в себе все полезное, присущее галобактериям. В каждой капсуле препарата БАКСИН содержится комплекс витаминов, аминокислот, антиоксидантов и минералов, заботливо подобранный удивительными микроорганизмами – галобактериями *Halobacterium halobium*.

6. БАКСИН. Препарат нового поколения. Имеются противопоказания.

Приведенный текст построен как соединение – монтаж – специального текста (первая часть 1-4), сообщающего о традициях использования в медицине бактерий и их пользы для человека, и рекламного текста (вторая часть 5-6), призывающего купить данный препарат. При этом указание на рекламный характер сообщения в целом "на правах рекламы" напечатано мелким шрифтом и не бросается в глаза.

Здесь персуазивный эффект рекламного сообщения подерживается опорой на авторитет науки. Воздействующий характер обеспечивается за счет наукообразности текстового целого, через использование, например, специальных понятий, терминов, в том числе латинских названий; указание на инновационные технологии и в целом в сочетании с гиперболизиро-

ванной положительной оценкой рекламируемого товара (ср. семантику языковых единиц: удивительные, уникальное, полезное, заботливо и др.).

В работе Е.Е.Анисимовой (1992: 77) описываются примеры построения текста политической листовки, привлекающей внимание к положению безработных в ФРГ в конце 1980-х г.г. Листовка структурирована таким образом, что с одной стороны страницы помещен оригинальный текст соответствующего параграфа из закона о социальных гарантиях ФРГ – гарантиях на получение пособия по безработице. С другой стороны страницы параллельно дается комментарий протеста против "социальных подачек" и призыв не пользоваться "социальной милостью". Таким образом, текстовое целое листовки предстает как монтаж типа текста "закон" и "политическая пропаганда".

Смешение текстовых прототипов характеризует такую коммуникативную ситуацию, когда текст одной типологической разновидности "похож" на иной функциональный стиль или текстовый тип, например, текст для специальных целей (инструкция, рекламное объявление) соотносится с моделью построения литературных художественных текстов. В круг подобных явлений входят, в частности, дискурс рекламы, тексты которого появляются в облике другого типа текста – энциклопедической статьи (Sandig 1986, 1989); рецепта-вкладыша, сказки, молитвы, религиозной заповеди (Fix 1997) и др.

Проиллюстрируем это примерами на материале немецкого языка.

1. Jose und 40 Räuber

Es war einmal ein Junge, der hieß Jose. Er betete seit Jahren, der Bürgerkrieg in seinem Land Kolumbien solle enden. Doch niemand hörte ihn. Einer Nachs klopfte es auf einmal auf seiner Tür. Dort stand jedoch keine Prinzessin, die den Krieg wegzaubern wollte, sondern eine Gruppe von 40 bewaffneten Männern, die seinen Vater bedrohten, schlugen und der Familie befahlen, bei Tagesanbruch ihr Heim zu verlassen. Auf der Suche nach einer

neuen Bleibe landeten sie schließlich in Soacha, einem Slum am Rande von Bogota. Ohne Betten. Ohne Strom. Ohne sauberes Trinkwasser. Ohne medizinische Versorgung. Und wenn sie heute nicht gestorben sind, dann sterben sie ohne Hilfe womöglich morgen. Ihre Spende rettet Leben. Ärzte ohne Grenzen e.V. Spendenkonto...

(Spiegel, 2005, № 52)

2. Alima im Hungerland

Es war einmal ein Mädchen namens Alima, das lebte in der Sahelzone am Niger. Alima träumte davon, dass ihre Familie endlich wieder genügend zu essen hat. Einer Nacht sprach sie in den Himmel: „Bitte mach, dass wir nicht verhungern!“ Aber es erschien keine Prinzessin, um ihren Wunsch zu erfüllen. Keine weise Frau oder irgendeine Art von Zwerg tauchte auf, um magische Kräfte für sie arbeiten zu lassen. Nicht einmal ein lausiger Frosch ließ sich blicken. Alima und ihre Familie litten weiter. An Hunger und an Durst. Und wenn sie heute nicht gestorben sind, dann sterben sie ohne Hilfe womöglich morgen.

Ihre Spende rettet Leben. Ärzte ohne Grenzen. e.V. Spendenkonto

(Spiegel, 2005, № 49)

Оба текста представляют собой социальную рекламу, цель которой – призыв к сбору средств в пользу нуждающихся, страдающих от войны и голода жителей Африки и Южной Америки. Они построены во многом по единому образцу, а именно, и тот и другой текст имитируют детскую сказку, причем сказочная картина мира трансформируется включенными в нее современными реалиями. Так, в первом примере соотнесенность со сказкой актуализуется уже в сильной позиции текста – его зачине, традиционному для начала сказок: *Es war einmal ein Junge...* (ср. в русском языке: жил-был мальчик..., и звали его...), в самом заголовке, интертекстуально отсылающем к известной сказке про 40 разбойников. Сказочный мотив поддерживается семантикой таких языковых единиц, как *beten* (молить

о чем-либо), Prinzessin, zaubern (околдовывать, творить волшебство). Эффект обманутого ожидания и перевод сказочного зачина в современную реальность создается за счет единиц с противоположной семантикой: Bürgerkrieg (гражданская война), bewaffneten Männern (вооруженные люди), bedrohten, schlugen (угрожали, били). Таким образом создается параллельная сказочному и естественному для детей миру жесткая картина реального мира, в котором нет света, питьевой воды, медицинского обеспечения, но есть трущобы и горе. Завершающая фраза снова играет типично сказочным концом: Und wenn sie heute nicht gestorben sind, которая в сказках продолжается: "dann leben sie noch heute" – "и если они не умерли, то живы до сих пор". Речевое клише из сказок здесь трансформируется и переиначивается так, чтобы читателю стало ясно: "если они не умерли сегодня, то умрут завтра – без помощи".

Финальное предложение текста – своего рода шов между сказкой как текстовым типом и социальной рекламой – это стереотипная формула с призывом жертвовать деньги и указанием номера счета организации "Врачи без границ".

Второй пример схож с предыдущим. Также начальная и финальная сказочная формула, другие сказочные реалии: принцесса, мудрая старая женщина, гном, жаба, магические заклинания контрастируют с семантикой единиц, представляющих действительность: Нигерия, голод, жажда. Само название отсылает к другой известной детской сказке "Alice in Wonderland", только счастливая Алиса меняется на несчастную Алимину, а страна чудес превращается в страну голода.

Итак, следуя приведенному выше определению, читатель сталкивается с явлением смешения текстовых типов: функциональная, структурно-композиционная и содержательно-тематическая организация детской сказки смешивается по своим формальным признакам с текстообразующими признаками социально-политической рекламы. Возникает новое текстовое произведение, которое по своим и функциональным и фор-

мальным качествам может быть отнесено одновременно к нескольким текстообразовательным моделям.

Примеры смешения текстовых типов в рекламной кампании могут быть продолжены. Так, следующие тексты – примеры коммерческой рекламы товаров и услуг.

Реклама компьютерной «мыши» от фирмы-производителя Canon представлена как энциклопедическая статья: в оригинале текст изображает страницу из открытой толстой книги, которая должна вызвать в сознании адресата образ энциклопедии. Это поддерживается и за счет архитектоники текста, которая также имитирует структуру словарной статьи – ключевое слово *maushalten* выделено жирно, в скобках дается пояснение-помета, далее следует ряд словоформ, коррелирующих с ключевым словом *maushalten*. Собственно тема текста – информация о низкой цене копий и экономном картридже, не требующем частой заправки – «завернута» в форму энциклопедической статьи, способной суггерировать, внушить потенциальному адресату установку на достоверность, авторитетность, солидность сообщения в целом.

Maushalten (neudeutsch); er hält maus, maus gehalten, mauszuhalten; sparsames Kopieren, im Zusammenhang mit den pfi-figen Kleinkopierern Copy-Mause von Canon. Herausragendes Merkmal: die supergünstige Tonerpatrone. Die hält den Kopienpreis erstaunlich niedrig und die Copy-Mause praktisch wartungsfrei. Infodesk: 0 21 51 34 95 66.

Canon Copy-Mause: klein, flink und Fleißig.

Aus dem Wörterbuch der Mausologie.

Canon

Man versteht sich besser

(Stern 1995)

Текст “Wer ist die Schönste im ganzen Land” заимствует форму сказки для рекламы товара – здесь ванны от известной фирмы Kaldewei. Имитируемый тип текста «сказка» очевиден

для читателя благодаря многим лингвистическим сигналам: это и название, характерное для сказок (ср. в русском языке: «Кто на свете всех милее...»); и использование типичных в сказочных повествованиях структур и языковых единиц; сравнений: *stiefmütterlich*, *Märchen*, *erzählen*, *weiß wie Schnee*. Сильные позиции этого текста – его начало и конец – недвусмысленно повторяют привычную композицию сказки: *es war einmal eine Zeit* (было время, когда...) – *und wenn sie nicht gerade verkauft ist...* (и если она уже не продана, то Вы получите ее уже сегодня). Заключительное предложение интертекстуально соотносено со сказочным финалом *'Und wenn sie nicht gestorben sind, dann leben sie noch heute'* («и если они не умерли, то живут и сейчас»). Собственно «шов» между типами текста «сказка» и «рекламное объявление» становится видимым благодаря тематическому ряду *Designern*, *Trend*, *Komfort*, *aus starkem Stahl-Email*, *Garantie*, *Fachhandel*, *Qualität*, *verkaufen*, в сочетании с оценочными определениями, типичными для рекламы. Ср.:

Wer ist die Schönste im ganzen Land.

Es war einmal eine Zeit, da wurden kleinere Badewannen von den Designern recht stiefmütterlich behandelt. Heute spiegelt sich ein anderer Trend wider: Die Girostar von Kaldewei hat normale Maße und ist trotzdem großartig im Design. Ihre elegante Form bietet viel Komfort auf wenig Raum. Ihren hübschen Schwung bekommt sie durch ein kreisrundes Rückenprofil und zwei langgestreckte Armlehnen. Ihre feine Oberfläche bleibt in jeder Farbe, ob Weiß wie Schnee oder Schwarz wie Ebenholz, makellos. Denn diese Badewanne ist aus starkem Stahl-Email. Und das ist der solide Grund für ihre imponierende Mitgift; 30 Jahre Garantie.

Wer meint, hier wird ein Märchen, erzählt, kann die Wahrheit und nichts als die Wahrheit leicht ergründen. Im Sanitar-Fachhandel erfahren Sie alle Details über die schöne Girostar und ihre verführerischen Qualitäten. Und wenn sie nicht gerade verkauft ist, dann bekommen Sie sogar noch heute.

(Stern 1993 / 37)

Другой пример показывает, как реклама (здесь – встроенной кухни) предстает в формальной структуре брачного объявления.

*Suche Partner für's Leben
Für die Stunden zu zweit,
zum Kochen und Backen,
Genießen und Feiern!
Bin sehr solide gebaut, belastbar,
komfortabel ausgestattet und passe
mich außerordentlich gut an!
Mein Name? EINBAUKÜCHE!
Sie finden mich [...]*

Инициальная и финальная формулы – «ищу партнера для совместной жизни». «Вы найдете меня по адресу...»; перечисление желаемых качеств «партнера» и оценка собственных положительных свойств – все это воспроизводит типичные содержательные признаки брачного объявления. Эффект обманутого ожидания и распознавание собственно текстовой интенции наступает в финале за счет контрастного вопросно-ответного единства: «Мое имя? – Встроенная кухня!».

Следующий пример показывает, объявление о проведении Нюрнбергской международной экономической ярмарки, подается в форме математической задачи с воспроизведением типичных для нее, задачи, структурных элементов и архитектоники в целом: дано (Zugegeben) – требуется доказать (Frage) – ответ (Antwort).

Zugegeben: der Globale Markt ist ein komplexes System. Doch letztlich geht es um eine einfache Frage: Wie finden Angebote und Nachfrage am effektivsten zusammen? Unsere Antwort darauf sind Messenkonzepte, die weltweit die Interessen von Ausstellern und Fachbesuchern möglichst eng verzahnen/ Und vielleicht ist es ja genau das, was die NürnbergMesse für

das internationale Business so anziehend macht. Wir beraten Sie gerne. Nürnberg-Messe (Spiegel, 2005, № 12).

В качестве содержательного наполнения этой "задачи" используются не математические данные, а экономические реалии: маркированность происходит за счет специальных лексем Angebote, Nachfrage, Messenkonzepte, das internationale Business и других. Ответ содержит решение "задачи" об эффективном соединении спроса и предложения, фокусирует читателя на рекламируемом объекте. Примечательно, что с помощью инклюзивного местоимения "наш ответ" (unsere Antwort) потенциальный адресат подразумевается как активный участник, думающий и утверждающий то же, что и отправитель сообщения в объявлении.

Смешение текстовых типов как механизм текстообразования демонстрирует нижеследующий текст политической листовки в период выборов студенческого комитета в Свободном университете Берлина, оформленной как частное объявление. Ср.:

315

Stupawahlen 15. - 17. Januar 2008

reches quadratesches geniales
as Zahnrad.
jes Pony sucht Leben ohne
fische Zäune Willst auch du auf
Weiden sorglos herumspringen.
assen und tot werden? Lass uns
ürtal gesellschaftlicher Zwänge
naam sprengen - das Leben ist
onyhoff

n sucht Fahrrad Gesunder runder
ifisch sucht Fahrrad, weil ihm seine
schen sind. Du solltest dreir
taib Pedale haben und das Schwim
n lieben. Anti-Rost-Mittel für an
nehme. Fahrermessagepart
f dich in meinem schönen Aquarium

opf sucht Deckel Sprudel oder
uppenopf mit Schluckauf sucht
jesunden Deckel. Er sollte
meine lockeren inhaltlichen Werte zu
schätzen wissen und mir helfen, sie bei
mir zu behalten. Durchmesser 30 cm.

Individuum sucht Gesellschaft Freier,
mündiger Mensch sucht Gesellschaft
zum Selbstverwirklichen Du solltest
zum "chielos, individuum" ...
the Selbs

für ein gemeinsames Eierschaukeln.
Bring Autos, Bilder von nackten Frauen
ohne IQ, ein paar nette Hotline-
Nummern und viel Bier mit.
"Befal... Englischer
Gitarre...
Kautschukgummi su...
Stöbel... gemeinsame kitschige
Märkte im Markt.

Freier Mensch sucht freie Universität
Lebendiges, neugieriges und eman
ziertes menschl Wesen sucht Ort des
gemeinsamen Miteinanders und der
freien Bildung. Dein Studium sollte
neemanden durch Zulassung
beschränkungen oder gar Studien
gebühren ausschließen. Auch sollten
deine individuellen Bildungsmöglich
keiten nicht zu sehr von den an
steckenden repressiven Bologna-Viren
befallen sein. Bist du meine Traum-Uni,
melde dich unter 555-123456!

Pur sucht Prinzessin Um mein
Kapital... die Gogol... umzu
verheilen, suche ich dich, Prinzessin,
mit einem... "erzart" und viel Geld.
-ochtest denn

Und sucht Präsi Da mein Narr
Freiheit in sich trägt, solltest du r
hagen und pfeifen können, dass
alle erreichbar bin. Am liebster
ich mich von meinen Studiererk
Dozierenden liebevoll selbst zu
sodass du nicht altzu viel zu lu
erst. Dein Kopf sollte rund se
nicht um die Ecke denken r

Tim sucht Struppi Arbets
kurzer glückloser Repc
Elvistos sucht Dich (glückl
bemerk am besten weißes
devot) für neue Abenteuer
rückend Alkoholiker

Maus sucht Katze für
gemeinsames Abendessen
Bring Tom mit. Dein Jerry.

ush sucht W Aufges
chotischer Adhokoliker
staben zwecks Unters
Amtsvorgänger Bist Du
W, bitte melde Dich unte

Willst du ...

Freier Mensch sucht freie Universität. Lebendiges, neugieriges und emanzipiertes menschl. Wesen sucht Ort des gemeinsamen Miteinanders und der freien Bildung. Dein Studium sollte niemanden durch Zulassungsbeschränkungen oder gar Studiengebühren ausschließen. Auch sollten deine individuellen Bildungsmöglichkeiten nicht zu sehr von den ansteckenden repressiven Bologna-Viren befallen sein. Bist du meine Traum-Uni, melde dich unter ...

Коллективный отправитель сообщения здесь – студенческое объединение левого политического направления. Примечательно, как подается рассматриваемый текст своему адресату: он расположен внутри своего рода макротекста – газетной страницы, рядом с другими объявлениями с предложениями знакомства, типа: “Punk sucht Prizessin...”; “Maus sucht Katze...” и т.д. Он выделен так, как будто бы обведен карандашом, что в целом имитирует естественную ситуацию. Содержательно это «объявление-листовка» контрастирует с соседними объявлениями: вместо предложений совместного отдыха и развлечений листовка призывает к общей борьбе за свободный университет, свободное обучение без ограничений в приеме, против платы за обучение и т.п. За счет такого контраста содержаний и столкновения различных текстообразовательных моделей достигается большая выразительность и заметность анализируемого сообщения. Оно выделяется в общей текстовой массе, а смешение текстовых типов становится особой стратегией воздействия на адресата.

Пример, аналогичный этому, но из русскоязычной рекламной коммуникации – реклама финансовых услуг банка подается читателю как анонс художественного фильма со всеми компонентами этого типа текста: информация о режиссере, исполнителях главных ролей, кратком содержании фильма и т.д. Ср.:

ДЕНЬГИ не выходя из дома

Премьер
сезона

В главной роли
Ольга и Олег Займа

Жанр: займ по телефону

Режиссер: Русфинанс

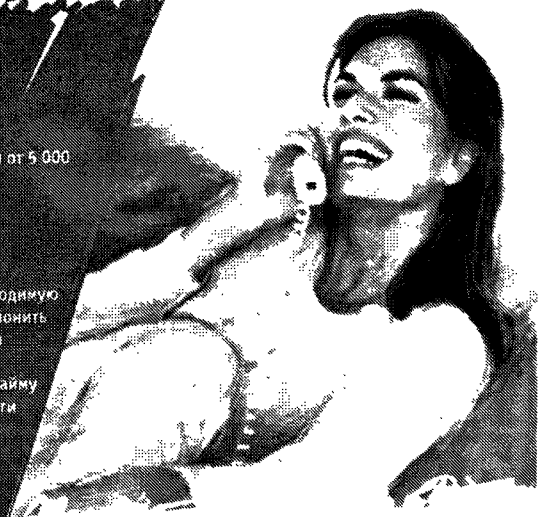
В ролях: звоните Русфинанс, суммы от 5 000 до 30 000 рублей в роли займа; 7 минут до ответа; быстрые деньги – ваш займ.

Краткое содержание фильма:

Главный герой может выбрать необходимую сумму до 30 000 руб. Он должен позвонить в Русфинанс и ответить на несколько простых вопросов оператора.

После положительного решения по займу главный герой быстро получает деньги на свой счет и распоряжается ими по своему желанию!

Звоните сейчас

Игра с текстовой нормой становится особым приемом сатирического изображения. Ср. далее пример того, как политическая сатира подается в форме гороскопа.

Skorpion: Mahmud Ahmadinedschad

Uranus schafft in multilateralen Beziehungen eine gereizte Stimmung, mit der Sie sich durch aus identifizieren können. Halten Sie weiter an Ihren ehrgeizigen beruflichen Plänen fest! Denn auch wenn es mit der Weltherrschaft und der Vernichtung der Juden im kommenden Jahr noch nicht klappen sollte, zeigen Sie Durchhaltevermögen. Investitionen in prestigeträchtige Energiegewinnungsanlagen werden sich sicherlich bald auszahlen. Ob Ihr Vorhaben gelingt, zur Abschreckung des Westens eine Atombombe in

einem abgelegenen, malerisch verschneiten Waldstück hochgehen zu lassen, erfahren Sie im Januarheft 2009.

(Eulenspiegel 2008, №1)

Здесь очевидны типичные характеристики гороскопа как типа текста: указание на соответствующий знак зодиака, астрономические и астрологические реалии, воспроизведена и структура предсказания в виде рекомендаций, советов: *halten sie weiter an...*, *zeigen sie Durchhaltungsvermögen*. Индивидуализированный характер этот «гороскоп» получает через упоминание имени лица, для которого составлен прогноз. В содержательно-тематическом плане текст разворачивается как острая сатира, высмеивание и обличение политического лидера с его «предстоящими планами» мирового господства, атомного шантажа, уничтожения евреев.

Следующий аналогичный по текстообразовательному механизму пример показывает, как политическая сатира играет с типом текста «кулинарный рецепт».

Neue deutsche Küche

Gut verwässerte Parteitagsbeschlüsse abtopfen lassen und in Würfel schneiden, mit unverblindlichen Arbeitspapieren beträufeln und gemischte Gefühle unterbuttern. Durchziehen lassen und in Spendenbescheinigungen einwickeln. Sodann grob gehackte Argumente durchrühren und mit hartgesottene[n] Ministern auffüllen.

Das Ganze drehen und wenden, in Subventionen einweichen und mit leistungsfreundlichen Steueranreizen vermengen. Ein Päckchen frische Arbeitslose in die Pfanne hauen. Alle auf den Topf setzen. Dazu geben wir einen Schuß in den Ofen.

Nun die Suppe unter ständiger Regierungsbeteiligung bei mittlerem Schwachsinn und sorgfältigem Verschaukeln nicht über-

flüssig werden lassen. Rasch noch möglichst viele Scheiben abschneiden. Anschließend gibt jeder seinen Senf dazu. Geschmack mit Skandalnudeln abstimmen.

Подведем некоторые итоги. Проблема текстовой гетерогенности как проблема взаимодействия речевого стандарта и его вариативных компонентов, жесткой и нежесткой нормированности в речевом произведении предполагает выяснение причин облигаторности текстообразовательных моделей в одних ситуациях и отсутствия строгой предзаданности в других.

8.2. Нарушение канона как стилевая текстовая доминанта

Обобщая приведенные здесь суждения, выделим те аспекты, которые наиболее важны для осмысления вопроса о механизмах и причинах текстовой гетерогенности. Действительно, почему в реальной практике становится возможно нарушение социально-исторически сложившихся стандартов текстового построения? Почему явления нарушения стандарта становятся стилевой чертой в произведениях, построенных с нарушением текстообразующей нормы? Более того, эти явления становятся сильнодействующим средством привлечения внимания потенциального адресата. Почему, далее, объем и масштаб текстов, нарушающих схемы, существенно возрастает и, как следствие, лингвисты вынуждены констатировать, что "смещение, нарушение, "развенчание норм" ("Entlegitimisierung der Norm") завоевало языковую коммуникацию повседневного общения" (ср.: Fix 1997: 104). В этой связи существенна точка зрения, высказанная немецким ученым: "Нарушение канона доминирует в том случае, когда целью является большее воздействие ("wenn es um Wirksamkeit geht"). Одновременно с этим, нарушение канона имеет знаковый характер только перед лицом существующих канона, правил и границ. Привлекательность нарушения границ, пишет У.Фикс, лежит в осознании существования таких

границ. Только и именно в этом случае "перешагивание" через нормирующие барьеры приобретает стилеобразующую значимость. Если же нарушение правил стало бы регулярным и закономерно повторяющимся, то разрушилась бы текстовая/стилевая система целиком. И уже тогда не отступление от образца, но его соблюдение выделилось бы как уникальная, броская особенность, черта (Fix 1997: 104-105).

Итак, нарушение текстообразующей модели на том или ином уровне является результатом осознанной интенции создателя текста. И эта интенция, очевидно, заключается в придании большей привлекательности, заметности сообщения, в его прагматическом фокусировании для адресата. Таким образом, на первый план выходит персуазивное намерение автора поставить свой текст на особое, привилегированное место и заставить читателя сосредоточить все когнитивные и коммуникативные усилия на выделении этого текста в массе других, на его опознании, идентификации и понимании. Игра с нормой, с типологической интертекстуальностью становится той специальной стратегией, которая позволяет автору осуществить воздействие на адресата, сформировать его оценки, мнения в своих интересах и побудить к его (не)совершению определенных посткоммуникативных действий (о персуазивности подробнее: Чернявская 2006 а).

Нарушение канона становится, таким образом, стилистически ненейтральным, стилистически маркированным, нагруженным стилистически значимой информацией элементом. И здесь мы сталкиваемся с той закономерностью, когда "потенциально каждый языковой элемент в условиях определенного дискурса может стать носителем стилистической информации. Но не каждый языковой элемент в системе выступает одновременно и как стилевой элемент" (Гончарова 1999: 151). **Нарушение канона становится стилистически выразительным средством и через эту стилистическую выразительность получает статус стилевой текстовой доминанты создаваемого**

текста. В этом смысле "стилевая текстовая доминанта, или стилиевая черта" понимается нами как создаваемая с целью воздействия на читателя комбинация языковых элементов, которые "разгадываются" реципиентом в процессе восприятия текста как сигналы определенных доминантных качеств данного текста и – шире – индивидуального стиля автора" (Гончарова 2003: 29). Такое понимание "стилистического" отвечает новому современному представлению лингвистов о стиле и его характеристиках: в процессе формулирования текста проявляется действие двух антропоцентрических позиций речевого субъекта: либо "прилаживание" (нем. "Sich-Einfügen", англ. "opting-in") своего высказывания к исторически сложившимся правилам, нормам речевого поведения, либо "выдвижение", подчеркнутая индивидуализация (нем. "Sich-Ausfügen", англ. "opting-out"), "преодоление" и усовершенствование ожидаемых в определенной коммуникативной ситуации и при передаче повторяемой информации речевых действий (там же, 21). Именно эта антропоцентрическая сущность стиля заставляет характеризовать его в соотнесенности со способом речемыслительных действий человека, формулирующего текст с целью решения определенной (-ых) когнитивно-коммуникативной (-их) задач (-и). И именно с этих позиций мы говорим о текстовой гетерогенности на уровне типологической модели как о стилистически маркированном элементе. Информация, привносимая через "игру с нормой", относится к сопутствующей текстовой информации, которая в зависимости от когнитивной и коммуникативной компетентности разгадывается адресатом и от чего в конечном итоге зависит эффективность и продолжительность воздействия на адресата текстов, нарушающих канон.

Задаваясь вопросом о том, почему возможно нарушение стандартных моделей текстового построения в реальной коммуникативно-когнитивной практике, мы выдвигаем на передний план понятие *дискурсивной личности*, в качестве которой выступают и автор текста, и его читатель, соотносящие конкрет-

ное текстовое произведение с широким когнитивным, социально-историческим, культурологическим, психологически обусловленным пространством. Это понятие приобретает ключевое значение и возвращает наши рассуждения к представлениям о внутренне процессуальной природе текста, о его подвижности и принципиальной открытости. Вокруг- и надтекстовый фон как комплекс экстралингвистических факторов может в определенных условиях усиливать прагматическую открытость текста и подвижность границ. Текст, взятый в совокупности его надтекстовых факторов, становится дискурсом. *А процессуальность превращается из имманентного признака текста в определяющую черту дискурса* (ср. представленную выше точку зрения Е.А. Гончаровой!). Рассмотрение текста в системе дискурса позволит, далее, уточнить наши представления о характере взаимоотношений этих базовых лингвистических категорий.

Глава IV. Текст в системе дискурса

Раздел 9. Дискурс как лингвистическая категория

9.1. Текст и дискурс: соотношение понятий

В этом разделе мы вводим новое в рамках наших рассуждений понятие – дискурс. Логика предшествующих рассуждений показывает, что текст является элементом в системе коммуникативных действий. Текст – это результат коммуникативно-речевой деятельности, та структура, которая возникает в ходе этой деятельности – структура, имеющая свои внутренние – внутритекстовые – закономерности, связывающая последовательность высказываний в единую текстовую систему соответственно критериям текстуальности. Но не только. Текстовое целое возникает, как показано выше, под воздействием определенной совокупности экстралингвистических, т. е. вне- и надъязыковых, стили- и текстообразующих факторов.

Итак, текст является одним из элементов, безусловно, основополагающим, но не единственным, в сложной системе коммуникативного процесса. Акцентированное признание этого факта в современной теории текста привело к решительному перемещению исследовательских интересов от вопросов внутритекстовой организации к процессам тексто- и смыслопостроения. Само понятие целостности, цельности текста получает свое реальное наполнение и осмысление через неразрывную связь с экстралингвистическим вокругтекстовым фоном. Данные языковой системы (т. е. интралингвистический аспект) недостаточны для раскрытия специфики целого текста. Сущность целого текста может быть объяснена только при учете коммуникативного, социокультурного, когнитивного факторов, сплетенных с собственно лингвистическими.

Такое осмысление лежит в основе современного разделения понятий *текст* и *дискурс*.

В многообразии современных определений дискурса, часто мозаичных, неоднородных, можно в наиболее общих чертах

выделить существенные направления. Так, это понятие соотносится с каким-либо одним аспектом языка – либо с системой языка в целом (ср. определение дискурса как язык в языке), либо с текстом как макрознаком (дискурс как совокупность текстов), либо с процессом порождения текста / высказывания, либо с формированием языковой/ когнитивной картины мира (см.: Алексеева, Мишланова 2002: 42-43).

Дискурс в одном из его возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом. В этом смысле дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры – текста. Становится очевидным разделение понятий «текст» и «дискурс» и задач традиционного текстового анализа и анализа дискурса. Если анализ текста направлен в первую очередь на внутренние – внутритекстовые – отношения высказываний между собой, их пропозициональную и иллокутивную структуру, взаимоотношения текстового целого и его частей, то анализ дискурса характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса. *Дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности, как непосредственно ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование языковых закономерностей конкретного произведения.* Это определение является во многом предварительным, вводящим в проблему соотношения понятий «текст» и «дискурс». Для основательного анализа необходимо следующее уточнение.

Дискурс – понятие многозначное и используется не только в лингвистике, но и в литературоведении, философских, исторических, психологических разработках. Следует подчеркнуть,

что в современной лингвистике при определении понятия «дискурс» существенное значение имеет научная традиция, различные сложившиеся параллельно друг с другом национальные школы дискурсивного анализа. В зависимости от исследовательской традиции в теоретической разработке принципов дискурсивного анализа вносятся различные акценты в понимание того, какие именно составляющие экстралингвистического контекста в большей степени имеют дискурсообразующий характер.

Наш анализ теоретических концепций, лежащих в основе современного дискурсивного анализа, позволяет говорить о существовании по меньшей мере трех различных исследовательских традиций и национальных школ изучения дискурса: англоамериканской, французской, немецкой-австрийской. В отечественной науке термин «дискурс» оказался привнесенным и наложился на уже существующие традиции функционально-стилистического анализа речи. Результатом такого заимствования стало калькированное употребление термина «дискурс» без последовательной опоры на стоящие за этим термином разные теории. Во многом мозаичная и часто эклектичная картина в российских публикациях о дискурсе стала возможной потому, что один термин представляет разные теории и связанные с ними методы анализа. Представим в общих чертах доминирующие представления о категории дискурса.

9.2. Понятие дискурса в различных школах дискурсивного анализа

Так, согласно *англоамериканской* лингвистической традиции, под дискурсом понимается связная речь (*connected speech*), при этом дискурс отождествляется с диалогом. Дискурсивный анализ (*discourse analysis*) направлен прежде всего на устную коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего. В немецкой лингвистической традиции соответствующим понятием является *Konversationsana-*

lyse (анализ связной речи), а собственно термин *diskurs* оказался связанным с иным подходом.

Особое теоретическое наполнение и историческое звучание получила *французская школа дискурсивного анализа*. Во Франции анализ дискурса как самостоятельное направление возник в 60-е гг. XX в. и изначально развивался как интегративное учение, соединяющие исторические, философские, в особенности марксистские, психоаналитические и в последнюю очередь лингвистические представления о дискурсе.

Особая концепция дискурса развивается с середины 70-х гг. в работах французского историка, социолога и лингвиста Мишеля Фуко, который использует это понятие (*discours*) при обозначении общественно-исторически сложившихся систем человеческого знания. Основные идеи учёного представлены в его книге «Археология знания», переведенной на немецкий, английский и русский языки. Мы цитируем здесь по немецкому переводу 1973 г.

Дискурс, по Фуко, выступает как часть «дискурсивной практики» - совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания. Это – «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в дано эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» (Foucault, 1973). Настаивая на исторической обусловленности дискурса (там же, S. 170), Фуко хочет подчеркнуть, что дискурс – не только совокупность знаков, используемых для обозначения предметов, явлений. Это – нечто большее, что подлежит собственно дискурсивному анализу (там же, S. 74). Это – социально-историческая информация, фон, соотносящий события с дискурсом, или «мир дискурса». Поэтому в отличие от классической герменевтической традиции дискурсивный анализ, по Фуко, ищет ответ не столько на вопрос «Что было действительно сказано в том,

что сказано», сколько: «Почему имеет место данное высказывание, и никакое другое на его месте?» (там же, S. 42, 43).

Теория дискурса, по Фуко, занимает особое положение в системе представлений о дискурсе. Прежде всего, ее самобытность определяется тем, что это – теория исторической реконструкции условий возможности знаний и теорий вообще: то, что названо самим Фуко археологией знания, в которой лингвистические аспекты, лингвистический анализ как таковой занимает второстепенное место или даже оказывается вовсе нерелевантным.

Сложность совмещения концепции Фуко с лингвистической теорией, невозможность их полного "наложения" друг на друга проистекает из того, что ключевые понятия в системе рассуждений Фуко не тождественны тому содержанию, которое вкладывается в них языковедами. Не углубляясь в многие сложные и проблематичные аспекты концепции французского исследователя, остановимся здесь кратко на тех вопросах, которые кажутся нам самыми существенными.

Так, Фуко определяет дискурс как "множество высказываний (énoncés), принадлежащих одной формации". При этом высказывание по Фуко – это не вербальное высказывание, не лингвистически определяемая последовательность знаков, но сегмент человеческого знания, структурная часть его, знания, и одновременно соответствующей дискурсивной практики. Интерес и цель дискурсивного анализа заключаются в том, чтобы определить историческое место каждого высказывания, теории, текста, каждой новой идеи – т.е. каждого дискурсивного события; показать и объяснить, "почему имеет место определенное высказывание и никакое другое на его месте". Исторический анализ дискурса по Фуко направлен на то, чтобы выяснить, почему участвующие в свое время в дискурсивной практике индивиды будучи ограничены рамками своего знания не могли думать, говорить иначе, чем они это делали; благодаря каким предпосылкам стало возможным появление новых идей, тем и

какие условия воспрепятствовали развитию иных взглядов. Дискурсивная формация детерминирует конституирование самих тем, выбор, точнее, отбор релевантных понятий и речевых высказываний и выбор коммуникативных стратегий их связи между собой. "Власть дискурса" проявляет себя в том, что он охватывает все возможности для появления определенных высказываний или действий (дискурсивная практика по Фуко включает в себя как речевые, так и неречевые действия!) и, следовательно, обладает возможностью управления и направления высказываний. Теоретическое описание дискурсивной формации возможно только ретроспективно, *post factum*.

Очевидно, что распространение знания осуществляется через язык, и включение в дискурсивный анализ собственно языкового анализа в смысле историко-семантического анализа эволюции понятий не отрицается французским ученым. Однако роль последнего у него очень ограничена. Фуко определяет единство вводимой им дискурсивной формации не через системность понятий, а, наоборот, описывает дискурс как "место возникновения понятий". И уже системность как таковая обеспечивает единство самих понятий. Существо дискурсивной формации определяют правила, условия и возможности соединения высказываний между собой в единую когнитивную систему. Дискурсивная формация – это сеть когнитивных отношений между понятиями, теориями, высказываниями – между всем тем, что в той или иной степени релевантно для возникновения данного знания.

Этот анализ возникновения и становления определенного знания предполагался и осуществлялся М. Фуко именно как исторический анализ, как археология знания в соответствии с замыслом, методологией и целями его самобытной концепции. Провозглашенный им принцип анализа дискурсивной формации как когнитивного единства через определение правил, условий и возможностей их возникновения содержит с очевидностью огромный эвристический потенциал, обеспечивающий

возможность соединения этой теории с приоритетными направлениями когнитивной и коммуникативной лингвистики.

Наряду с уже упоминавшимся М. Фуко, дискурсивный анализ во Франции связывается с трудами Л. Альтюссера, Ж. Лакана, М. Пеше и франкоязычного швейцарского лингвиста П. Серио. Основной составляющей анализа дискурса у этих исследователей стала наука об идеологии. При этом «идеология обозначает любой языковой и еще шире – любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности... И не следует понимать это как «организованная система идей» (Квадратура смысла, 1999: 20-21). Тексты/высказывания рассматриваются как продукты «идеологической и психической практики». Они – ненейтральны, но культурно, социально, идеологически обусловлены. Анализ дискурса во французской школе – это анализ текстов, произведенных в институциональных рамках, наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью. Высказывание, типа «Франция - французам», обнаруживает связь с социально-историческими условиями возникновения этого высказывания. Это значит, далее, что слова могут изменять значения, утрачивать одни и получать другие оттенки смысла в соответствии с позициями, занимаемыми теми, кто их употребляет. «Не проповеди как проповеди и не политические листовки как политические листовки интересуют анализ дискурса. В анализе дискурса исследуется совокупность проповедей или листовок в том смысле, в котором они указывают в социальном плане на определенную идентичность в процессе высказывания, исторически очерчиваемую» (Квадратура смысла, 1999:28).

Понимаемый таким образом, анализ дискурса у французских исследователей представляет собой нечто намного большее, чем собственно лингвистическая интерпретация текстов. Здесь анализ дискурса покидает пространство лингвистики и

соединяется с широким историческим, психологическим анализом. Традиционные методы и категории лингвистики текста часто не соответствуют тем понятиям, которые органичны для французской школы анализа дискурса. Подробнее о содержании, исторических истоках и приоритетах этого направления см. сборник научных статей «Квадратура смысла», 1999, которому предпослана статья П. Серио «Как читают тексты во Франции».

Идеи М. Фуко стали стимулом и предпосылкой для последующих разработок в этом направлении. Они были заимствованы *немецкой школой дискурсивного анализа*, связанной, в первую очередь, с именами немецких учёных Утца Мааса, Юргена Линка, Юргена Хабермаса. Концепция дискурса развивается в их трудах преимущественно как концепция литературоведческая. Продолжая во многом главные принципы французского исследователя, У.Маас выделяет следующие концептуальные положения для теории дискурса. Любой текст является частью и выражением общественной практики, которая уже определяет массу других возможных текстов («ein Text ist Ausdruck bzw. Teil einer bestimmten gesellschaftlichen Praxis, die bereits eine bestimmte Menge von möglichen Texten definiert, die die gleiche Praxis ausdrücken bzw. als Repräsentanten der gleichen Praxis akzeptiert werden können» (Maas, 1984:18)). При этом анализ текста становится идеологически ориентированным анализом дискурса, который выступает как соответствующая языковая формация по отношению к социально и исторически определяемой общественной практике. (Diskurs [steht] für eine sprachliche Formation als Korrelat zu einer ihrerseits sozialgeschichtlich zu definierenden gesellschaftlichen Praxis) (там же). Дискурсивный анализ рассматривается как средство исторической, идеологической, психологической реконструкции «духа времени». Примечательно, что теория дискурса У.Мааса была представлена на основе анализа текстов периода немецкого национал-социализма в работе соответствующим названием

«Sprache im Nationalsozialismus («Язык в национал-социализме»).

В этой связи интересна также известная и ставшая в определённом смысле классической работа франко-швейцарского лингвиста П.Серио «Анализ советского политического дискурса» (Париж, 1985 г.) Её автор строит исследование советской идеологии 70-х г.г., анализируя два основополагающих для неё текста: отчёты ЦК КПСС соответственно XXII и XXIII съездам партии. В результате исследование, начатое как историческое, приводит к выявлению типичных языковых особенностей советского политического дискурса.

Существенно, что понятие системы или, точнее, системности языковых явлений, общих принципов их использования, стоящее за конкретным дискурсом, является ключевым для концепции дискурса у М.Фуко, У.Мааса и др. последователей этой концепции. Дискурсивный анализ охватывает правила, которые конституируют определённый дискурс. Этот существенный для понимания концепции дискурса аспект подчёркивает и Ю.С. Степанов в своём аналитическом обзоре «Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности»: «Дискурс – это особое использование языка ... для выражения особой ментальности, ... особой идеологии; особое использование влечёт активизацию некоторых черт языка и, в конечном счёте, особую грамматику и особые правила лексики. И ... в конечном счёте в свою очередь создаёт «особый ментальный мир». (Степанов 1995: 38-39, 44). Вместе с этим подчёркивается, что дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона». Дискурс существует в текстах – таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления, особая семантика, в конечном счёте – особый мир.

Приведённые суждения сходны в том, что рассматривают *дискурсы как особые языковые формации, коррелирующие с той или иной областью общественной практики, человеческого познания и коммуникации.*

9.3. Дискурс: к определению понятий

Идея анализа различных дискурсов оказалась чрезвычайно продуктивной для современных лингвистических исследований. Достаточно привести лишь некоторые примеры: политический дискурс, юридический, медицинский, рекламный дискурс; дискурс расизма, фашизма; советский дискурс, дискурс перестройки. Этот ряд может быть многократно продолжен. Всплеск интереса к этому феномену приходится, по нашему мнению, на 90-е г.г., когда текстовый анализ полномасштабно переориентировался в анализ дискурса.

При этом разграничим, по меньшей мере, два уровня понимания, два рабочих определения того, что представляет собой дискурс.

Так, условно говоря, **дискурс 1** обозначает **конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве**. Иными словами, это текст плюс его во-кругтекстовый фон (ср. определение в разделе 6.1.). Это означает, с одной стороны, что прототипический характер коммуникации обнаруживается в соотнесённости с конкретными моделями текстопорождения и восприятия: текст функционирует как представитель определённого типа текста. С другой стороны, коммуникативная деятельность и продукты этой деятельности – тексты соотносятся с определённой ментальной сферой, сосредоточивающей в себе соответствующие знания.

С этой точки зрения дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния экстралингвистического фона – социальных институтов, культурных, идеологических и прочих факторов на формирование тех или иных языковых закономерностей. Он призван дать ответ на вопрос о том, как различные слагаемые коммуникативного процесса: автор сообщения, его адресат, сфера коммуникации, канал сообщения, интенция и т.д. отражаются во внутритекстовой организации и

обуславливают в ней специфическую – ту, а не иную упорядоченность языковых единиц и структур. Таким образом, использование дискурса как единицы операционального анализа представляется перспективным и органичным в связи с постулируемыми в последние годы приоритетами развития лингвистики, в частности, с функциональным подходом к языку в смысле изучения проблем употребления языка человеком в процессах общения и деятельности. Именно это и позволяет определять дискурс как «речь, погружённую в жизнь», повторяя Н.Д. Арутюнову.

Подчеркнём, что в таком понимании дискурс как лингвистическая категория не дублирует и не подменяет понятия текст. Дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некой формальной конструкции – текста. Конкретные тексты составляют эмпирический базис для описания дискурса, которое, однако, не может быть сведено только к характеристике пропозиционального и иллокутивного аспекта, а требует включения данных об организации коммуникативно-когнитивных процессов, приведших к созданию этих текстов.

В ряде современных исследований, особенно широко представленных в германо-австрийской школе лингвистики текста, термин дискурс используется для обозначения иного содержания. Так, под **дискурсом 2** понимается **совокупность тематически соотнесённых текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов.**

С такой точки зрения, дискурс представляет собой комплексную взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих пределах одной и той же коммуникативной сферы. При этом отдельные социально-исторически сложившиеся сферы человеческого познания и коммуникации (М. Фуко назы-

вал их дискурсивными формациями) предлагается рассматривать в качестве *специальных дискурсов* или в другой терминологии, *типов дискурса*. Примерами могут служить медицинский, юридический, политический, рекламный и т.п. дискурсы. Исследования идут в направлении того, каким образом обеспечивается тематическое единство дискурса, т.е. какие элементы отдельных текстов являются общими, типичными для дискурса в целом, а также какие типы текста (Textsorten, text types) репрезентируют соответствующие дискурсы. Так, например, политический дискурс соотносится с такими коммуникативно-речевыми сферами, как законодательство, внутрипартийное строительство, политическая реклама, которые, в свою очередь, отражаются специальными типами текста: законопроект, закон, протокол; партийная программа, комментарий; предвыборная речь, листовка, опрос, рекламный лозунг и др.

Существенно, что один дискурс может конституироваться текстами различных типов и, с другой стороны, тексты одного типа могут выступать элементами различных специальных дискурсов, например, рекламное объявление может включаться в уже упомянутый политический дискурс как политическая реклама, а в дискурс литературы и искусства как реклама фильма, спектакля и в обиходно-бытовой дискурс (реклама товаров и услуг).

Если текст можно рассматривать как последовательность высказываний, связывающихся в единую текстовую систему соответственно критериям текстуальности, то дискурс предстаёт как совокупность текстов, так или иначе коррелирующих друг с другом. При этом дискурс «продуцируется» коллективным субъектом – например, партией, политическим или социальным институтом, движениям. Тогда речь идёт, например, о дискурсе коммунистической партии Советского Союза, дискурсе перестройки, дискурсе феминизма и т.п.

Преимущество дискурса как единицы операционального анализа заключается в том, что он позволяет от текста как от-

носителем законченной, формально ограниченной сущности, построенной по своим внутритекстовым законам, идти к другим уже существующим или потенциально возможным текстам. И здесь важно следующее уточнение: *дискурс – принципиально открытое множество текстов / высказываний. Дискурс не может быть приравнен к одному тексту и не конституируется отдельным текстом. В свою очередь текст есть фрагмент дискурса и должен рассматриваться именно в этой связи.*

Рассмотренные здесь два основных подхода к определению дискурса, не являются, по нашему мнению, принципиально различными и несовместимыми. Они акцентируют разные стороны одного и того же познаваемого явления. Так, в первом определении дискурса, названным условно дискурсом 1, акцент делается на конвенциональном характере коммуникации: исходящей из наличия некоей коммуникативной нормы, конкретное коммуникативное событие осуществляется в соответствующем когнитивно и типологически заданном пространстве, т.е. привязано к определённым прагматическим, ментальным условиям порождения и восприятия сообщения и определённым моделям текстопорождения – типам текста. С такой точки зрения дискурс обозначает не что иное, как условие успешной коммуникации, т.е. производства и восприятия сообщений, вообще. Такое понимание дискурса не противоречит, на наш взгляд, другому его определению (дискурс 2) – как совокупности тематически соотнесённых текстов. Здесь дискурс обозначает то коммуникативное пространство, в котором возможно взаимодействие определённых типов текста, следовательно, включает в сферу «притяжения» дискурса не одно коммуникативное (дискурсивное) событие, но целый их комплекс, во взаимосвязи. Описывая дискурс как содержательно-тематическую общность текстов (экономический, юридический дискурс и т.п.), исследователь должен характеризовать и коммуникативно-прагматические, социальные условия, в которых функциониру-

ют данные тексты и которые обуславливают их тематическую общность в той или иной сфере коммуникации, а также общие (надындивидуальные) когнитивные стратегии, воплотившиеся в текстах. Представляется, что оба подхода находятся в отношении взаимодополнения друг друга, и в практике лингвистического анализа дискурса и репрезентирующих его текстов следует учитывать их оба.

Вышеизложенное можно свести к следующим заключениям.

Под Дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте. Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определённой формальной структуры – текста. В зависимости от исследовательских задач дискурс, в одном случае, обозначает отдельное конкретное коммуникативное событие, в другом, - подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность определённых коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов. Последнее определение наиболее точно и органично раскрывает, на наш взгляд, суть таких понятий, как экономический дискурс, научный дискурс, дискурс рекламы и т.п.

9.3.1. Дискурс и функциональный стиль:

к различию понятий

Категория дискурса предлагает исследователю особый, отличный от действующего в функциональной стилистике, принцип разделения коммуникативно-общественных сфер и коррелирующих с ними речевых систем (см. об этом мнение:

Кожина 2004). Традиционные функциональные стили выделяются в соответствии с основными формами человеческого сознания, с типовыми и социально-значимыми сферами общения и деятельности, понимаемыми как масштабные, глобальные сегменты общечеловеческой практики. В практике исследования различных типов дискурса (или дискурсивных формаций, в терминологии ряда исследователей) имеет место разделение общей сферы на более дробные сегменты. Главное и принципиальное отличие от традиций функциональной стилистики мы усматриваем в том, что тот или иной «участок» человеческой коммуникации, определяющий особую системность и упорядоченность языковых единиц и правил их употребления в отдельных высказываниях / текстах как фрагментах одного дискурса, рассматривается как эвристическая величина, т.е. устанавливается опытным путем. Путь выделения этой единицы – это так называемый путь «снизу вверх», от конкретно наблюдаемых, повторяющихся, типизирующихся коммуникативных сфер и ситуаций. В зависимости от целей познания и научной систематизации границы дискурса могут устанавливаться по-разному, относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знания, типологии текстов и других параметров. Определение дискурсивного корпуса, т.е. того, какие тексты входят в рамки данной тематической общности, базируется на понимании и толковании текстов. Его предпосылкой является интерпретирующая деятельность исследователя, выявляющего и аргументирующего общие содержательно-тематические отношения между текстами одного дискурса. Исследователи говорят, например, о дискурсе микробиологии, о медицинском дискурсе, политическом дискурсе, дискурсе фашизма, коммунизма и др. При этом в качестве эмпирической основы изучения дискурса того или иного типа берутся тексты, объединяющиеся на основе содержательно-смысловых и интенциональных критериев. Дискурс – это совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифициру-

ется (!) как языковой коррелят определенной социально-культурной практики. *В случае дискурса речь идет не о строго отграниченных друг от друга множествах, не об объективно различных, но скорее о таких содержательно-тематических и коммуникативных единствах, которые выделились и обособились по отношению друг к другу в процессе коммуникативного общественного взаимодействия.*

9.3.2. Когда анализ текста становится анализом дискурса

Мы будем говорить о дискурсе как о языковом выражении (языковом корреляте) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит социально, идеологически и исторически обусловленная ментальность. Каждый текст как часть соответствующей дискурсивной формации квалифицируется как социальное высказывание, как отражение надындивидуальной, коллективной («серийной», по У. Маасу, 1984) речевой практики. Дискурсивный анализ при этом рассматривается как средство социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени», проникновения в глубинную структуру текста, его смысл.

Для такого подхода к дискурсивному анализу существенно то, что он остается, в целом, в русле традиционного анализа текста и предполагает работу с текстом (от которого значительно, если не сказать, вовсе, отходят психоаналитические модели дискурса и общественной коммуникации). Начальным этапом в дискурсивном анализе всегда является уровень конкретной языковой реализации дискурсивного содержания, т.е. уровень текста. Его лингвистическая интерпретация осуществляется в русле традиционного стилистического анализа, когда устанавливается коммуникативная функция текста, его коммуникативные центры, выявляется, что сообщается в тексте, кому адресовано сообщение, как актуализируется в текстовой ткани адресат, каковы стратегии тематического развертывания,

обеспечивающие связь отдельных высказываний между собой и их тематическую прогрессию, как актуализируются определенные сегменты знания и т.п. Собственно дискурсивный анализ начинается с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, прагматических и др. факторов. На этом этапе проникновение в глубинную структуру текста, т.е. в заключенный в нем смысл, осуществляется через обращение к специфическому социально-историческому контексту.

В дискурсивном анализе ключевой вопрос ставится так: почему определенная дискурсивная формация связана с такими, а не с другими формами высказывания? Почему в определенных условиях те или иные слова и понятия начинают играть центральную роль? Иначе говоря, уровень дискурсивного анализа начинается там и тогда, когда исследователь задается вопросом, «какие условия (эпистемического рода) позволили отправителю сообщения связать с этими словами этот смысл... Каковы условия, которые в определенной эпохе и в определенной ситуации подвели высказывание к определенному смыслу» (die Äusserung einem bestimmten Sinn zugeführt haben) (Busse 1987: 261, 263).

Опираясь на нижеследующий текст продемонстрируем наш подход к дискурсивному анализу.

Wie der Atem, wie der Wind. Die Seele

1. Da sitzt sie, tatsächlich. Makellos schön, in der eisigen Kälte des Wiener Winters, weiß wie der Neuschnee, der ihr Knie nun bedeckt, und splitternackt: Das ist *Psyche, die Seele*. Sie trägt *Flügel*, wie der junge Mann neben ihr, *Amor* oder *Eros* genannt. *Psyche* und *Amor* sind zwar seit langem zusammen, seit nämlich das spätantike Märchen von Apuleius vor etwa 1850 Jahren das Traumpaar erfunden hat, in *Kunst und Wissenschaft* tauchen sie seither vielerorts auf. Aber dass die flüchtige Schöne hier, vor aller

Augen, einen Sitz hat, als schimmernde Statue an der Fassade des Kunsthistorischen Museums zu Wien, ist doch merkwürdig.

2. Denn in Wien hat in jenen liberalen Gründerjahren um 1880, als am Ring auch das Kunsthistorische Museum mit dieser Psyche entstand, ein Arzt namens Freud gewohnt, der die umfassendste Theorie der Seele seit Aristoteles aufgestellt hat. *Freud wurde als Jude verjagt*, die Existenz der Seele wird heute von vielen Wissenschaftlern bestritten, aber da sitzt sie, die Schöne, und scheint zu sagen: *Erinnert euch doch!*

3. Wer heute meint, die Seele gäbe es nicht, in der naturwissenschaftlich verstandenen Welt habe dieser eigentümliche Resonanzraum von Empfindung, Erinnerung, Wahrnehmung, Selbstgefühl und Charakter eines Menschen keinen Platz mehr, den könnte das marmorne Paar umstimmen:

4. Die Seele ist von eigener Realität, auch wenn sie sich im Gehirn nirgends punktgenau lokalisieren lässt. Ohne den Gott Amor, der sie liebte, den sie um ein Haar für immer verlor und der sie schließlich aus den Tiefen des Totenreichs zur Göttin erhob, ist die Seele nicht zu verstehen. Ohne Amor, mit dem sie das Kind Voluptas bekam, die Lust, ist Psyche nicht zu begreifen. Zu Psyche gehören ihr Mythos und eine Geschichte, die vielschichtig ist wie die Archäologie einer Stadt und abgründig wie die Katakomben voller Pesttoter unter dem Wiener Stephansdom.

5. Die geflügelte Psyche, der liebende Gott, die Archäologie der Bedeutungen, die Toten der Un-terwelt: Fast unweigerlich sind Metaphern, Mythen, Bilder zur Stelle, wenn von der Seele die Rede ist, und nicht erst, seit Freud folgenreich bemerkte, Psyche sei ein griechisches Wort. *Es gibt ohne Sprache, ohne Übersetzungen, ohne all die Schichten von Bedeutungen keine Seele. Psyche trägt ihre Flügel aus gutem Grund. Das Wort heißt nicht nur Atem, Seele und Lebenskraft, das Wort bedeutet auch „Schmetterling“.*

6. Ob im alten Ägypten, im alten China oder in der biblischen Genesis, in welcher der monotheistische Gott dem Menschen bei dessen Erschaffung den Odem des Lebens einhaucht: Die Seele hat Eigenschaften des Atems, des Windes. Geflügelt war die Seele in der europäischen Vorstellungswelt,

seit Homer sie um 800 vor Christus in Verse brachte, als Lebensatem, der aus dem Sterbenden fortfliegt und erst dann als Seele erkennbar, benennbar ist. Der Unterschied zwischen Leben und Tod: An ihm erkennt man, was eine Seele ist oder war.

7. Diese Geschichte der Seele spielt in Wien, in der Berggasse 19, im 9. Wiener Gemeindebezirk, ein paar Straßenblöcke von der musealen Psyche entfernt. FREUD steht da jetzt in Riesenlettern plakatiert, die ins Trottoir hineinragen. Dort lebte und arbeitete Sigmund Freud seit 1891, *bis die Nazis den 82-Jährigen 1938 in die Emigration zwangen*. In dieser Berggasse 19, die jahrzehntelang im Wortsinne ein Ort der Erkenntnis war, stellte der neurobiologisch kenntnisreiche Arzt, Kulturtheoretiker und Leser die bis heute weitreichendste Theorie der Seele auf.

8. Die Psyche, das war nun der vielschichtige Ort, an dem sich ein kaum zugängliches Unbewusstes mit einem bewussten Ich und dessen Regisseuren um die Herrschaft im Haus stritten. Die Seele als Psyche widersetzt sich rein mechanistischen Deutungen, sie besteht aus Tätigkeit, die ebenso körperlich wie nichtkörperlich ist.

9. Fast alle *Wissenschaften*, die sich für die Seele interessieren, sagen es heute *in ihren jeweiligen Sprachen* vergleichbar: Der Essener Sozialpsychologe Harald Welzer siedelt die Seele in der Interaktion an, sie würde also durch Beziehungen existieren; der Bremer Neurologe und Philosoph Gerhard Roth, der die Wirksamkeit der Psychoanalyse verstehen will, erwägt, dass im Gehirn eine Instanz wie die Amygdala vielleicht nur auf die affektiven Anteile der Sprache reagiert, auf den Gefühlsausdruck zwischen Menschen also. Der neurologisch kundige Tübinger Theologe Dirk Evers sieht in der Einfühlung, der Empathie den einzig möglichen menschlichen Zugang zur Seele eines anderen Menschen. Und die Analytikerin Marianne Bohleber, Leiterin des Frankfurter Freud-Instituts, versteht die respektvolle Anteilnahme als Schlüssel. Wer die *Seele zu hart anfasse*, breche ihr *die Flügel* oder erlebe, dass sie entfliehe.

Ob Freud das Märchen von Apuleius mitsamt seiner Psyche gekannt hat?
Hat er bei der Arbeit auch eine *geflügelte Psyche* vor Augen gehabt?

10. In der Wiener Berggasse aber haben sich die Neurologie und die Seele eine Zeit lang gut miteinander vertragen. Dort saß Freud im Jahr 1896 an seinem *Entwurf einer Psychologie*, die sollte seine Theorie der Psyche mit der nagelneuen Neuronentheorie verbinden, was beim Stand der Wissenschaft zu Freuds Enttäuschung nicht gelingen konnte. Psychoanalyse sollte auch Naturwissenschaft sein. Freud ging in seinen klassischen Sätzen gelaufig mit dem Wort *Seele* um...

11. „Wenn es zu dunkel wird bei der Seelensuche im Winter“, - hatte vor der Reise ein alter Freund und Kunstkennner gesagt, „geh zu Correggio. Auch dort ist die Seele“. Bei Correggio, dem italienischen Renaissancemaler, wird es tatsächlich heller. Kann das Wesen in der Wolke dort *Psyche* sein? Unmöglich, die Dame ist *flügellos*. Aber welcher göttliche *Atem* wäre es dann, dem die Schöne auf dem Gemälde sich selig hingibt? Das ist nicht der biblische Gott, der einer eben erschaffenen Eva die Seele einhaucht, das ist nicht die Umarmung *Amors*, der Psyche küsst. Dies ist eine nebelartige bläuliche Wolke, die wie aus heiterem Himmel eine nackte irdische Schöne umschließt und sie in Luftküsse taucht, sie fraglos *beseelend*. Das ist Correggios Gemälde *Jupiter und Io*, entstanden um 1530, zu sehen im Kunsthistorischen Museum zu Wien, Abteilung Italien, Obergeschoss. Dicht ist die Traube von Menschen vor diesem Bild.

12. Ein Pärchen steht vor dem Bild, sie liest ihm etwas vor, so leise wie möglich, aber dann hört plötzlich jeder der Umstehenden zu, es ist Eichendorffs Gedicht *Mondnacht*:

„Es war, als hätt' der Himmel /
Die Erde still geküßt, /
Daß sie im Blütenschimmer /
Von ihm nun träumen müßt'.
// Die Luft ging durch die Felder /

Die Ähren wogten sacht, /
Es rauschten leis die Wälder, /
So sternklar war die Nacht. //
Und meine Seele spannte /
Weit ihre Flügel aus, /
Flog durch die stillen Lande, /
Als flöge sie nach Haus.

Das ist die romantische Sprache der Seele. Als hätte Eichendorff sie, Correggios Gemälde vor Augen, in eine historisch übernächste Gestalt umgewandelt.

13. Das Museum will schließen, es ist Zeit zu gehen. Draußen, am Ausgang nur noch ein Blick zurück auf die Fassade des monumentalen Kunstbaus, durch den das liberale Bürgertum sich selbst feiern wollte. Und auf einmal ist sie zu sehen: *Die geflügelte Psyche* schimmert weiß durch den Schnee, als wär nichts gewesen, nie. Da sitzt sie, tatsächlich.

(Die Zeit, № 2, 3.01.08; нумерация и выделение курсивом мое – В.Ч.)

О чем этот текст? Какая фоновая информация, какие энциклопедические знания и какая «интертекстуальная память» необходимы читателю для его адекватного декодирования? Если следовать лексико-семантическому анализу, этот текст предстает как совокупность нескольких тематических рядов, или содержательно-тематических блоков. Их можно ясно выделить на поверхности текста по ключевым словам и коррелентным сочетаниям. И отвечая на вопрос, о чем этот текст, мы говорим: этот текст о душе – ср. соответствующий тематический ряд повторяющихся языковых единиц: die Psyche, die Seele; о психоанализе – Freud, die Wiener Berggasse 19, Psychoanalyse, Theorie der Psyche; о Вене – городе музеев – Wien, das Kunsthistorische Museum, Stephansdom, die Katakomben и др. реалии. Но этого утверждения не достаточно.

В контексте наших рассуждений, анализируемый текст предстает как точка пересечения нескольких дискурсов, если понимать под дискурсом отображение некоей тематической и когнитивной общности. Так, с очевидностью можно сказать, что этот текст отражает дискурс науки и дискурс искусства, естественнонаучного, опытного познания и художественно-образного, эстетического представления. И тот, и другой дискурс отчетливо выделяемы в текстовой ткани 1) по лексическим маркерам, каковыми являются контекстуальные антонимы *Wissenschaft, Naturwissenschaft – Kunst*, противопоставляемые семантические ряды глаголов, существительных, причастий *verstehen, lokalisieren, existieren, Gehirn, Realität, Erkenntnis, bewusst* с одной стороны, и *wahrnehmen, erinnern, empfinden, fühlen, unbewusstes, Gefühlsausdruck*, с другой; 2) по операциональным стратегиям тематического развертывания: объективного, рационального, экспликативного представления фактов и мнений в одном случае, и эмоционального, образного, нарративного изображения, в другом.

Далее, в тексте выделены следы и проекции других дискурсов, рассматриваемых как сегменты человеческой коммуникации и познания: например, дискурса античной мифологии и литературы (ср.: *das spätantike Märchen, Mythos, Apuleius, Aristoteles, Amor, Homer* и др), дискурса теологии, дискурса психоанализа, дискурса антисемитизма и национал-социализма (ср. № 2 и 7: *als Jude verjagt; bis die Nazis... in die Emigration zwan-gen*); медицинского дискурса, лингвистического дискурса (ср. № 5: обращение к семантике языковых единиц, переводу, толкованию), дискурса итальянского Возрождения (№ 11), дискурса немецкого романтизма (№ 12).

При анализе текстового целого обращает на себя внимание структура его тематического развертывания. Нельзя не заметить, что текстовое целое создается, сплетается из взаимопереходов и взаимопересечений различных дискурсов, причем отдельные темы – соответствующие им дискурсы – постоянно

актуализируются для читателя внутри других тематических блоков. На поверхности текста эта игра дискурсов между собой делается видимой в том числе благодаря повторению ключевых тематических понятий. Они начинают действовать как слова-катализаторы, ускоряющие и усиливающие процесс понимания текстового замысла. Так, лейтмотив души как «крылатой Психеи», как эфемерной субстанции, недоступной наблюдению, так или иначе повторяется в тематических блоках, актуализирующих объективный медицинский дискурс, дискурс нейрологии (№ 9): наука конфронтируется с мифологическим представлением. Здесь же обнаруживается недвусмысленная внутритекстовая (интратекстуальная) отсылка к блоку № 5: языковое знание, семантическая интерпретация может быть опорой и вспомогательным инструментом научного объяснения сущности души в других отраслях науки. Далее, тематический блок № 11, вводящий в текст дискурс «изобразительного искусства», делает видимыми корреляции с дискурсом античности через повторение ключевых слов *Psyche*, *Atem*, *Amor*, *be-seelend*. Так в тексте на глазах у читателя соединяется вместе рассеянное в различных дискурсах человеческое знание. Следующий затем блок № 12 переводит восприятие текста в каждодневную реальность: пара влюбленных стоит перед картиной в музее. Все предшествующие рассуждения, конструирующие некое общее, накопленное человеческим познанием и практикой, понимание «души» сталкиваются с индивидуальным опытом, личным пониманием. И здесь стихотворение немецкого поэта-романтика Айхендорфа появляется как фрагмент художественно-эстетического дискурса. Этот дискурс рисует картину души по-другому, в субъектно-личностной, эмоционально-образной форме, отличной от научной – рациональной и надиндивидуальной – картины мира. И только игра, взаимодействие этих разных дискурсов как разных типов человеческого знания создает единое смысловое целое: возникает образ души – крылатой, воздушной, бестелесной (*geflogelt, schimmernd*,

nichtkörperlich) и человеческой (körperlich, menschlich) одновременно. Осязаемой и в то же время невидимой, ускользающей, неподдающейся сложному анализу науки, но однако раскрывающейся индивидуальному человеческому чувству. Внутри-текстовые связи, соединяющие отдельные темы / тематические блоки между собой, возникают как проекции междискурсных связей на текстовую плоскость. Текст существует как соединение многих дискурсов, как точка пересечения дискурсов, как интердискурсивное коммуникативное событие.

9.4. «Власть дискурса»

Вынесенное в заглавие раздела определение М. Фуко привлекает внимание к важнейшему принципу дискурсивного анализа: он позволяет провести границу между т.н. «своим» и «чужим» словом / высказыванием.

Дискурс – это система ограничений, накладываемых на возможные высказывания в силу определенной социальной, идеологической, в т.ч. научной позиции. Мы утверждаем, что дискурс выражает надындивидуальное, коллективное речевое действие, которое институционализировано, т.е. связано с «относительно устойчивыми типами и формами социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества» (Энциклопедический Социологический словарь 1995:227). Это значит далее, что дискурс предлагает определенные, такие и не иные, стандарты коммуникативно-речевого поведения отдельных лиц в типичных ситуациях. Власть дискурса означает, таким образом, возможность широкого социального управления и манипулирования, при котором особым образом «канализируются» теории, идеи, оценки, взгляды, суждения, посткоммуникативные действия различных субъектов/коллективов. Канализируются как? С помощью каких приемов, стратегий? Дискурс, будучи, по Фуко, «предзаданным способом мышления» или, в соответствии с

лингвистическим определением, содержательной совокупностью текстов, выступающих языковым коррелятом по отношению к тому или иному сегменту человеческой коммуникации и познания, способен управлять «подключением» к текстовой системе других высказываний/текстов. Дискурс – единая дискурсивная формация – создает границы для коммуникативной и познавательной, (а значит, и речевой) деятельности человека.

Это – *ментальные границы*: дискурс выступает как «предзаданный способ мышления» и устанавливает степень значимости, целесообразности, важности того или иного высказывания; относительно всей системы;

Это – *методологические границы*: охватываются все возможности для (не)появления альтернативных, конкурирующих «чужих» идей и смыслов;

Это – *содержательные границы*: одни тексты/смыслы/понятия притягиваются в рамочное пространство дискурса как тематически близкие, «свои»; другие – исключаются как нерелевантные, несходные, «чужие»;

Наконец, это *лингвистические границы*, которые создаются совокупностью стереотипизированных, конвенциональных языковых средств, структур, приемов, т.е. возникающих в результате системного отбора для выражения типичных смыслов и распознаваемых адресатом «автоматически».

Дискурс образует, таким образом, рамочное пространство вокруг «своего» - неких однородных идей, теорий, смыслов, овеществленных в текстах, когнитивных стратегий автора, взаимодействующего со своим же адресатом. При этом «рамка дискурса» отсекает все то, что не попадает в ее пространство. В этой связи примечательно, что подобная логика взаимодействия текста и читателя типична и для литературно-эстетической коммуникации. Ср., как В.А. Миловидов характеризует процессы восприятия в литературно-критическом дискурсе применительно к тексту, непонятому читателем: «Рамка» внетекстовых структур, налагаемых на текст, может быть в

большей или меньшей степени жесткой: читатель, адаптируя текст к собственным конвенциям, может «срезать», оставить без внимания те или иные находящиеся в свернутом, латентном виде потенции текста... Иногда те или иные потенции текста выпадают за «рамку», и тогда критики начинают говорить о «внехудожественном», антиэстетическом начале, представленном в произведении» (Миловидов 2000: 56). Эта цитата применима благодаря точности определения к феномену власти дискурса в целом.

Примером установления запретов в науке на «чужие» идеи служат тоталитарные дискурсы в различных научных областях в советскую эпоху – например, исключение генетики из общего дискурса науки, объявление ее ненаучным знанием и, наоборот, включение астрологии и других оккультных наук в научный оборот в нацистской Германии как научного знания. В подобных случаях начинают действовать механизмы суггестивного влияния, порождающие некритичное восприятие «на веру». Итак, дискурс как типологически предзаданный способ мышления и коммуникативно-речевой практики связан с осуществлением социальной власти; *дискурс есть выражение власти, и власть выражается в дискурсе* – через систему взаимосвязанных речевых/текстовых средств, форм и приемов воздействия.

Примечательно, что концепция дискурса как исторически и идеологически обусловленной языковой практики сложилась в период возросшего интереса к изучению языка в так называемых тоталитарных обществах. Немецкая традиция дискурсивного анализа, как уже упоминалось, сложилась на основе интерпретации текстового корпуса времён национал-социализма и Третьего Рейха. Именно анализ особых исторических условий господства одной идеологии и подавления, вытеснения других представлений, несовпадающих с генеральной линией правящей партии, системы в целом, позволил сделать выводы о механизмах языкового управления и подавления масс. Итак,

каким образом стало возможно, что, например, идеология одной партии национал-социалистов, т.е. некоторой группы лиц, вытеснила в немецком обществе 30-х-40-х гг. XX в. все другие взгляды; каким образом в короткий временной отрезок определённая языковая практика стала доминирующей и тотальной? В наиболее общих чертах ответ на поставленный вопрос таков.

Власть дискурса или, точнее, власть тоталитарного дискурса, проявлялась в том, что во всех сферах коммуникации навязывались особые – только и именно в интересах коллективного отправителя сообщения – отношения, оценки, типы поведения. Ниже приведены лингвистические примеры того, как за особым употреблением языка встаёт особая идеология.

Так, в этот исторический период имела место массовая, методичная, целенаправленная замена одних слов другими для обозначения реалий и фактов в навязываемой обществу обстановке – то, что можно назвать примерами политических эвфемизмов. Например, *массовые казни (Massenhinrichtungen)* именовались как «*особые действия*» (*Sonderaktionen*), «*особое обращение*» (*Sonderbehandlung*), *беженцы (Flüchtlinge)* – как *переселенцы (Umsiedler)*; *истребление народов*, в т.ч. евреев получило название «*окончательное решение еврейского вопроса*» (*Endlösung der jüdischen Frage*). То, что оппозиция считала *реакционным (reaktionär)*, оказывалось в контраргументах национал-социалистов *консервативным (konservativ)*, сохраняющим традиции. Распоряжением министерства пропаганды Геббельса погибшие немецкие солдаты должны были именоваться как *убитые (ermordete)*, а не *павшие (gefallene)*. Пословицы и поговорки немецкого народа также получили возможность особой интерпретации, опять же в интересах правящей партии и её идеологии. «Речь – серебро, молчание - золото» (*Reden ist Silber, Schweigen ist Gold*), «Голод – лучший повар» (*Hunger ist der beste Koch*), «Работа делает свободным» (*Arbeit macht frei*) – эти пословицы были написаны на балках и строе-

ниях в концентрационных лагерях, на воротах в один из самых страшных лагерей смерти Бухенвальд стояло «Каждому своё» (Jedem das Seine). Включённые в контекст фашистской идеологии, эти пословицы получили искаженное, циничное человеконенавистническое значение. (Подробнее: Mieder 1994).

Отдельные языковые явления с очевидностью объединяются в целостную картину идеологической пропаганды при анализе текстового целого, с позиций того, как разные типы текстов – листовки, партийные программы, политические воззвания, песни, фильмы, учебники, etc. оказываются связанными в смысловом отношении в единый фашистский дискурс. Проиллюстрируем это на исторических документах – немецких текстах того периода, опубликованных в упоминавшейся работе У.Мааса 1984 г.

Становление и распространение тоталитарного дискурса фашизма прослеживается в книге очень глубоко и детально на всех уровнях общественной жизни: в официальном апофеозе, на производстве, в молодежной среде ("Hitlerjugend"), в крестьянских хозяйствах и в каждодневном быту отдельных семей. Из большого количества текстовых документов остановимся на одном, дающем отчетливое представление о материале, направлении и методологическом подходе дискурсивного анализа в рамках описываемого немецким исследователем дискурса немецкого фашизма. Анализируемый текст 1937 года представляет собой призыв-обращение национал-социалистической партии во время кампании "борьбы с незначительным использованием продуктов" (Kampf gegen Verderb). Общая выразительность дискурсивного анализа в связи и на примере именно такого текста состоит, на наш взгляд, в возможности показать, как идеологическое концептуализируется в, казалось бы, не идеологической сфере семейного быта.

Прокомментируем основные наблюдения и выводы немецкого ученого (Maas 1984:27-30)

An alle Hausfrauen!

Es ist festgestellt worden, dass **noch immer** ein ganz erheblicher Teil **Küchenabfälle** in die **Müllkästen** – bzw. Tonnen geworfen wird und So dem Ernährungshilfswerk im Rahmen des Vierjahresplanes verloren geht. Deshalb wird darauf aufmerksam gemacht, dass **alle als Viehfutter verwertbaren Küchenabfälle in die Hausgefäße der NSV zu werfen sind**. Wer weiterhin **Abfälle**, die der Fütterung von vielen tausend Schweinen dienen, **in den Müll wirft**, schädigt Volksgut und **macht sich strafbar**. **Darum Hausfrauen:** bringt Eure Küchenabfälle **täglich** zu den Sammelgefäßen der NSV. **Haltet die Küchenabfälle nicht tagelang zurück!** Eure geringen Bemühungen sichern einen **großen Erfolg. Einen Erfolg für Alle!**

NSDAP. Gauleitung Berlin.

***

Ко всем домохозяйкам!

Обнаружилось, что **все еще** очень значительная часть **пищевых отходов** выбрасывается в мусор и таким образом не может быть использована комитетом по распределению питания в рамках 4-хлетнего плана. Поэтому помните, что **все пригодные для корма скота пищевые отходы необходимо отправлять в специальные баки**.

Кто выбрасывает отходы, и другие на корм многим тысячам свиней, наносит ущерб народному добру и **нарушает закон**.

Поэтому домохозяйки: приносите ваши пищевые отходы к специальным бакам **ежедневно**. **Не накапливайте отходы!** **Ваши малые усилия обеспечат большой успех. Успех для Всех!**

Национал-социалистическая рабочая партия Германии. Гауляйтунг Берлин.

(Жирный шрифт – в оригинале, перевод мой – В.Ч.)

В листовке речь идет о мерах по рационированию продуктов – заявленная тема текста. Текст содержит прямое обращение к гражданам, а именно женщинам, домохозяйкам, указан отправитель сообщения – национал-социалистическая партия.

Фокусируется внимание на новой государственной системе с новым аппаратом (NSV), административным регулированием ("необходимо отправлять..."), ее целях и ее врагах (... "наносит ущерб, ... нарушает закон").

Основной интерес для нас представляет то, как текст показывает социальное положение женщины в Германии. В период Веймарской республики большое количество женщин уже имела работу, это порождало постепенно их новые потребности и притязания на некую общественную роль и некоторое влияние, что является новым в сравнении с традиционной ролью женщины в прусском обществе. Анализируемый в книге У. Мааса текст не просто отражает эти новые общественные претензии женщин, но и особым образом позиционирует их: "малые усилия" (большего женщине не отводится) связываются с действиями государственного значения. Текст не просто фокусирует устремления и идеалы домохозяек того времени, но политизирует их, выстраивая тематическую прогрессию таким образом, что рутинное бытовое дело использования отходов перерастает в государственную задачу ("для всех"). В текстовую ткань вплетаются организационно-бюрократические детали: Vierjahresplan (4-хлетний план), täglich (ежедневно); Sammelgefäße der NSV, что в свою очередь "схватывает" каждодневное существование отдельных граждан, ритуализирует и организует в нужном тоталитарному государству направлении сам быт. Каждый раз пригодные и не пригодные для переработки отходы должны были сортироваться, доставляться к мусоросборникам, что, главное, приводило к созданию собственного бюрократического аппарата, охватывающего и направляющего действия домохозяек. А это уже не только обеспечивало общественную значимость этих усилий, но приводило в действие государственную машину контроля и принуждения.

Таким образом, подлинная интенция, усматриваемая в анализируемом тексте У. Маасом, состоит в "огосударствле-

нии" внутренней сущности женщины, считавшейся прежде абсолютно внеполитическим элементом общества.

При внимательном анализе этого исторического документа возможно вскрыть еще один, лежащий более глубоко смысловой пласт. Использование пищевых отходов было естественным и само собой разумеющимся явлением в крестьянских хозяйствах. Подлинным адресатом обращения национал-социалистов были городские слои населения, рабочие семьи. Особая "взрывчатая" начинка листовки состояла в том, чтобы побудить, дать политически оправданную возможность женщинам из низших крестьянских слоев контролировать своих соседей, женщин "лучшего качества" – горожанок.

Такой социально ориентированный дискурсивный анализ позволяет связать данный текст с другими, обеспечивающими в своей совокупности изменение складывавшихся десятилетиями общественных устоев и навязывание иной – в данном случае – фашистской идеологии во всех формах существования общества; он позволяет считать этот текст наравне с другими – политическими, военными и прочими, составной частью фашистского дискурса.

Не менее показателен для наших рассуждений и другой документ того же 1937 года, а именно листовка с призывом обменивать рожь на другой корм для скота.

Zur Sicherung
der deutschen
Brotversorgung

Tauscht

Roggen gegen Futtermittel!

Warum?

Aller mahlfähiger Roggen dient der Brotversorgung und gehört nicht in den Futtertrog. Wer Brotgetreide verfüttert, begeht Landesverrat (Hermann Göring auf dem Reichsbauerntag 1936)

- Was?* Roggen wird getauscht gegen: Gerste, Mais, Maisfuttermehl; auf Wunsch gegen Kleie
- Wie?* Der Eintausch erfolgt schlicht um schlicht, d.h. für die gleiche Menge Roggen gibt es die gleiche Menge Futtermittel. Dabei werden Gerste und Mais zum Roggenerzeugerfestpreis, Kleie zum reinen Kleiefestpreis, Maisfuttermehl zum Preise von 7,50 RM pro Zentner sämtlich frei Eisenbahnhauptempfangsstation geliefert.
- Wann?* Ab sofort.
- Wer?* Es muß jeder, der Roggen noch zur Verfügung hat, eintauschen. Er ist dazu jedoch erst berechtigt, wenn er sein Roggenablieferungssoll voll erfüllt hat.
- Wo?* Der Eintausch erfolgt durch Abschluß eines Erzeuger-Tauschvertrages mit Deinem gewohnten Verteiler. Du mußt Dich an ihn wenden.
Deine zuständige Kreisbauernschaft wird Dir die vollständige Erfüllung Deines Ablieferungssolls und damit Deine Berechtigung zum Eintausch an Hand der vorhandenen Unterlagen bescheinigen.

Bediene Dich also dieser Möglichkeit des Eintausches!

Du erfüllst damit Deine Pflicht gegenüber dem Volksganzen!

***

Для обеспечения
немецких
хлебозаготовок

Меняйте рожь на фураж!

- Зачем?* Вся подлежащая переработке в муку рожь идёт на хлебозаготовку и не подлежит использованию на корм скоту. Кто скармливает скоту зерно, совершает государственное преступление (Герман Геринг, выступление на крестьянском съезде. 1936 г.)

- Что?* Рожь обменивается на: ячмень, кукурузу, кукурузную муку; по желанию на отруби.
- Как?* Обмен производится в равных объёмах: т.е. за один объём ржи даётся такой же объём кормовых. При этом ячмень и кукуруза доставляются по установленной цене производства ржи, отруби – по чистой цене за отруби, кормовая кукурузная мука по 7,5 рейхсмарок за центнер бесплатно до железнодорожной станции к месту доставки.
- Когда?* С этого момента.
- Кто?* Каждый, кто имеет ещё в распоряжении рожь, должен совершить обмен. Но он имеет это право, только если уже полностью выполнил обязательную поставку ржи.
- Где?* Обмен осуществляется посредством заключения договора заготовки и обмена с Твоим постоянным поставщиком. Ты должен обратиться к нему.

Воспользуйся возможностью обмена!

Этим ты выполнишь свой долг перед всем народом!

(Выделение жирным шрифтом в оригинале, перевод наш – В.Ч.)

Итак, повторяя исходный вопрос – почему этот текст можно рассматривать наряду с иными политическими, военными и прочими документами как пример фашистской идеологии? Что делает этот текст элементом фашистского дискурса?

Нельзя не обратить внимание на особую инсценировку послания. Здесь риторически и графически чётко выделены содержательные акценты. Вопросы – Зачем? Что? Когда? Кто? Где? – захватывают внимание и выстраивают содержательную ось текста. Листовка имеет сфокусированную персональную обращённость к адресату – «каждый должен»; «ты должен». Инициатива действий очень тонко перелagается на самого адресата: «твой долг»; неопределённое указание на сроки исполнения «с этого момента» имеет сильное мобилизующее значе-

ние для читающего листовку: другие могли это сделать уже вчера! Подчёркивается патриотическая значимость дела для Германии – «перед всем народом», возможные последствия невыполнения – «совершает государственное преступление». В архитектурном отношении выделяются своего рода зачин, представляющий авторитет партии – это актуализируется ссылкой на Геринга и упоминанием санкции; и основная часть, фокусирующая роль отдельной личности в строительстве новой государственной машины. При этом сильные позиции текста – его начало и конец – образуют кольцевую структуру. Лексемы «немецкое» в инициальной строке и «весь народ» в заключительном предложении замыкают всё текстовое пространство на идее включения каждого индивидуума в государственную систему. Призыв охватывает крестьянство, т.е. область сельского хозяйства, традиционно удалённую от политизированного центра. И если посмотреть на анализируемый текст с точки зрения его тема-рематического структурирования, то становится очевидно следующее. Темой, т.е. исходной позицией, здесь является новое государство с его административным аппаратом и партийным руководством, а ремой, коммуникативно новой, утверждённой частью, становится форма «огосударствления», «ополитизирования» и, в итоге, обезличивания отдельного гражданина-крестьянина: «Весь народ» хочет, и «ты» должен делать. Прочитанный так, этот текст становится в один ряд с политической пропагандой национал-социалистической партии, формирующей сознание общества в нужном ей направлении. В таком соположении и иные типы текстов – политически воззвания, официальные речи политиков, газетные статьи, сводки с фронта и прочее воспринимаются отчётливее, ярче как выражающие общую интенцию фашистского дискурса.

Нельзя обойти вниманием и роль паралингвистических средств, а именно, шрифта и типографского оформления текстов в создании особого воздействующего эффекта. Рассмотренные тексты, как и масса других им подобных периода

Третьего Рейха, печатались в оригинале готическим шрифтом. В то время с готическим шрифтом связывались ассоциации с эпохой Реформации, кардинальных перемен в Европе и германском обществе и, значит, семантика готического шрифта встраивалась в общий ряд национал-социалистических призывов создать «новую Германию» и Новый Рейх и сильно влияла на адресата, актуализируя в его памяти исторические традиции немцев. Эта связь шрифта и тоталитарного дискурса настолько сильна, что и сегодня готическое написание вызывает стойкие ассоциации с фашистской идеологией.

Приведённые примеры и наш комментарий позволяют сделать некоторые общие выводы о существовании и принципах дискурсивного анализа.

9.5. Принципы дискурсивного анализа

Говоря об особых принципах дискурсивного анализа, мы имеем в виду ответ на вопрос, *чем анализ дискурса отличается от традиционного анализа текста? Где кончается анализ текста и начинается анализ дискурса?* Итак, следует различать 5 основных уровней языкового анализа, дающих в своей совокупности представление о дискурсивном анализе.

1. Уровень (отдельного) коммуникативного акта. Здесь определяется коммуникативная функция (интенция, коммуникативное намерение) конкретного высказывания/совокупности высказываний.

2. Уровень (отдельного) текста. Выявляется доминирующая и сопутствующие функции текста, тема сообщения. Анализ ведётся на текстовой плоскости, в системе внутритекстовых взаимосвязей между слагаемыми текстового целого; выявляется, как слова, словосочетания, предложения, соединяясь между собой, создают текстовые смыслы. Выявляются особенности актуализации в тексте его коммуникативных антропоцентриков: автора и адресата сообщения.

3. Уровень глубинного макросемантического анализа текста, его смысловой структуры. При этом главный акцент лежит на выявлении того, какие языковые и композиционные единицы оказываются прагматически сфокусированными, играют центральную роль раскрытия смыслового замысла, каковы стратегии и факторы текстопорождения, идентифицирующие это текстовое целое как таковое.

4. Уровень экстралингвистического – над- и вокругтекстового – анализа. Позволяет связать те или иные слова, высказывания, порождаемые ими смыслы с «духом времени», т.е. историческими, психологическими, идеологическими, социальными, межличностными факторами. Выстраивается или, точнее, расшифровывается такой общий смысл, который учитывает все значимые факторы, участвующие в конституировании этого смысла.

5. Уровень межтекстового анализа. Выявляются содержательно однородные типы текстов, обеспечивающие в совокупности приращение смысла внутри одной дискурсивной формации. Механизм анализа диктуется теорией интертекстуальности.

Дискурсивный анализ обнаруживает, таким образом, структурные параллели с герменевтической традицией анализа отдельных произведений, при котором некая интерпретация текста как первоначальная гипотеза нуждается в подтверждении, перепроверке, в конечном счете, в опоре на дальнейшие источники. Различие состоит в том, что в дискурсивной проекции при установлении смысла текста, не заявляемой, но действительной проступающей из сплетения внутритекстовых связей и его широкого экстралингвистического фона темы текста, и, далее, при объединении содержательно однородных текстов в единый тип дискурса начинают действовать особые правила, особая "регулярность дискурса", о которой писал Фуко.

Возможно говорить об особой семантике дискурса – наряду с семантикой слова, семантикой предложения и семантикой текста. В фокусе дискурсивной семантики оказывается не

столько лексическое значение употребленных в дискурсе единиц, их узко-контекстуальное значение, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений. Дискурсивная семантика анализирует и сопоставляет значения слов и/или предложений не только из одного текста, но отобранных для дискурсивного анализа из разных текстов, объединенных тематически.

Таким образом, дискурсивный анализ – это анализ макро-семантический и одновременно глубинно-семантический. На уровне дискурса действует исследовательская стратегия, направленная на выявление эпистемических предпосылок и условий конструирования речевых – текстовых значений, позволяющая обнаружить в данном значении слова или предложения его социально-историческое происхождение (Ср.: Busse, Teubert 1994: 27).

В соответствие с принципами дискурсивного анализа некий текст будет считаться расистским, фашистским, "перестроечным" и т.д. не потому, что в нем встречается слово "раса", "фашизм" или "перестройка", но потому, что этот – расистский, например, – текст так или иначе рассматривает вопросы, утверждающие неравенство одних людей по сравнению с другими, что может находить свое языковое оформление в самых разных понятиях и концептах, как то (не) "нормальное", "правильное", "лучшее", "здоровое" и прочее. И наоборот, использование слов "патриотизм, патриот" в текстах националистических партий не ставит их содержание в один ряд с подлинно патриотическими текстами. Ибо значение этих слов в националистических текстах входят в противоречие со смыслом текстового целого.

Итак, представленная концепция дискурса вносит в его определение как текста в совокупности с широким экстралингвистическим контекстом принципиальное уточнение: под контекстом понимается непосредственно общественный контекст, историческая социо-культурная, политическая и идеологиче-

ская практика. Значимость этой концепции заключена в теоретической и практической разработке методологии и принципов дискурсивного анализа, позволяющего сделать прозрачными отношения между функционированием тех или иных языковых средств и форм и соответствующими институциональными структурами.

Возвращаясь к сформулированному в заголовке раздела тезису о «власти дискурса», поясним ещё раз то содержание, которое в него вкладывается. Речь идёт о возможности и условии для воспроизводства - многократного тиражирования в форме различного типа текстов некоей идеологии. Общая черта рекламы, пропаганды, того, что называется паблик рилейшнз состоит в том, что *организация, система влияет на индивида, а не столько индивид на индивида!* Будучи представленной во всех возможных сегментах, областях человеческой деятельности и общения – в политике, СМИ, военном деле, в обиходно-бытовом общении и т.д. – с помощью своего особого языкового выражения, определенная идеология способна стать и становится доминирующей и в определённых условиях единственно возможной.

Все иные высказывания, содержательно и идеологически не соответствующие общей теме дискурса, вытесняются за его пределы, значит, становятся неприемлемыми для говорящих «на своём языке и на свою тему». «Серийное производство» объединённых в смысловом отношении текстов делает невозможными альтернативные единичные высказывания – они просто не будут замечены в массе дискурса или же будут насильственно заглушаться, как это происходит в случае тоталитарной диктатуры одной идеи. Власть дискурса возможна постольку, поскольку она воспроизводится везде: в сфере политической деятельности, административного управления, в прессе, через СМИ, в быту, в каждодневном существовании личности транслируются одни и те же идеи, оценки, взгляды, создающие в своей совокупности единое, то и не иное представление.

Властные механизмы дискурса следует понимать как комплексную, систематическую и регулярную реализацию персуазивных стратегий и приемов воздействия, позволяющих в своей совокупности управлять сознанием и поведением индивида и/или социальных групп.

Дискурс – это не только языковое отражение и выражение существующей социальной практики, но и инструмент инсценирования этой практики. Властные механизмы дискурса структурируют общество так, что «выпавший за рамку дискурса» и объявленный, например, виновным, инакомыслящим оказывается без возможности высказываться потому, что оказывается без инструмента распространения своих взглядов и оценок. Эти оценки будут погашены, подавлены, нейтрализованы в текстовом массиве «своего». Они останутся также без адресата, способного адекватно интерпретировать их. В этом случае сопротивление власти одного дискурса возможно только и именно посредством другого дискурса с теми же по принципу действия механизмами подавления чужого.

Эти утверждения о власти дискурса не нужно понимать только применительно к политической коммуникации. Представленный механизм социальной власти действует как общий, и проследить его можно во всех областях человеческого общения, как в прошлом, так и в настоящем. Чрезвычайно показательным примером в этой связи может стать научная коммуникация, научное познание, несвободное от (частичной) закрытости к «чужим идеям».

9.6. Дискурсивность как свойство текста и как критерий текстуальности

Сделанные утверждения позволяют по-новому, в системе дискурса, взглянуть на сложившиеся представления о качественной определенности текста, т.е. текстуальности. Очевидно, что вместе с традиционно выделяемыми признаками текста, обеспечивающими его семантическую, синтаксическую, праг-

матическую целостность, возможно и целесообразно выделить еще один текстовый признак, а именно, **дискурсивность**.

Дискурс – это принципиально открытая система. Постулируя это, мы должны исходить из понимания дискурса как типа дискурса, дискурсивной формации, т.е. совокупности тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов. В таком понимании дискурс обозначает то коммуникативное пространство, в котором возможно взаимодействие определенных типов текста, следовательно, в сферу притяжения дискурса включается не одно коммуникативное событие, но целый их комплекс. Только и именно в дискурсе ясно, что такое завершенность отдельного, существующего внутри дискурса текста. Действительно ясно, что завершено, что нет. Например, мы слышим разговор 2-х собеседников о том, что дела Петра идут хорошо, он в порядке и все еще не в тюрьме. Подлинная тема этого текста – здесь устного диалога, может быть определена только в связи с другим, неизвестным нам, но потенциально прогнозируемым текстом, предшествующим услышанному разговору. Почему Петр не в тюрьме, почему это значит, что он в порядке, почему выбрана такая, а не другая прагматическая и семантическая связь элементов в текстовое целое, почему сказано так, как сказано, становится ясно на уровне дискурсивной связности этого текста с другими – предшествующими и последующими, потенциально возможными текстами. В таком смысле следует рассматривать приведенные выше примеры текстов фашистского дискурса: и военный приказ об уничтожении мирного населения, и листовка с призывом доносить на соседа, нерационально использующего пищевые отходы, и тексты детских песен и речевок, заставляющих думать в унисон с официальной идеологией – это тексты одного дискурса. Дискурс конструируется различными типами текстов.

Дискурсивность означает понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства. Ведь именно в метатекстовой перспективе у текста обнаруживаются признаки, позволяющие воспринимать отдельный текст/высказывание как часть надындивидуальной коммуникативно-речевой практики. Здесь в качестве вспомогательной иллюстрации приведем следующую.

Исследователю предстоит анализ некоего текста, формулируемого отправителем сообщения как сказка для детей и публикуемого в сборнике сказок. Примерное содержание сказки (в оригинале она на английском языке) таково:

Бог создал всех людей, вынудив их после обжига из большой печи. Все люди вышли на свет Божий закопченными и черными, и создатель велел им идти к воде и отмыться от копоти. Прилежные и старательные отмылись добела, а ленивые и нерадивые оттерли от сажи только ладошки и ступни ног. Вот поэтому люди оказались разного цвета – белые и черные.

На этом сказка заканчивается, оставляя выводы воспринимающему сознанию. Очевидно, что в текстовой ткани нет ни одной языковой единицы с семантикой «раса», «расизм». При этом исследователь с позиций дискурсивного анализа может этот текст интегрировать в дискурс расизма, провозглашающий превосходство одной расы над другой по признакам «лучшее-худшее», и эта сказка воспринимается завершено и тематически определено только и именно в системе соответствующего дискурса – дискурса расизма. Подчеркнем, что при объединении содержательно однородных текстов в единый тип дискурса начинает действовать особая «регулярность дискурса». Именно в таком смысле возможно говорить об особой семантике дискурса, наряду с семантикой слова, предложения и текста. В фокусе дискурсивной семантики оказывается не столько лексическое значение употребленных единиц, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отноше-

ний. Например, незамысловатый стишок, имевший известность в советский период:

*Я на вишенке сижу,
Не могу накушаться,
Дядя Ленин говорил,
«Надо маму слушаться»»,*

раскрывает свой семантический потенциал именно в дискурсной перспективе. Он воспринимается именно и только как фрагмент советского дискурса с его вторгающейся во все сферы человеческого общения и все регулирующей идеологией. Ирония и социальная критика, которые могут быть приписаны этому тексту проступают именно при восприятии его в интертекстуальном отношении на фоне других текстов – политического официоза, средств массовой информации. Только зная эти тексты, возможно верно оценить и декодировать приведенный «фрагмент дискурса».

Дискурсивность следует рассматривать как тот признак текста, который характеризует его **открытость метасистеме дискурса** при понимании под последним совокупности содержательно однородных текстов.

Раздел 10. Интертекстуальность и интердискурсивность

Предшествующий раздел ставил цель показать и разъяснить сущностную взаимосвязь текста и дискурса: текст существует как фрагмент определенного дискурса. И если дискурс – это принципиально открытое множество текстов, так или иначе соотносенных друг с другом, то и текст – открытая система. Что означает это представление об открытости текста и открытости дискурса?

Феномен текстовой открытости рассматривается традиционно в связи с категорией интертекстуальности, отражающей

процесс «разгерметизации» текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми/смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения. Это – традиционный и неоднократно обсуждавшийся взгляд на открытый текст. Интертекстуальность как текстовая категория в собственно лингвистическом смысле выражает особый способ построения смысла текста. Как категория «разгерметизации» и открытости текста интертекстуальность охватывает качественно различные стратегии содержательного и формального соотнесения текста с другим (-и).

Это – один из возможных аспектов текстовой открытости, обсуждающийся в связи с проблемами интертекстуальности!»

В связи с исследованиями в теории дискурса и дискурсивного анализа идея текстовой открытости получает, как видится, еще один дополнительный ракурс осмысления. И, собственно, второй аспект того, что следует называть открытостью, связан с самим феноменом текстуальности – с обсуждением того, какие признаки текста сегодня на когнитивно ориентированном этапе развития лингвистики, отражают статус текста как такового. Повторяя предыдущие суждения: сегодня *текстуальность*, скорее, *прототипический феномен*. Эта категория объединяет ряд текстообразующих признаков с *градуальным характером*: они обладают разной степенью выраженности в том или ином текстовом экземпляре и/или типе текста, не все признаки текстуальности имеют равную значимость для утверждения текстового статуса конкретного коммуникативно-речевого феномена. Одни могут быть доминирующими, ядерными, другими – лишь потенциально возможными. И встает вопрос, при каких условиях потенциально возможные признаки актуализируются, начинают восприниматься как показатели текстуальности?

Так, если некоторые признаки текстуальности, например, формально-структурная завершенность не рассматриваются

сегодня как обязательный для идентификации статуса текста критерий (сегодня лингвисты столкнулись с т.н. гипертекстом, с чатами и коммуникацией в глобальной сети без формально узнаваемого начала и конца сообщения), то они по-новому «работают» в условиях новой категории – дискурса. Иными словами: открытость текста диктуется открытостью дискурса. Сегодня нет сомнений в том, что *существует коммуникативное – метатекстовое – единство, большее, чем (единичный) текст*. Это означает, следовательно, укрупнение объекта исследования для лингвиста, рассматривающего текст в метаперспективе, в неразрывном единстве с его вокруг- и надтекстовым пространством. Иными словами, существует *коммуникативное, когнитивное, семантическое пространство («рамка»), соотносящее текст, во-первых, с определенной ментальной сферой/определенными знаниями, во-вторых, с моделями (образцами, прототипами) текстопорождения и восприятия, и, в-третьих, с другими текстами, содержательно-тематически обращенными к общей теме. Это – дискурс*, это та новая лингвистическая категория, которая выводит традиционную лингвистику текста в иную систему координат. И она же показывает исследователю новый текстовый признак, а именно, дискурсивность, по-новому фокусирующую традиционно описываемые текстовые признаки. При этом в центр внимания попадает и феномен взаимодействия дискурсов, т.е. интердискурсивность. Рассмотрим последовательно категорию интертекстуальности и интердискурсивности как базовые категории современного языкознания.

10.1. Интертекстуальность как культурно-семиотический феномен

Нельзя не заметить, что, вступая на современном этапе языковедческих и, вообще, культурологических исследований в сферу притяжения интертекстуальности, мы рискуем вовсе не преодолеть ее мощной силы тяги и постоянно оставаться в

рамках этой теории. Интертекстуальность сегодня – это то волшебное слово, которым исследователи хотят открывать все двери, ведущие в «текстовый универсум». В этой связи говорится даже о т.н. «интертекстуальном синдроме» (ср.: Heipermann 1997:35): любые, всякие межтекстовые отношения и связи называются интертекстуальными. При этом все чаще высказываются сомнения о целесообразности такого очень широкого и всеобъемлющего понимания интертекстуальности. Ведь в конечном итоге лингвисты оказываются – оказались! – перед побочным эффектом девальвации термина и девальвации его «практической работоспособности», операциональной значимости.

Определенного рода уточнения и дополнения в нашем представлении о механизмах межтекстового взаимодействия представляются давно назревшими и диктуемыми поступательным развитием лингвистики. Высказывая свою позицию в этом вопросе, повторяю ряд общеизвестных положений.

Термин интертекстуальность сегодня один из ключевых в языковедческой науке, а сам феномен, описываемый интертекстуальностью, входит в ряд фундаментальных, основополагающих для поступательного развития и литературоведения, и лингвистики. В научный оборот этот термин ввела, как широко известно, Юлия Кристева, болгарка по происхождению, работающая в Париже, литературовед, семиотик, психоаналитик. С момента выхода в 1967 г. ее знаменитой статьи (Kristeva 1967) термин интертекстуальность с самым широким охватом используется для обозначения явления текстовой диалогичности. В ряду смежных с ним понятий и терминов, таких как *полифония*, *полилогизм*, *транспозиция*, *диалогичность*, *бивокаличность*, *транстекстуальность*, *интерсемантическая*, интертекстуальность оказалась явным фаворитом и самым востребованным термином. Разумеется, и перечисленные термины только в общих чертах соотносимы друг с другом и не являются полностью взаимозаменяемыми, т.к. отражают различные тео-

ретические подходы к трактовке содержательного и формального диалога текстов. Более того, при использовании самого понятия «интертекстуальность» авторы вкладывают в него не всегда одинаковый смысл, исходя из особых идейных и методологических предпосылок, которыми они руководствуются в своем понимании интертекстуальности.

Основные итоги четырех десятилетий дискуссий вокруг феномена интертекстуальности вкратце таковы:

Многочисленные определения интертекстуальности представляют ее как наличие одного (или нескольких) предтекстов в другом и как отношение, возникающее между текстом и его предтекстом (-ами). В семиотическом плане это означает отношение между одной языковой знаковой системой и другой, референциально соотнесенной с первой. В прагматическом же плане интертекстуальность выступает как специфическая стратегия соотнесенности с другими текстами, как тот способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел. Иными словами, интертекстуальность покрывает всю шкалу возможных виртуальных обоюдонаправленных отношений между текстами или их частями (ср.: Grivel 1983:56). В таком смысле интертекстуальность можно рассматривать как категорию «разгерметизации» и открытости текста (ср.: eine Kategorie der Dezentrierung und der Offenheit), ибо благодаря ей текст способен вступать в отношения «живого подобия» (*bewegliche Identität*) с другими текстами (по: Stierle 1983:12).

Если в определении сути интертекстуальности как открытости одной текстовой (смысловой) системы по отношению к другой существует известное единомыслие, то при выяснении ее статуса в исследовании текстуальности в целом прослеживаются различные, во многом противоположные подходы. Иначе говоря, предлагаются разные ответы на вопрос о том, является

ли интертекстуальность постоянным или переменным качеством текста.

Анализ современных исследований интертекстуальности как теории взаимодействия между текстами выявляет существование *2-х моделей интертекстуальности – широкой, радикальной и более узкой. В строгом смысле речь идет о противопоставлении литературоведческой и лингвистической концепции интертекста.* В соответствии с ними интертекстуальность рассматривается либо как универсальное свойство текста вообще, т.е. предполагает понимание всякого текста как интертекста, либо как специфическое качество определенных текстов (класса текстов).

10.1.1. Радикальная модель интертекстуальности

То, что сейчас принято называть радикальной концепцией интертекста имеет своим теоретическим источником историческую поэтику А.Н. Веселовского, учение о пародии Ю.Н. Тынянова и, конечно, теории полифонического литературоведения М.М. Бахтина. Один из наиболее полных и глубоких обзоров в отечественных исследованиях содержится в работе Г.В. Денисовой (2003: 30-116); см. также статью Е.А. Баженовой «Интертекстуальность» в СЭС РЯ, 2004; Кузьмина 1999; Фатеева 2000. В связи с широкой теорией интертекстуальности наиболее часто упоминают М.М. Бахтина, утверждавшего, что литературная коммуникация не может существовать как *tabula rasa*, и «всякое конкретное высказывание находит тот предмет, на который оно направлено, всегда уже оговоренным, оцененным. Этот предмет пронизан точками зрения, чужими оценками, мыслями, акцентами. Высказывание входит в эту диалогически напряженную среду чужих слов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одним, отталкивается от других, пересекается с третьими» (Бахтин 1975: 89-90). В каждом существующем тексте обнаруживаются следы целого универсума корреспондирующих друг с другом текстов. В данном случае

«каждый текст» означает не только целое литературно-художественное произведение, но и любое высказывание вообще.

Идея диалогичности, провозглашенной впервые в оригинальной форме Бахтиным в качестве конституирующего признака текстопорождения, была продолжена и радикализована Ю. Кристевой. Заменяя в своей концепции термин «диалогичность» «интертекстуальностью», автор неразрывно связывала последнюю с текстовым статусом в целом. Текст, по Кристевой, предстал как историко-культурная парадигма, «транссемиотический универсум», вбирающий в себя все смысловые системы и культурные коды, как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. В этом смысле всякий текст выступает как интертекст, а предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем. Между новым создаваемым текстом и предшествующим «чужим» существует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности. Интертекстуальность, по Кристевой, предстает как **теория безграничного бесконечного текста**, интертекстуального в каждом своем фрагменте. Настаивая на принципиальной неограниченности интертекстуального диалога, Ю. Кристева вслед за М. Бахтиным выдвинула идею открытого поливалентного текста, существующего в процессе потенциально бесконечной трансформации. Эта широкая концепция интертекстуальности была продолжена в тех или иных вариантах как в отечественном (Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, Б.М. Гаспаров, П.Х. Тороп), так и в зарубежном языкознании (R. Barthes, Ch. Grivel, M. Riffaterre, G. Genette и др.), предложившем своеобразное развитие концепции интертекстуальности.

Особой вехой становится теория французского семиотика-постструктуралиста Ж. Дерриды, обусловившего формирование нового подхода к изучению художественного текста в це-

лом. Основными идеями, провозглашенными Ж. Дерридой стали: относительность всяких границ – текста, сознания человека, всех областей человеческого знания; утверждение принципа рассеивания всякого смысла среди множества его различных оттенков. Согласно концепции Дерриды, всякий текст живет, лишь «бесконечно ссылаясь на нечто», среди откликов и следов одного текста в другом, не сводимых ни к какому синтезу. Все внимание исследователя должно быть сосредоточено на открытости смысла. И если М. Бахтин опирается на текст, открывая в нем принципиальную диалогичность (в этом смысле его концепция в строгом терминологическом значении скорее интратекстуальна, ибо рассматривает полифонию голосов преимущественно внутри одного отдельно взятого текста/высказывания), то постструктуралистские исследования в духе Кристевой и Дерриды делают акцент на общем интертекстуальном пространстве, на модели центростремительной в отличие от центробежной модели Бахтина.

Новые ракурсы в эти исследования привнес и романист Р. Барт. Продолжая учение о раскрытости текста в бесконечность, он делает акцент в первую очередь на рецептивно ориентированной стороне интертекстуальности, уточняя ее как «непрерывное чтение в бесконечном тексте». Этот взгляд дополняется размышлениями М. Риффатера о рецептивном акценте в теории универсальной интертекстуальности, согласно которому механизм «интертекстуального чтения» приводится в действие только при участии воспринимающего сознания читателя.

Провозглашенная в радикальной теории интертекстуальности открытость текста рассматривается как идейная основа постструктурализма/постмодернизма – того широко распространенного и влиятельного течения в западной культуре, которое провозглашает свободную игру с текстом и его деконструкцию, децентрацию основой интерпретации. Постструктуралисты отказывали в самодостаточности отдельному – инди-

видуальному – тексту и осмысливали каждое отдельное высказывание/текст только и именно как элемент общего культурно-семиотического кода. Каждый текст рассматривался как множество явных и неявных цитат, «осколков чужого голоса». Принцип «децентрации» структуры текста, рассеяния его смысла наиболее последовательно формулируется в работах Ж. Деррида и связывается с утверждением принципа «свободной игры» (*free play*) с текстом. Фактически интерпретация приравнивается к деконструкции текста и предполагает обнаружение смыслов, не обязательно осознаваемых автором. «Открытость текста» подразумевает неограниченность «открытий» читателя в этом тексте (подр. см.: Щирова, Тураева 2005: 118-126).

В целом констатируется, что развитие радикальной постструктуралистски ориентированной теории интертекстуальности происходило во Франции и в США и связывается с культурно-семиотическим подходом к литературе, культуре, обществу как открытому безграничному явлению. И в этом случае интертекстуальность связывается с чрезвычайно широкой концепцией с далеко идущими методологическими последствиями. В основе подобной концепции лежит сложный комплекс идей структурализма, философии Гегеля и Маркса, психоанализа в духе Фрейда и Лакана. Подобная широкая теория открытого общества и открытого текста достаточно сложно совместима с практикой лингвистического анализа. Эта теория, повторим, не задумывалась и не создавалась как собственно лингвистика текста с ее специальными задачами и взглядами на текст как объект анализа.

Широкая концепция интертекстуальности, создаваемая именно как литературоведческий и культурно-семиотический подход, оказывалась трудноприменимой в практике конкретного лингвистического анализа. Рассматривая всякий текст как интертекст, а интертекстуальность как сущность литературной коммуникации, широкая радикальная концепция тем самым

растворяла сами понятия текста и текстуальности. По логике радикальной концепции в центре внимания оказывались не (столько) тексты, а лишь отношения между ними. Недифференцированная универсальность, провозглашаемая этой теорией, не позволяла отличить собственно интертекстуальность от неинтертекстуальности, во-первых, различные исторические и типологические формы интертекстуальности, во-вторых. При такой интертекстуальной абсолютизации происходит растворение самоценности авторского сознания в коллективном.

10.2. Интертекстуальность как «узкая концепция» межтекстовых связей

Несмотря на то, что термин «интертекстуальность» был введен в 1967 г. Ю. Кристевой как представителем «радикального лагеря», активное употребление в научном обороте он получил благодаря т.н. «узкой концепции». Заметим здесь, что сама Ю. Кристева не использовала свой термин «интертекстуальность» уже с середины 1970-х гг. и заменила его в последующих рассуждениях термином «транспозиция». Собственно этим термином она пользуется уже в своей докторской диссертации 1974 г. «*Revolution du langage poetique*» (См. об этом Linke, Nussbaumer 1998:109). Разумеется, что термин «транспозиция» не просто заменяет собой слово «интертекстуальность», но показывает большую радикализированность, расширенность взгляда на взаимодействие текстов и связанных с ними смыслов. Очевидно также и то, что глобальная теория интертекстуальности приводила к неизбежному размыванию границ этого понятия, его инфляции.

Узкая концепция интертекстуальности преодолевала этот чрезвычайно широкий разброс и нацеливалась на конкретно очерченные и обозначенные отношения между текстами (их фрагментами). Фактически, узкая концепция интертекстуальности обращалась к тем явлениям, которыми давно занималось литературоведение в связи с исследованием проблем литера-

турного заимствования, влияния, внутренних мотивов произведения и т.д. (см. представленные ранее приемы стилизации, пародирования, коллажа). В силу этого отношения за рамками нелитературного дискурса, в смысле широких психоаналитических и культурологических экскурсов, не выдвигались в центр интересов узкой интертекстуальности. Ее задачами объявлялись дифференциация, классифицирование, т.е. фактическое обозначение типа отношений, в которые один конкретный текст вступает с другим (-и). Такая интертекстуальность должна была заниматься изучением цитат, различных форм чужой речи, аллюзий, реминисценций как включений в чужой текст. Именно такое определение интертекстуальности и такого рода классификация предлагается, например, в учебнике И.В. Арнольд «Стилистика. Современный английский язык» (2002: 71-72). Заметим, однако, что понимаемая так, узко маркированная интертекстуальность, часто и, согласимся, что по праву, «бойкотуруется» учеными как ненесущая новой исследовательской точки зрения. Узкая концепция интертекстуальности, по мнению ряда авторов, повторяет под новой этикеткой старые взгляды литературоведения, риторики, классической филологии. Действительно перспективным направлением анализа со значительным эвристическим потенциалом следует считать представления об интертекстуальности как текстовой категории, т.е. в перспективе задач и категорий лингвистики текста.

10.3. Интертекстуальность как текстовая категория

В лингвистику текста концепция интертекстуальности пришла, как известно, позднее получившей известность радикальной теории интертекста. В соответствии с текстолингвистическим пониманием интертекстуальность выступает как текстовая категория и как особое качество определенных текстов, взаимодействующих в плане содержания и выражения с иными текстовыми целыми или их фрагментами. Интертекстуальность рассматривается в системе критериев текстуальности в целом

и предполагает воспроизводимость в конкретном текстовом экземпляре инвариантных текстообразующих признаков, определяемых моделью его текстопостроения и -восприятия – типом/жанром текста. В этом случае речь идет о *типологической интертекстуальности*. Она характеризует роль текстообразовательной модели или, точнее, текстотипологического знания о модели в производстве и восприятии отдельных текстовых экземпляров. Это принципиально важное дополнение, и именно в этом смысле интертекстуальность – типологическая интертекстуальность – понимается как признак текста вообще. После того, как Р.-А. де Богранд и В. Дресслер одними из первых предложили свою модель текстуальности и типологической интертекстуальности в ее системе (см. раздел I) этот взгляд утвердился и повторялся во многих авторитетных изданиях, в том числе справочного характера.

В связи с размежеванием т.н. широкой и узкой концепций интертекстуальности Рената Лахманн, одна из ведущих немецкоязычных исследователей интертекстуальности, предложила различать онтологический и дескриптивный текстовый аспекты, т.е. 1) диалогичность как всеобщее измерение текста, его внутренне заданную, имманентную структуру и 2) диалогичность как особый способ построения смысла, как диалог с определенной чужой смысловой позицией, т.е. собственно интертекстуальность. Такая точка зрения дополняется исследованиями другого германиста – К. Штирле, - который выделяет, с одной стороны, универсальную интертекстуальность, позволяющую так или иначе коррелировать практически каждый текст с другим существующим, а с другой стороны – собственно «привилегированную», актуализированную интертекстуальность (Stierle 1983: 10). В этом случае интертекстуальность ограничивается такими диалогическими отношениями, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к отдельным предтекстам (группам предтекстов) и/или лежащим в их основе смысловым кодам. Авторитетный немецкий лингвист М. Пфистер и

его соавтор по коллективной монографии У. Бройх разделяют интертекстуальность по принципу «системно-текстовая референция» - «однотекстовая референция» (Systemtextreferenz – Einzeltextreferenz; Pfister, Broich 1985). Таким образом, противопоставляются отношения между двумя и более конкретными текстами, с одной стороны, и между текстом и системой текстов, с другой. Такой подход и в такой терминологии получил широкое распространение и заимствуется в последующих публикациях (ср.: Гончарова, Шишкина, 2005: 23).

Таким образом, согласно лингвистическому толкованию, об интертекстуальности следует говорить в том случае, когда автор **намеренно тематизирует** взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств. Интертекстуальность в таком ее понимании сводится к **намеренно маркированной интертекстуальности**. Это предполагает, что не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных предтекстов, но и адресат способен верно определить авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Речь идет, следовательно, о таком коммуникативном процессе, необходимой предпосылкой и условием которого является «интертекстуальное сознание» обоих партнеров. При этом адресат направляется автором в его интертекстуальном чтении «по следам». В работе Сюзанны Хольтуис (1993) предлагается в этой связи особый термин «интертекстуальная диспозиция», который означает наличие в тексте определенных интертекстуальных сигналов или индикаторов, способных мотивировать реципиента к поиску связей данного текста с иными. Примечателен в этой связи подход С. Загера, который выделяет 3 формы интертекстуальности:

- 1) абстрактную – потенциально возможную интертекстуальность;
- 2) актуальную, когнитивную интертекстуальность;
- 3) текстуально выраженную интертекстуальность.

Первая форма характеризует широкие культурно-семиотические отношения в текстовом универсуме – то, что принято называть радикальной интертекстуальностью. Когнитивная интертекстуальность, по Загеру, подразумевает отношения между текстом и его реципиентом, возникающие в процессе декодирования и интерпретации. И третья из перечисленных форм означает выраженность в текстовой ткани текстового диалога через разного рода сигналы (ср.: Sager 1997: 111).

10.4. Функционально-прагматическое содержание интертекстуальности как категории открытости текста

По завершении этих рассуждений целесообразно вернуться к первоначальному определению интертекстуальности как “категории открытости текста”. Принимая это определение в качестве базового, следует уточнить то содержание, которое передается им в соответствии с моделью тематизированной интертекстуальности. Если радикальная широкая концепция интертекстуальности подразумевает в качестве своей основы открытость текста в бесконечность, то ее “прикладная” модель вносит в понятие открытости иное содержание, более определенное в прагматическом и тематическом отношениях. На наш взгляд, возможно выделить несколько содержательных граней открытости.

Во-первых, это – содержательно-смысловая незамкнутость текста по отношению к иным конкретным текстовым системам и структурам и, во-вторых, его открытость читателю, тезаурус которого также представляет собой незамкнутую систему пресуппозиций, обуславливающих полноту восприятия всех элементов текстового целого. Эти аспекты очень тесно связаны между собой - их можно рассматривать как две проекции единого измерения. Здесь будет уместно воспользоваться предложенным М. Пфистером делением интертекстуальности на “вертикальную проекцию”, ориентирующую текст на определенные предшествующие или современные ему тексты, и “горизонтальную”,

т.е. рецептивно-ориентированную проекцию, в которой текст соотносится с субъектом речи и ее адресатом (Pfister 1985:11).

“Вертикальная проекция” концентрируется на такой стороне интертекстуальной открытости, которая показывает, как комбинации конкретных текстовых наложений друг на друга создают дополнительные смыслы. За счет введения чужого текста во внутреннее смысловое поле другого происходит трансформация семиотической ситуации внутри принимающего текстового мира. Текст, выведенный из состояния семиотического равновесия, начинает выступать как “генератор смыслов” (термин Ю.М. Лотмана). Смыслообразующие процессы приводятся в действие за счет соположения разнородных смысловых пластов, через смысловую напряженность между данным текстом и инородным для него включением.

Следовательно, здесь на первый план выходит смыслообразующий потенциал интертекстуальности, ее способность выступать как средство построения смысла произведения. Показательно, что немецкий лингвист В. Шмид прямо переводит интертекстуальность в план “интерсемантической” (Intertextualität als Intersemantizität), т.е. в такой тип отношений, который вместе с диалогом текстов (т.е. интертекстуальностью — В. Ч.) также имплицитно диалог текстовых значений (Schmid 1983:144-145).

Итак, специфика “межтекстовой открытости” заключается в том, что она обеспечивает диалог смысловых позиций и мнений, являющийся по своей сути моделью “виртуального” общения авторов, разделенных пространственно-временной реальностью, для создания новых смыслов в процессах текстотворчества.

“Горизонтальная проекция” текстовой открытости ведет к диалогу автора и адресата как основных антропоцентров коммуникации и лежит в основе заложенной автором программы рецептивных действий, оптимизирующей текстовое восприятие.

Уже отмечалось, что предпосылкой адекватного декодирования произведения является наличие интертекстуальной компетенции у читателя. Интертекстуальный потенциал, заложенный в тексте, реализуется через взаимодействие текста с читателем, его фондом знаний и установок на восприятие. Именно читательское восприятие приводит в действие интертекстуальную диспозицию и обеспечивает интертекстуально направленную интерпретацию текста, (“intertextuell gelenkte Textinterpretation”, ср.: Holthuis 1993:32-33). Иными словами, индикаторы интертекстуальности, внесенные в текстовую ткань автором, идентифицируются как таковые лишь воспринимающим сознанием. Именно читатель сообщает им их интертекстуальную значимость. Поэтому автор должен “открыть” получателю сообщения свой замысел через систему средств интертекстуальной адресованности.

Эти утверждения с очевидностью подводят наш анализ к факту взаимообусловленности между интертекстуальностью как категорией «открытости текста» и *адресованностью*. Под адресованностью в ее антропоцентрическом толковании понимается “свойство текста как реального объекта, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности” (Воробьева 1993:2). Наличие чужого воспринимающего сознания является основополагающим условием всякой коммуникации вообще и онтологически присуща языку во всех его функциональных проявлениях.

В специальных исследованиях высказывается точка зрения о том, что содержательный объем адресованности шире ее толкования как коммуникативно – прагматической направленности текста на субъект его восприятия. Категория адресованности самым прямым образом связана с адресованностью текста к иным текстам. Такое единство intersубъектной и интертекстуальной адресованности как текстообразующих факторов обуславливает когнитивную и коммуникативно – прагматиче-

скую активность антропоцентров литературной коммуникации: автора и читателя (Гончарова, Бондарева 1995:15-16). Эти выводы дополняются идеей о возможности членения общей коммуникативно-прагматической категории адресованности на 3 вида в зависимости от направленности и характера адресатных отношений, а именно: на межсубъектную адресацию как реализацию диалога основных участников коммуникации — автора и читателя; междискурсную /внешнетекстовую/ адресацию, включающую адресатное отношение между текстовой и объективной, внешней по отношению к нему действительностью; внутритекстовую адресацию как замкнутую на реципируемый текст программу интерпретативных действий, предложенную автором потенциальному читателю (Романова 1996). Два основных сегмента в представленной таким образом полевой структуре адресованности - межсубъектная и междискурсная адресация - связаны между собой интегративными отношениями и в комплексе влияют на коррелирующую с ними внутритекстовую адресацию.

Существуя в неразрывной интегративной связи друг с другом, *межсубъектная и междискурсная проекции* раскрывают основное содержание интертекстуальности как категории открытости текста.

Далее, а это уже третий содержательный аспект, следует выделить *тематическую и логическую открытость текстов одного автора друг другу*. Несомненно, что творчество каждого писателя осуществляется в рамках его индивидуальной идейно-тематической системы, объединяющей его духовные ценности и познавательные приоритеты. Каждое последующее произведение одного автора является реализацией этой тематической макросистемы и относится к ней как часть к целому. В этой связи Е.А. Гончарова предлагает рассматривать индивидуальную систему определенного писателя, все созданные им художественные произведения как некий *архетекст*, теоретически вероятную текстовую форму, выводимую путем сопос-

тавления реально существующих текстов с единой содержательной основой — авторской концепцией действительности. Отдельные литературные тексты, имеющие фиксированную словесно-письменную форму, выступают как части этой глобальной структуры, связанные глубинными смысловыми отношениями (Гончарова 1993:21). Интертекстуальность как внутренняя открытость глобально понимаемой авторской концепции мира связывает по принципу тематической прогрессии весь комплекс идейных позиций, смыслов и тем, когда-либо актуализированных субъектом творчества и объединяет в единую макросистему все созданные им тексты.

Наряду с этим, об открытости можно говорить и в случае *внутренней содержательно-тематической прогрессии отдельно взятого текста*, раскрывающейся в его поступательном движении от смысла к смыслу (глубинный уровень) и от одной структурно-композиционной части к другой, как то введение, отдельные разделы, заключение, к другой (поверхностный уровень). Такая “внутритекстовая” открытость важна как идея разложимости целого текста на некие составляющие его части, коррелирующие между собой тематически и формально и обеспечивающие смысловое развитие его основной темы.

Еще одной сущностной формой интертекстуальности как открытости следует считать *типологическую открытость текстов одного жанра (типа, класса) друг другу*. Типологическая принадлежность текстов имеет чрезвычайно важное и во многом определяющее значение. Каждый тип текста отличается определенной системой закрепленных за ним специфических признаков, на основании которых к нему могут быть отнесены отдельные тексты. При этом тип текста существует в единстве как инвариантных, строго обязательных и постоянных признаков, так и вариативных, реализующихся не в каждом текстовом экземпляре. Учет альтернатив, т.е. различных способов реализации модели, всегда важен при рассмотрении сложившихся типов текста. Однако их коммуникативно-

функциональное ядро составляют инвариантные признаки, которые обладают прототипической повторяемостью всякий раз в процессе создания новых текстов соответствующей типологической принадлежности. Это означает, что тексты одного типа "открыты" друг другу и интертекстуальны в том смысле, что в них всегда обнаруживаются общие черты их текстуальности, маркирующие в глазах реципиента их принадлежность к одному и тому же типу. Открытость подразумевает здесь наличие типологически мотивированных отношений между сходно построенными текстовыми целыми.

Продолжая градацию различных ракурсов интертекстуальной незамкнутости текста, необходимо отметить и такую ее сторону, как *открытость (отдельного) типа текста более общим функционально-стилистическим и дискурсивным системам*. Тип текста охватывается типологической единицей более высокого уровня абстракции, объединяющей тексты с одинаковой функциональной спецификой, принадлежностью к определенной сфере коммуникации, типу дискурса. Следовательно, отдельный текст через общие стилевые черты "открыт" по отношению к глобальным функционально-коммуникативным классам текстов или дискурсам: через определенные конструктивные параметры он обнаруживает свою общность со всеми иными текстами разговорно-обиходного, газетно-публицистического, научного и т.п. класса, входит в общую с ними типологическую нишу.

10.5. Виды интертекстуальных связей

Наиболее дифференцированная попытка создать типологию интертекстуальных отношений представлена в трудах французского лингвиста — классика в исследовании интертекстуальности Ж. Женнета, а в немецкоязычной литературе в работе М. Пфистера (1985).

Так, Ж. Женнет, который оперирует своим особым термином "транстекстуальность" для общего обозначения межтек-

стового взаимодействия, выделяет 5 типов интертекстуальных отношений: 1) *интертекстуальность* как непосредственное сосуществование двух или более текстов в одном, как-то цитата, намек, плагиат; 2) *паратекстуальность* как отношение между текстом и его заголовком, предисловием, послесловием, эпиграфом и т.д.; 3) *метатекстуальность*, т.е. комментирующее, критически-оценочное обращение одного текста к другому предтексту; 4) *гипертекстуальность*, когда один текст берет за основу другой и который, в отличие от случая интертекстуальности, не обязательно присутствует в нем — имитация, адаптация, пародия, травести и 5) *архитекстуальность* как типологическая соотнесенность текстов одного класса/типа (Цит. по: Pfister 1985:16-17; Holthuis 1993:46).

Нельзя не признать, что такая иерархизация отражает главным образом идеальные случаи тематизации интертекстуальных (или “транстекстуальных”, оставаясь в терминологии автора) отношений. Во многих вариантах возможны перекрещивания типов между собой. Например, критика как форма интертекстуальности может быть отнесена и к типу архитектекстуальности, и к метатекстуальности, равно как и цитата отражает одновременно интертекстуальность и гипертекстуальность, по Женнету. А такой качественный признак как архитектекстуальность может характеризовать любой текст по признаку его жанровой (типологической) принадлежности.

Другую модель интертекстуальности предлагают М. Пфистер и его соавтор по коллективной монографии У. Бройх. Здесь основу для дифференциации отдельных видов интертекстуальных связей составляет, во-первых, разделение интертекстуальности по принципу “системно-текстовая референция” — “однотекстовая референция” (Systemtext-referenz - Einzeltextreferenz). Таким образом, разделяются отношения между 2-мя конкретными текстами, с одной стороны, и между текстом и системой (других) текстов, с другой. И во-вторых, осуществляется дальнейшая детальная дифференциация этих

типов на основе 6 качественных критериев, определяющих интенсивность интертекстуальных отсылок.

Первый критерий – *референциальность* постулирует, что отношения между текстами тем интенсивнее, чем в большей степени один текст тематизирует другой, раскрывая его специфичность. В этом смысле последующий текст становится мета-текстом для предшествующего, но не в хронологическом смысле “после”-текста, а в семиотическом — “над”-текста. Вторым критерий, *коммуникативность*, обозначает степень осознанности интертекстуальной отсылки со стороны автора и реципиента, степень ее интенциональности. Третий критерий – *авто-рефлексивность* – тесно связан с предыдущими. Он показывает, что автор не только осознанно и явно маркирует интертекстуальные отсылки, но и уделяет особое значение метакоммуникативному аспекту, т.е. разъясняет обусловленность интертекстуальной включенности другого текста. Далее, четвертый критерий – *структуральность* – определяет, в какой степени предтекст становится структурной основой для нового целого текста.

Селективность, или *избирательность* как пятый критерий уточняет степень отчетливости и показательности заимствования в новом контексте, его способность выступать как *pars pro toto*. Наконец, последний шестой критерий – *диалогичность* – должен определить характер новой контекстуализации заимствованного фрагмента, степень его дистанцированности или ассимилированности с новым принимающим контекстом (Pfister 1985:26-29). Согласно точке зрения М. Пфистера, эта модель интертекстуальности может быть представлена как система концентрических кругов, центр которой маркирует максимальную степень интертекстуальности, убывающей по мере удаления от центра.

Так, рассмотрим экземплярно цитату с точки зрения ее интертекстуального статуса. В соответствии с критерием референциальности отдельная цитата обнаруживает незначитель-

ную интертекстуальную интенсивность, т.к. эпизодически обращается к своему базисному произведению, равно как эта интенсивность незначительна и с точки зрения структуральности. Если же рассматривать цитату с позиций коммуникативности, авторефлексивности и диалогичности, то она имеет большой интертекстуальный заряд, особенно значительным он может оказаться в смысле селективности, когда одна точная и емкая цитата способна передать основной смысл или содержательный нерв целого произведения.

Другая форма интертекстуальности — плагиат, например, отмечена слабой интертекстуальностью на основании критериев референциальности и коммуникативности, т.к. автор не только не обозначает, но и всячески стремится скрыть соотнесенность своего текста с первоисточником, но с точки зрения структуральности плагиат, напротив, сильно интертекстуален, подобно пародиям, имитациям и травести.

Качественные критерии, по Пфистеру, дополняются такими количественными параметрами, как *плотность и количество введенных во взаимодействие текстов* (Pfister 1985:30). Совместно с соответствующими качественными параметрами они определяют общую интенсивность интертекстуальности в конкретном текстовом примере.

Добавим, что релевантность тех или иных критериев интертекстуальности должна определяться для конкретных случаев текстопорождения и -взаимодействия, т.к. не все они имеют одинаковую качественную выраженность в разных типах коммуникации, например, в художественной и научной коммуникации. Это согласуется с представлением об интертекстуальности как градуальном, прототипическом явлении.

10.6. Маркированность интертекстуальных связей

Понятие маркированности занимает ключевое место в системе рассуждений о межтекстовых связях. Это вопрос о том как, с помощью каких лингвистических сигналов делается ви-

димым взаимодействием одного текста (и его автора) с другим текстом или же системой текстов, на разных уровнях коммуникативно-прагматической открытости текста. **Маркированность** подразумевает **наличие на фонетическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом, композиционном уровне лингвистических сигналов межтекстового диалога**. Понятие маркированности связывается, прежде всего, с осознанными, намеренными, отчетливыми, материализованными в тексте, т.е. актуализированными отсылками к другим текстам. Это значит, что маркированность оценивается со стороны авторской интенциональности.

В области литературной коммуникации проблема маркированности смыкается с концепцией *«актуализации»*, в трактовке Пражской лингвистической школы, или *«выдвижения»*, по И.В. Арнольд. В художественном, поэтическом тексте намеренное и сознательное усиление какой-либо структурной или семантической черты возможно даже у самой нейтральной единицы. Она становится выразительным средством, выдвинутым на первый план в сложной структуре текстового целого. Выдвижение или актуализация означает здесь нарушение привычной языковой нормы. «Выдвижение – это способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» (Арнольд 2002: 99). Стилистика декодирования, разработанная в трудах И.В. Арнольд, базируется на ряде принципов выдвижения, «один из которых заключается в облегчении декодирования сообщения и создании такой упорядоченности информации внутри текста, благодаря которой читатель сможет расшифровать ранее неизвестные ему элементы кода» (там же).

Наряду с термином «выдвижения» и «актуализации» в современных исследованиях в области семантики, прагматики, нарратологии, когнитивной психологии известны термины

прагматический фокус, коммуникативный фокус, фокус внимания, фокализация.

Понятие *фокуса* или *акцента* предполагает существование в текстовом пространстве некоего центра видения, делающего изображаемый предмет наиболее отчетливым и выпукло «материализованным» в тексте, и периферии видения, смещающей акценты в соответствии со значимостью того или иного языкового явления в текстовой системе. Понятие «*прагматическое фокусирование*» выступает как интегративное, генерализующее понятие. В связи с ним показательны исследования Т.А. ван Дейка. Согласно мнению ученого, при передаче информации в тексте некоторые ее фрагменты получают «специальную обработку вниманием», а именно: некоторому объекту может отводиться особое, привилегированное место, и тогда этот объект считается находящимся в фокусе и выделяется из множества других, образующих его окружение (ван Дейк 1978:316). Прагматический фокус, по ван Дейку, ставится во взаимосвязь с вниманием и интересом читателя.

В тексте прагматическое фокусирование предстает как «иерархизированная система формально-содержательных способов привлечения внимания читателя путем акцентирования тестовых элементов, несущих наиболее значимую информацию» (Богданова 2000: 4). Прагматическое фокусирование обеспечивает «остановку» читателя в процессе восприятия текста на одном из его участков путем концентрации всех когнитивных усилий для его выделения и распознавания. Важным качеством прагматического фокусирования, по мнению О.А. Богдановой, является его *нежесткий характер*: это *гибкая стратегическая процедура* в рамках творческого замысла автора, реализуемая в каждом конкретном тексте специфическим образом.

Применительно к интертекстуальности и сигналам интертекстуальности сказанное здесь означает выявление тех средств, которые обеспечивают межтекстовому диалогу при-

вилегированное место в центре читательского внимания. Следовательно, маркированность подразумевает средства привлечения внимания реципиента через нарушение однородности текстовой ткани. Маркированность означает некий «шов» в текстовом целом, делающий видимым соединение «своего» и «чужого». Это своего рода отпечаток текстовых контактов. При таком подходе, повторим, дифференциальным признаком становится намеренность и целенаправленность интертекстуального соприкосновения, осознаваемого как таковое автором.

Здесь возможен и иной взгляд с рецептивно-ориентированных позиций: читатель способен увидеть и узнать диалог текстов независимо от того, намеренно или ненамеренно (интуитивно) сам автор использовал его. Это значит, что признаком маркированности можно считать распознаваемость лингвистического сигнала со стороны адресата: маркировано, значит идентифицируется получателем сообщения как сигнал интертекстуальной связи.

В специальной литературе существуют различные классификации, систематизирующие виды межтекстового взаимодействия по параметрам их интенсивности и, значит, «броскости» для читателя.

Итак, маркированность является необходимым компонентом интертекстуального взаимодействия в его различных формах. Ее релевантным признаком выступает мера, степень отчетливости; однозначности, т.е. эксплицитности выражения границы или «шва» между чужим и своим текстом. Маркеры интертекстуальности могут быть введены автором в виде прямого указания на источник в сносках, пояснениях, словах персонажей, но могут основываться на очевидной для читателя гетерогенности текста. Она создается за счет введения во внутреннее поле текста чужеродных ему элементов, нарушающих общую стилистику повествования. В этом случае эффективность декодирования обеспечивается интертекстуальной компетенцией читателя, хранящего в своей памяти следы ранее прочитанного.

О маркированности следует говорить в том случае, когда заимствованный текстовый фрагмент обозначен с помощью принятых *графических знаков* и *библиографических ссылок*. Такими знаками в практике цитирования являются кавычки, смена шрифта, разрядка, подчеркивание, а так же точные ссылки с общепринятыми сокращениями и сноски.

Возможны также неполные ссылки – сноски без точного указания страниц для использованного текстового фрагмента – так называемые фоновые ссылки с указанием лишь источника (автора) цитирования, но без дополнительной графической маркировки. Такие маркеры широко распространены в научной коммуникации.

Отсылка к чужому смыслу может осуществляться как намек, рассчитанный на активное соучастие читателя, его интертекстуальное знание. Художественная коммуникация, стилистический эффект которой во много связан с подтекстовой информацией, тяготеет к завуалированности, имплицитности сигналов интертекстуальности, тем самым оставляя широкое интерпретационное пространство для адресата. В этом случае авторская стратегия поддерживается за счет таких единичных или существующих в комплексе интертекстуальных маркеров, как заголовки, эпиграф, выбор “говорящих” имен, повтор ритма.

Заголовок представляет собой наиболее явное средство для обозначения соотнесенности собственного произведения с другим, современным или предшествующим, когда в заглавие выносятся или имя персонажа предтекста или намек на схожесть с сюжетной линией. Характер заголовка обращает читателя в нужную автору текста сторону и “напоминает” ему предтекст. Например: “Страдания молодого В.” У. Пленцдорфа – “Страдания молодого Вертера” Гете; “Доктор Фаустус” Т. Манна – “Фауст” Гете; “Мсье Кихот” Г. Грина – «Дон Кихот» Сервантеса и т.д. Интертекстуальный потенциал произведения может обнаруживаться и в *заголовке отдельных глав*, а не только целого текста, как, например, в романе «Волшебная гора»

Т.Манна глава «Вальпургиева ночь» недвусмысленно отсылает читателя к гетевской «Вальпургиевой ночи» из «Фауста».

Эпиграф в художественных произведениях также имеет большую возможность для актуализации интертекстуальных связей особенно в силу своей расположенности в сильной позиции текста. Обращаясь к чужому голосу для подкрепления своей точки зрения, автор направляет читателя к прототипическим произведениям (см. об этом подробно Кузьмина 1999, главы 3 и 4).

Выбор *имени* персонажа или введение в текст действующих фигур из иных произведений также существенны. Здесь можно сослаться на яркий и потому часто комментируемый пример из романа У. Эко „Имя розы“: соотнесенность детективной линии романа из истории средневековья с традицией детективных романов Конан Дойля актуализируется благодаря одному только имени главного героя – Баскервиль. Этого оказывается достаточно, чтобы обратить внимание читателя на межтекстовую взаимосвязь и активизировать его фоновые историко – филологические знания.

Повтор текстовой формы (структуры, ритма), отдельных лексических средств, напоминающий читателю другой текст, как тип интертекстуальной маркированности широко используется в пародийных текстах, где должна хорошо узнаваться структура предтекста. Ср.: Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen...(Goethe) // Kennst du das Land, wo Einheits – Phrasen blühen... (Dingelstedt) // Kennst du das Land, wo die Kanonen blühen...(Kästner).

Заимствование синтаксической структуры в качестве интертекстуального сигнала показываем пример рекламного слогана “Brave Autos kommen in die Garage. Der Rocsta kommt überall hin”. Здесь заимствуется название книги У. Эрхардта “Brave Mädchen kommen in den Himmel, böse überall hin” (1994), известной немецкому читателю. При сохранении синтаксической структуры вариативно ее лексическое наполнение.

К сигналам интертекстуальной адресованности относятся также *смена языкового кода*, обнаруживаемая, например, через иноязычные, иностилевые, архаичные и т.д. включения в ткань изложения, как это показано в примерах стилизации или сказа. Интертекстуальным сигналом может стать *изменение формы тематического развертывания* (функционально-смыслового типа речи, в иной терминологии). Примером этому может служить включение аргументативного изложения, свойственного научному стилю, в информационно-оценочное сообщение, внутри текста рекламы или гороскопа (см. Чернявская 2000).

Статус интертекстуального маркера получает и *изменение на уровне архитектоники и композиции*, когда используются «другие», нетипичные для данного текста начальные, вводные, заключительные формулы, например, «Жила-была ванна с акриловым покрытием». Здесь инициальная формула сказки как самостоятельного типа текста вводится в структуру рекламного текста (ср.: раздел 5.5 и 8.1.).

Очевидно, что названные маркеры интертекстуального диалога по-разному функционируют в различных коммуникативных сферах или дискурсах. Показателем различий может стать сравнение научной коммуникации, с одной стороны, и художественно-эстетической, с другой. Будучи важнейшими сферами человеческого познания и деятельности, они в разной мере и с разными целями обращаются к интертекстуальности как к средству создания новых смыслов.

10.6.1. Интертекстуальность в научной коммуникации и ее маркеры

Так, научный текст представляет собой вербализованное научное знание, а первичный научный текст (монография, статья) нацелен в первую очередь на представление нового научного знания как результата познавательно-творческой деятель-

ности ученого это новое знание возникает всегда как продолжение уже известных, т.н. «чужих» текстов, как реакция на них.

Особая эпистемическая ситуация в научной речи показывает основания для рассмотрения интертекстуальности как абсолютного смысло- и текстообразующего принципа в научной речи. Основные модели интертекстуальности – широкая и узкая, специфика интертекстуальности в научных текстах по сравнению с иными сферами коммуникации, уровни интертекстуальной открытости, средства актуализации интертекстуального диалога подробно рассмотрены в работах (Чернявская 2000; 2004). Суммируем важнейшие заключения.

В научном тексте интертекстуальность выступает как особый способ построения смысла, как диалог с определенной чужой смысловой позицией. При этом интертекстуальность проявляет себя как эксплицитно маркированное взаимодействие между конкретными текстами, видимое для читателя благодаря особым формальным средствам – маркерам интертекстуальности. Подчеркиваем, что *в научной речи интертекстуальность выступает как универсальный принцип построения научного текста на уровне содержания*. Интертекстуальность объясняет тот факт, что всякое научное произведение лучевым образом – ретроспективно и проспективно – связано с другими исследованиями и выступает как своеобразный *микротекст* в общенаучном *микротексте*. Научная новизна отражает поступательность, эволюционность, преемственность научного познания во временном контексте.

Если на уровне содержания можно говорить об абсолютном характере проявления интертекстуальности в научных текстах, то в плане выражения у научной речи имеется менее широкий спектр языковых средств для ее выражения по сравнению с художественной литературой.

Коммуникативно-прагматическая специфика науки обуславливает особый характер языкового выражения межтекстового взаимодействия. Маркированность является необходимым компонентом интертекстуальности в языке науки. Ее релевант-

ным признаком выступает степень отчетливости, однозначности, т.е. эксплицитности выражения границы или "шва" между чужим и своим текстом. Условия коммуникации между учеными требуют полной определенности и однозначности в объяснении той или иной гипотезы, теории и не допускают завуалированности отсылок. Все отсылки к чужим идеям должны быть ясно обозначены и обоснованы для читателя, а границы своего и чужого знания четко маркированы. Это способствует однозначному восприятию содержательной стороны сообщения. В языке науки широко представлены, следовательно, только *эксплицитные маркеры интертекстуальности*, а именно, *цитаты*, выделенные кавычками или другими графическими средствами, *косвенная речь*, *фоновые ссылки*, *примечания*, *сноски*.

При этом языковая реализация заимствованного знания может осуществляться с разной степенью полноты и эксплицитности. Выделяются:

- интертекстуальные отсылки, которые ориентированы на вербализованное воспроизводство предтекста в поверхностной структуре нового текста (т.н. отсылки in presentia) [I] и
- интертекстуальные отсылки, которые лишь указывают на предтекст, но не вербализуют его в текстовой ткани и, соответственно, выступают как маркеры глубинного уровня (т.н. отсылка in absentia) [II].

К числу первых следует отнести различные формы экспликации чужой речи: цитату, косвенную речь, референцию, т.е. указание на чужой текст, выраженное одним словом или словосочетанием. Второй тип интертекстуальной соотнесенности представлен фоновой ссылкой, кратко обозначающей автора текста и год его издания, но не воспроизводящей его конкретные фрагменты, а лишь отсылающей к ним.

Существенное значение имеет далее модифицированный/немодифицированный характер заимствования. Иначе это может быть сформулировано как проблема «дословно-

го/недословного» воспроизведения чужой речи. Само понятие «дословности» достаточно относительно и ограничивается творческой природой текстовой деятельности, которая всегда имеет интерпретативный характер. Следовательно, в любых формах передачи чужой речи будет выражаться активное отношение одного высказывания к другому. Взаимоотношения авторской и чужой речи определяются взаимодействием двух противоположных тенденций. С одной стороны, – к сохранению внешних границ и аутентичности передаваемой речи в новом контексте, что реализуется при цитировании. Язык стремится обозначить отчетливые внешние контуры чужой речи, оградить ее от проникновения комментирующих интонаций, т.е. ввести как цитату. С другой стороны, происходит процесс прямо противоположного характера, а именно, гибкое внедрение авторского комментирования в чужую речь. Авторский контекст стремится к преодолению замкнутости чужой речи, к стиранию ее автономности. Последняя плавно вливается в обрамляющий ее контекст и ассимилируется с ним в большей или меньшей степени. Свое конкретное языковое воплощение это находит в особых моделях косвенной речи.

Цитата понимается здесь как дословное воспроизведение фрагмента предтекста, обособленное от остальных высказываний формальной маркировкой (главным образом, кавычками или сменой шрифта) с обязательной отсылкой к соответствующей странице источника. Она передает чужой смысл с помощью чужих слов и имеет максимально выраженную автономность в новом текстовом окружении. Графическая маркировка является тем сигналом чужеродности, который отчетливо очерчивает грань между своим и чужим текстом, не позволяя последнему «раствориться» в оценивающих и комментирующих высказываниях другого ученого. Вместе с этим, цитата при новой контекстуализации сопровождается особыми **ремарками**, назначение которых состоит в том, чтобы формально и со-

держательно интегрировать цитату в новую текстовую систему, определить ее функциональное назначение и оценить с точки зрения совместимости с авторской концепцией. Ремарки могут образовывать комплекс интерпретирующих и оценочных высказываний в виде целых предложений, словосочетаний или отдельных слов, расположенных пре-, пост- или интерпозитивно к цитате. Ремарки определяют характер диалогических отношений, в которые вступает цитата или новой контекстуализации в зависимости от своей функции: аргументирующей, подменяющей, иллюстративной.

По целям введения в текст выделяем следующие типы цитат:

1. Цитата-аргумент. Используется преимущественно в доказательной функции для придания убедительности и достоверности выносимым оценкам и заключениям, как средство поддержания доказательной стратегии автора текста в целом. Такая цитата часто представляет собой одно из аргументирующих суждений в общей системе доказательств. Она, как правило, соединяется с авторским высказыванием соответствующими синтаксическими связками со значением логического следствия и взаимообусловленности: *denn, weil, da, daraus ergibt sich* и т.п. и интегрируется в целостную доказательную систему, построенную автором.

2. Цитата-пример необходима в первую очередь для наглядного и конкретного представления (иллюстрации) фрагмента чужого текста в принимающем новом тексте. Цитата-пример избирается как наиболее показательная формулировка определенной части заимствованного чужого знания. Во многих случаях она вводится в сопровождении стандартизированных конструкций, подчеркивающих ее иллюстративный характер. Таковыми являются ремарки цитирования типа *es heisst bei A. wörtlich; zum Beleg das folgende Zitat; beispielsweise; Als ein Beispiel für viele ist ein Zitat aus... anzuführen.*

3. Цитата-заместитель используется для выражения точки зрения автора текста с помощью чужих слов. В данном случае

на первый план выходит ее подменяющая функция. Цитата-заместитель отражает факт совпадения мнения двух (и более) авторов и идентификации знания, излагаемого одним исследователем, со знанием, полученным другим. Такая цитата сохраняет стиль речи другого автора, ее выразительность и терминологию. Она часто сопровождается пояснениями типа: *das heisst; mit anderen Worten; anders (genauer, präziser) ausgedrückt/formuliert*. Также авторские высказывания могут содержать словосочетания и предложения с номинацией субъекта старого знания типа: *bezugnehmend auf A.; in Anlehnung an A.; im Anschluss an A.; mit A. meinen wir, dass... .*

Между указанными типами цитат в научной речи не проходит резких границ – в каждой цитате могут одновременно сосуществовать доказательно-подкрепляющее, подменяющее и иллюстративное начало.

Важной чертой первичных научных текстов, как статей, так и монографий, является использование *полисубъектных цитатных комплексов* – текстовых отрезков, представляющих собой цитатные заимствования из разных произведений и актуализирующих в принимающем текстовом пространстве сразу несколько самостоятельных субъектов познания. Такие цитатные комплексы объединяются общей смысловой направленностью и представляют собой цепочку контактно распложенных предложений – цитат и авторских ремарок, создающих в своей совокупности смысловую прогрессию в рамках данного микроблока. В цитатных комплексах определяющую роль играют метакоммуникативные ремарки, они несут на себе главную прагматическую нагрузку всего речевого отрезка, расставляя смысловые акценты, определяя иерархию исследовательских приоритетов.

Принципиально иную – *аналитическую* – модель передачи чужой речи представляет собой *косвенная речь*. Обязательным признаком косвенной речи является анализ, неотделимый от передачи чужого высказывания. Трансформации, с которы-

ми неизбежно связана передача чужого содержания в форме косвенной речи, прослеживается как на уровне формы, так и – более или менее существенно – на уровне содержания.

Формальные трансформации подразумевают необходимую компрессию, изменение дейктической перспективы, вариативные повторы и т.п. Типичным для первичных научных текстов, и немецких, и английских, являются следующие виды косвенной речи.

- 1) ИмPLICITная косвенная речь, свернутая в субстативные (*die Feststellung von A. ...* или предложно-вербальные сочетания (*A. verwies in seinem Buch auf...*
- 2) Пересказанная косвенная речь с сохранением первоначальной субъектно-предикатной структуры и обязательным указанием на источник знания типа: *nach A., so B., so die Gedankengänge von C.*

В немецком языке существует особая форма передачи косвенной речи: косвенная речь, маркированная конъюнктивом и/или в форме придаточного предложения с союзом или без него.

Особой формой передачи чужой речи являются *именные словосочетания со значением объекта и субъекта знания* типа: *der Dialog-Begriff von Bachtin; die Mendleschen Gesetze; das Kuhn-Paradigma*, получающие статус терминологически закрепленных понятий и актуализирующие в сжатой форме интертекстуальную связь одной концепции с другой (-ими), в соотносительности с субъектом познания и его результатом одновременно.

Научные тексты содержат значительное количество *фоновых ссылок, т.е. ссылок только на название источника, автора, год издания*, как правило, во многом превышающие объем косвенной речи и/или цитат (подр.: Чернявская 2004).

Рассмотренные на примере научной коммуникации сигналы интертекстуальности дают представление об эксплицитной, явно выраженной на поверхности текста маркированности. Это – те сигналы, которые наиболее отчетливо, безошибочно для ад-

ресата и прагматически сфокусировано показывают взаимодействие между конкретными текстами / смысловыми системами.

10.7. Визуализированная интертекстуальность как интериконичность

Понятие "**интериконичность**" обозначает такие ситуации коммуникативного взаимодействия, когда в основе создания последующего вербального текста лежит исходный – прецедентный – текст не вербального, но визуального характера (Kessler, Hellwig 2004: 389). В этих случаях речь идет о том, что на основе интерпретации существующих визуальных изображений – картин, карикатур, плакатов и т.п. выстраивается иное содержательно-смысловое единство, фиксируемое в вербальном высказывании. Возникаемое таким образом текстовое и шире – знаковое – взаимодействие может быть представлено как **визуализированная интертекстуальность**. Показательны следующие примеры.

Так, в основе рекламной акции специального выпуска журнала "Bild" положено измененное изображение широко известной фрески Микеланджело из Сикстинской Капеллы "Сотворение Адама". Изменение коснулось одной детали в исходном изображении: вместо направленных навстречу и соединенных рук Адама и Создателя показана лишь рука Адама, пальцы которой сложены в виде "фиги". В сочетании с сопроводительным текстом "Alles über die Generationenkonflikt. Jetzt im Handeln" ("Все о конфликте поколений. Теперь в продаже") создается совершенно иной смысл о противоречиях между отцами и детьми, контрастный заложенному в первичном тексте (фреска Микеланджело) смыслу (см. об этом: Kessler, Hellwig 2004: 390).

Другой пример визуализированной интертекстуальности: карикатура, помещенная в газете "Berliner Morgenpost", изображает канцлера Германии Г.Шредера как "Властелина Колец". Это сопровождается обозначением "Herr der Ringe", соответственно названию узнаваемого массами предтекста. Визуальный же

компонент этой карикатуры не соответствует содержанию книги: слово "кольцо" ("Ring") визуализируется как множество нулей в стоящем под изображением тексте: "Arbeitslosenzahl: 4000000" ("Число безработных – 4000000") (там же, с. 397).

Раздел 11. Открытый текст и открытый дискурс: от интертекстуальности к интердискурсивности

Современные исследования, постулирующие, что текст нельзя рассматривать как некий заключительный уровень коммуникативной иерархии, что существует метатекстовый уровень, уровень дискурса, делают не только возможным, но и необходимым уточнение ряда принципиальных позиций в классической теории интертекстуальности. *Какой взгляд на текст и интертекстуальность диктуют нам когнитивно ориентированные разработки?* Представляется возможным следующее уточнение.

Тексты существуют в общем когнитивном пространстве, которое может быть сопоставлено с неким общим предтекстом, или интертекстом, или «текстом в голове», в духе идей Ю. Кристевой, Ж. Дерриды, М. Риффатера и др. Литературоведческая теория интертекстуальности привлекла внимание к *наиболее общим отношениям, возможным между текстами*. Это – взаимодействие на уровне ментальных процессов, подразумевающее использование в различных текстовых системах неких общих когнитивных и коммуникативно-речевых стратегий автора сообщения, реализацию общих операциональных шагов, установок, детерминирующих в конечном итоге определенную общность текстовых структур и их формальных элементов. Эти отношения предшествуют конкретной текстовой реализации, возникают и существуют как вокруг- и над- текстовый фон. Эти отношения, возникающие при оперировании общими прототипическими правилами, стратегиями текстообразования,

общими смысловыми системами, кодами, возникают на уровне не текста, но дискурса.

И автор текста, и читатель разделяют знание об общих ментальных принципах, типологических моделях текстопроизводства или культурных кодах. Это их общий транссемиотический универсум, их интертекст или «текст в голове», согласно широкой концепции интертекстуальности, что с моей точки зрения точнее называть *интердискурсом*, поскольку речь идет об интегрированном в целостную систему человеческом знании, рассеянном во многих дискурсивных формациях.

Масштаб, степень влияния этого когнитивного феномена («текста в голове») на конкретные текстообразовательные процессы и их результаты – высказывание/текст, может быть большим или меньшим. К. Адамчик приводит в связи с исследованием когнитивных феноменов выразительный пример, который очень иллюстративен для наших рассуждений: если человек слышит прогноз погоды о том, что будет дождь, он не раскрывает зонт сразу же после прослушивания этого сообщения, но лишь берет зонт с собой. Так и «текст в голове», т.е. знание о ранее прочитанных/прослушанных текстах, сложившиеся оценки, интерпретации, смыслы etc., становится когнитивным фактором, влияющим на порождение или восприятие других текстов, влияющим не только и не обязательно в непосредственной связи, но и в отдаленной проекции (Ср.: Adamzik 2004:95). Очень близко к этой мысли высказывается и И.К. Архипов:

«При построении сложных языковых знаков дискурса говорящий опирается на *известные ему* наиболее общие способы его организации. Например, он *знает (помнит)* определенные алгоритмы появления комбинаций слов и средств связи между ними и использует их для обеспечения **связности** высказывания.

Далее, он так же знает, что в своем изложении он может опираться (ссылаться, намекать) на информацию, содержащуюся в других источниках. Он *помнит* эту информацию в той или иной степени и объеме. Он также *надеется* или *уверен*,

что аналогичными или почти такими же знаниями обладает и его слушатель. Благодаря этому знанию он вводит в свои цепочки дискурса цитаты или аллюзии. Осознание связи данной цитаты или аллюзии с каким-то содержанием, которое «встречалось в других текстах», а на самом деле, соотносится с состояниями сознания другого или других коммуникантов, творивших свои дискурсы, следует назвать **интердискурсивностью**» (Архипов 2004: 13, выделено автором).

Итак, подчеркнем: *если речь идет о непосредственном влиянии текстовых систем друг на друга, то мы имеем дело с эксплицитными маркированными отсылками к чужому конкретному тексту, с одной стороны – либо к текстообразовательной модели, по которой построен данный текст, с другой.*

Если это влияние актуализируется не через языковые знаки, но как сходство тем, сюжетов, мотивов etc., то, очевидно, имеет место диалог дискурсов, т.е. интердискурсивность.

Обратимся к примерам, позволяющим прояснить эту точку зрения.

1 а.

Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Соотечественники! Представители разных вер, исповеданий, учений, национальностей и этнических меньшинств! Воины! Генералы, офицеры и старшины! Солдаты и матросы! Работники милиции, органов охраны общественного порядка, юстиции и Госбезопасности! –

Не убейте!

(...) Молодежь! Рабочие и крестьяне! Служащие и учащиеся! Студенты и студентки! Комсомолки и комсомольцы! Учащиеся училищ и старших классов

средних школ! Семейные и несемейные, партийные и беспартийные! –

Не сотворите себе кумира!

(Пригов 2002: 229-230)

16.

***Grüne Gebote der ökologischen Kriegsführung
Nato-Soldat, Dein humanistischer Kampfauftrag
stellt hohe Anforderungen an Dich!***

Dein Flugzeug verbraucht wertvolle Ressourcen. Warte den Kat Deines Düsenantriebs regelmäßig! Rase nicht, fliege mit angemessener, umweltschonender Geschwindigkeit! Nutze Fluggemeinschaften!

Schütze die Pflanzen- und Tierwelt! Vermeide Belästigungen in Naturschutzgebieten!

Verwende umweltfreundliche Sprengstoffe, insbesondere wenn Wassergewinnungsanlage Dein Ziel sind!

Schone Feuchtbiotope! Erschrecke das Wild nicht, gerade jetzt, wo es seine Jungen aufzieht!

Bei Flügen über bewohnten Gebieten: Beachte den Lärmschutz zwischen 22 und 6 Uhr!

Bürger im Krisengebiet, auch Du trägst große Verantwortung!

Trenne den Bombenschutt ordnungsgemäß! Holz, Buntmetall- und Eisenteile können - getrennt entsorgt – ein wertvoller Rohstoff sein. Kompostiere organische Stoffe! Biologische Abfälle gehören in die entsprechende Tonne!

Halte Dich auf der Flucht an die markierten Wege! Wer die vorgeschriebenen Routen verlässt, fügt der Natur Schaden zu!

Wirf keine Verpackungen weg, nutze die von den Hilfsorganisationen ausgegebenen Gelben Säcke! Chemische Klos nie außerhalb geordneter Deponien entsorgen!

Jetzt ist die beste Gelegenheit, zu wertvoller Naturkost zurückzukehren! Aber bedenke trotzdem beim Sammeln im Wald, dass manche seltenen Beerenarten unter Schutz stehen!

Hilf den Kröten, es ist Leichzeit!

(Eulenspiegel 1999, № 45)

Приведенные на русском и немецком языках тексты сходны по существу, они оба – примеры сатирического текста, оба обнаруживают сходство с таким видом текста, как пародия. И мы можем определить эти примеры а) и б) как пародию, т.е. контрастное по семантике и общему стилистическому звучанию соотнесение нового текста (Т 2) с его предтекстом (Т 1). В примере 1 а) сильное диалогическое напряжение между различными текстовыми системами создает, в числе других, интертекстуальная отсылка. Предтекст, а именно, библейские заповеди узнаваем благодаря заимствованиям на уровне формально-архитектонического построения текста, повторению синтаксических структур, лексического и грамматического параллелизма, за счет прямых цитат, типа «Не убейте!». Семантическая модификация при пародировании возникает при этом за счет смыслового напряжения и дистанцирования соприкасающихся концептуальных систем.

При этом обнаруживается принципиально значимый для последующих выводов ракурс: имеет место не только семантическая конфронтация с отдельным предтекстом как таковым. Одновременно с этим на контрастном фоне одного текста (в данном случае с выраженным канонизированным характером) актуализируются системные, т.е. в современном понимании, дискурсивно обусловленные характеристики: библейский пред-

текст появляется в образе стереотипизированных советских призывов и лозунгов. Важным конституирующим фактором является здесь, таким образом, то, что знакомый читателю библейский текст (Т 1) вступает в смысловую конфронтацию не с отдельным конкретным текстом, но с макротекстом (читай – дискурсом!) советской эпохи. И возникающая в результате текстовая система пародии существует как результат актуализации различных дискурсов – библейского, с одной стороны, и советского социалистического, с другой. Коммуникативным результатом такого столкновения дискурсов является ироническое обесценивание советской и религиозной морали. И, следовательно, в сознании читателя задается особая смысловая перспектива как результат *контрастного переключения с одной системы знаний и оценок на другую*. Происходит смена дискурса, порождающая на текстовой плоскости особую ситуацию не только интертекстового, но и интердискурсивного взаимодействия.

Немецкий текст 1 б) обнаруживает аналогичную стратегию текстового построения через имитацию библейских заповедей – с одной стороны. Это сигнализируют языковые единицы, типичные для религиозной заповеди: лексема Gebote в заголовке, обращение к адресату, императивные конструкции, типа Vermeide..., Verwende..., Hilf... . При этом совершенно очевидно, что в этой текстовой системе присутствует еще один *дискурс* – дискурс экологии, т.н. «зеленого движения». Здесь следует говорить именно об игре текста с другим дискурсом, а не об игре текста с текстом. Сатирической критике подвергается военная акция стран НАТО против Югославии в 1999 г., а именно, воздушные атаки, в которых принимали участие, в том числе, и военные силы Германии. Двойные стандарты, циничность заявлений натовского руководства о заботе о мирном населении Югославии во время бомбежек фокусируются для читателя через семантический контраст военных реалий, разрушений, нападения и позитивного, мирного настроения экологиче-

ского и библейского дискурсов. Инструкции для натовского солдата, идущего бомбить мирное население, выглядят как экологические предписания по охране окружающей среды. Экологический дискурс актуализируется в текстовой ткани своими лексическими маркерами: *mit umweltschonender Geschwindigkeit; die Pflanzenwelt schonen; umweltfreundliche Sprengstoffe verwenden; den Lärmschutz beachten*. При этом весь текст воспринимается как содержательный оксюморон на фоне собственно зеленого дискурса: сочетания типа «экологически чистые взрывчатые вещества» (*umweltfreundliche Sprengstoffe*), гуманистическая военная задача (*humanistischer Kampfauftrag*), раздельная утилизация взрывных осколков (*Trenne den Bombenschutt ordnungsgemäß*) и др. существуют как семантически несоединимое и обуславливают в своей совокупности сатирический эффект текстового целого.

Рассмотренные здесь примеры являются иллюстрацией того, как *на текстовой плоскости* происходит *смена дискурса*, осуществляется *интердискурсивное взаимодействие*. Пародия как особая форма текстового взаимодействия делает возможным такое сопоставление игры текста с текстом или же текста с целым дискурсом. Собственно, сделанные замечания позволяют по-новому взглянуть на феномен пародирования, уточнить лежащий в его основе механизм.

11.1. Интертекстуальность vs интердискурсивность как механизм пародирования

Возможно утверждать, что пародия может соотноситься как:

- с отдельным текстом, так и
- с текстообразовательной моделью, с целым дискурсом как совокупностью многих содержательно-тематически объединенных текстов.

Это значит, что предтекст вводится в пародию с разной степенью абстрактности – как конкретное текстовое целое со своими

индивидуальными чертами, как общая текстообразовательная модель и, наконец, как дискурсивное целое. Поясним сделанное утверждение через сопоставительный анализ различных пародий.

1. Rotkäppchen auf Amtsdeutsch

Im Kinderanfall unserer Stadtgemeinde ist eine hierorts wohnhafte, noch unbeschulte Minderjährige aktenkundig. Welche durch ihre unübliche Kopfbedeckung gewohnheitsrechtlich Rotkäppchen genannt zu werden pflegt. Der Mutter besagter R. wurde seitens ihrer Mutter ein Scheiben zustellig gemacht, in welchem dieselbe Mitteilung ihrer Krankheit und Pflegebedürftigkeit machte, worauf die Mutter der R. dieser die Auflage machte, der Großmutter eine Sendung von Nahrungs- und Genußmitteln zu Genesungszwecken zuzustellen. Vor ihrer inmarschsetzung wurde die R. seitens ihrer Mutter über das Verbot betreffs Verlassen der Waldwege auf Kreisebene belehrt. Dieselbe machte sich infolge Nichtbeachtung dieser Vorschrift straffällig und...

2. Rotkäppchen auf Reklamedeutsch

Es war einmal ein Kind, das hiess Rotkäppchen, weil es kein Käppchenmuffel war, sondern stets ein hautvertragliches Hütchen trug, das war röter als das rötteste Rot unseres Lebens, dazu kochecht, absolut waschmaschienefest, mit doppeltem Mittelstück und patentiertrm Verschluss. Zu dem sprach die Mutter: "Mach mal Pause und geh zur rieselfreudigen Grossmutter, denn sie ist krank, weil sie nicht bei der Mesallina versichert ist. Wäre sie es, könnten wir dem Schlimmsten ins Auge sehen, denn bei Unfalltod zahlt die Kasse für Leute, denen das Beste gut genug ist, sogar das Doppelte. Bring ihr ein paar verbrauchernahe Dinge des gehobenen Bedarfs: gaumenfreudige Kartoffeln,

Fleisch von glücklichen Ochsen, Käse vom Fusse von Alpen, ein aktuelles Vollwaschmittel...“

3. Rotkäppchen AG

Es war einmal eine kreditwürdige, zahlungsfähige junge Kundin, die Rotkäppchen hieß und der die Deutsche Bank einen Kontokorrentkredit gewährte. Jedermann liebte diesen vertrauenswürdigen Kreditnehmer, am meisten aber ihre flexible Großmutter, die in Rotkäppchen schon viel investierte und ihm den Betrag in Höhe von 10.000 EUR monatlich überwies. Da sich der Börsenhandel gut abwickelte, erzielte die Großmutter somit einen hohen Gewinn und sie konnte dem Rotkäppchen ein Käppchen von rotem Sammet anschaffen; und weil ihm das so wohl stand und Rotkäppchen nichts anderes mehr tragen wollte, gründete es eine Aktiengesellschaft mit dem Namen Rotkappchen AG. Am Verfalltag sprach seine Mutter zu ihm: „Komm, Rotkäppchen, da hast du einen Bausparvertrag, den unsere Oma mit der Bausparkasse zu den günstigsten Konditionen abschließen wollte. Und wie du als eine anpassungsfähige, realitätsbewusste und delegationsbereite Managerin weifit, nach Abschluss eines Bausparvertrags erwirbt der Bausparer den Anspruch, ein zinsgünstiges Darlehen zu erhalten...

Анализ этих текстов целесообразно строить при сравнении их с примером пародии “Das neue Rotkäppchen”, приведенной в разделе 5.2.

Пародии 1. «Красная Шапочка на официально-деловом языке» и 2. «Красная Шапочка на языке рекламы» показывают явление, по сути отличное от пародирования текста текстом. В этих примерах пародируется *не другой текст* (не сюжетное, композиционно-содержательное, идейное наполнение другого

текста), но другое дискурсное целое: язык канцеляризов, язык рекламодателей и язык экономистов в примере 3. В пародиях меняется не только стиль, стилистическая окраска и лексический состав, но меняется целый сегмент коммуникации. Ироничному изображению подвергается система текстов, объединяемых в соответствующий дискурс. Объектом пародирования является не какой-либо один, конкретный текст, но вся совокупность потенциально возможных текстов, стоящих за своим дискурсом. В примере 1 пародируется нравоучительный характер официально-канцелярского дискурса. Ср. типичные для этого дискурса сложных отглагольные существительные *Inmarschsetzung*, *Genesungszwecke*, глагольные конструкции *sich straffällig machen*, *aktenkundig sein*; предлоги *infolge*, *seitens*; прономинативы *dieselbe*, *dieser*; генитивные конструкции *infolge Nichtbeachtung dieser Vorschrift*, *Mitteilung ihrer Krankheit*; безличный стиль, создаваемый безличными пассивными конструкциями, типа *wurde belehrt*, *genannt zu werden pflegen* и определениями, наречиями *besagte*, *gewohnheitsrechtlich*, сокращениями *die R.*, *der R.*

«Красная Шапочка на языке немецкой рекламы» использует типичные, регулярно повторяющиеся в сходных коммуникативных ситуациях языковые единицы, среди которых бросаются в глаза оценочные определения качества товаров и услуг: *hautverträgliches Hütchen*, *mit doppeltem Mittelstück*, *patentiertem Verschluss*; конструкции с семантикой гиперболизации положительной оценки качества: *Röter als das rötteste Rot*, *absolut waschmaschinenfest*, *das Beste*. При этом в сказочную картину мира вводятся современные реалии, типа «быть застрахованным, биопродукты и т.д. Ср.: *bei Unfalltod zahlt die Kasse*, *gaumenfreudige Kartoffeln*, *Käse vom Fuße der Alpen* и др.

Пример 3 демонстрирует игру пародии с дискурсом экономики. Здесь маркерами интердискурсивности выступает типичная для языка экономики терминология: *kreditwürdige*, *zahlungsfähige Kundin*, *Kontokorrentkredit*, *Kreditnehmer* и многое другое.

В рассмотренных случаях следует говорить не об интертекстуальном, но об *интердискурсивном взаимодействии как механизме пародирования*. И усматриваемое различие в механизмах пародирования определяется различными функциями пародирования, а именно, тем, является ли пародия предметом или же средством, инструментом сатирического изображения.

Может возникнуть вопрос, какова вообще цель подобной детализации в анализе и разграничения отдельных вариантов пародирования. И шире – *какова цель введения термина «интердискурсивность» на фоне уже имеющегося и широко шагающего за пределы своих узких границ термина «интертекстуальность»?* Не дублирует ли *интердискурсивность* теорию *интертекстуальности* и не означает ли «дурную бесконечность» в гегелевском смысле удвоения и повторения известного?

В предложенном анализе хотелось бы видеть не классификацию ради классификации, но прежде всего попытку расширить наши представления о механизмах понимания и механизмах отражения действительности в текстах. Принципиально значимо следующее.

11.2. Интердискурсивность как механизм текстообразования

Тексты взаимодействуют друг с другом. Следы этого взаимодействия становятся видны на текстовой плоскости благодаря лингвистической выраженности интертекстуального диалога. При этом лингвист изучает именно тексты и имеет дело с интертекстуальностью в системе средств и сигналов ее выражения на текстовой плоскости.

Современный уровень лингвистической теории, развивающейся поступательно во взаимодействии с другими науками, прежде всего, когнитивного и коммуникативного направления, заставляет нас утверждать: тексты приходят во взаимодейст-

вие потому, что взаимодействуют «когнитивные модули» в человеческой системе знаний. Это значит, что сплетению в текстовое целое многих различных знаков, смыслов, кодовых систем предшествует взаимодействие на уровне ментальных процессов, операциональных процедур. Интертекстуальности, таким образом, предшествует когнитивное know-how на дотекстовом уровне. Этот уровень – уровень интердискурсивности.

Итак, интертекстуальность и интердискурсивность взаимобуславливают друг друга. Взаимодействие дискурсов предшествует взаимодействию текстов. При этом в строгом смысле, интердискурсивность становится видимой на текстовой плоскости благодаря сигналу межтекстового диалога, т.е. интертекстуальности. Повторяя здесь В.А. Миловидова, «в интертексте пересекаются не дискурсы, а их следы, тексты. Чужих дискурсов не может быть по определению, есть чужие тексты. ... Интертекстуальный анализ, в его наиболее последовательной форме, должен ... учитывать все и всевозможные дискурсы, соучаствующие в формировании интертекста. Интертекстуальный анализ подразумевает в конечном счете анализ ... интердискурсивной работы, процедур текстопостроения, в основе которых взаимодействие и взаимопересечение «чужих» дискурсов» (Миловидов 2000: 76-77).

В практическом ключе подчеркнем существенное для нас замечание. Изучая текст, исследователь приходит к выводам о природе дискурса, детерминирующего своей регулярностью текстовую специфику. Еще точнее говоря, только и именно изучая текст, можно прийти к дискурсу. И продолжая эту мысль – изучение интертекстуальности открывает следующий уровень коммуникативной системы, интердискурсивность. *Интердискурсивность* как смена дискурса, как игра с дискурсами *становится видимой только в текстовой ткани, т.е. через разного рода интертекстуальные сигналы.* В понимаемом так диалектическом единстве этих категорий мы видим не дублирование понятий, но раздвижение исследовательского горизонта и

расширение «спектра видения» лингвиста. Интертекстуальность может сигнализировать о феномене, выходящем за границы текста.

11.3. Маркеры интердискурсивности

В разделе 7.6. показывались маркеры интертекстуальности, делающие видимым «шов» между различными текстами / их фрагментами. Логично поставить вопрос о маркерах, сигналах диалога дискурсов. Суммируя рассуждения об интердискурсивности, приведем в наиболее общих чертах возможные маркеры интердискурсивности, т.е. те сигналы, которые в тексте могут обозначить соприкосновение и взаимодействие дискурсивных систем.

Смена текстового типа, то, что в предыдущих рассуждениях называется как *монтаж* или *смещение текстовых типов*, способно стать сигналом интердискурсивного взаимодействия на уровне игры с текстообразовательной моделью. Подобный «монтаж текстотипов» очень часто происходит и без эксплицитно маркированных интертекстуальных отсылок к конкретным предтекстам (как мы видели в предыдущих примерах). Например:

Дневник Ксении Калининой:

7 сентября, среда. Здравствуй, мой старый дневник! После жаркого, бурного лета я вновь листаю твои страницы и вспоминаю весь прошедший год. Вот череда моих неудачных попыток сбросить вес: мучительные диеты, которые приносили лишь временный эффект, а затем – еще больший набор веса. Потом было раздельное питание – и опять неудача. Я тогда просто не знала, какие продукты могут принести мне реальную пользу.

И вдруг случилось чудо – после долгих месяцев неудач и мучений я наконец нашла простой и верный способ. По-

звонила на горячую линию..... и подробно изучила сайт... Врач медицинского центра помогла мне понять, что похудение – не волшебство, а серьезный процесс, требующий внимания, любви к себе и дисциплины. Я узнала, что теперь у всех худеющих появился незаменимый помощник – швейцарский препарат. Действуя исключительно внутри кишечника, он не дает усвоиться 30 % жира, который мы – что уж тут поделаешь – поглощаем с пищей. Препарат помог мне начать работу над своим рационом – не на время, а на всю жизнь.

* * *

Письмо счастья

Это письмо счастья. Тому, кто его прочтет и будет принимать Ново-Пассит, тому будет счастье. Одна певица принимала сироп Ново-Пассит, стала спокойной и вышла замуж. А другой певец не принимал Ново-Пассит, и было у него нервное расстройство. Он поругался с одной журналисткой, и ему объявили бойкот. Один миллионер принимал Ново-Пассит в таблетках, и у него не было сонливости и привыкания, он даже купил футбольную команду. А другой миллионер не принимал Ново-Пассит, и его посадили в тюрьму.

Расскажите об этом письме семи друзьям, принимайте Ново-Пассит для успокоения, и Вам будет счастье. Потому что Ново-Пассит состоит из натуральных экстрактов семи лекарственных трав – валерьяны, мелиссы, зверобоя, боярышника, хмеля, пассифлоры и черной бузины. Да пребудет с Вами сила семи трав - Ново-Пассит!

Эти примеры, как видим, представляют собой рекламные тексты, подлинный тип текста – реклама. Однако оба рекламных объявления структурно воспроизводят иной тип текста – личный дневник и т.н. «письмо счастья», известное многим гражданам, соответственно. Здесь происходит, таким образом, монтаж текстотипов, моделей текстового построения, и это совершенно очевидно для адресата: и подлинный, и лежащий в его основе базовый тип текста узнается безошибочно как таковой. Автор такого текста играет с читательским знанием о существовании разных текстообразовательных моделей. И именно когнитивная составляющая – условие и предпосылка для понимания игры с нормой. Интертекстуальное напряжение становится здесь видимым благодаря особым маркерам: композиции текстов, типичных для соответствующих текстовых моделей лексических единиц. Персуазивный, воздействующий эффект возникает в результате ясно и сфокусировано выделенной противоположности одной и другой текстовых систем. Эффект, к которому здесь стремится создатель текста – в эмоциональной экспрессии, создании доверительного, интимизирующего изложения, как в первом случае, или же броского, неординарного, запоминающегося сообщения, как во втором.

Подобный «монтаж текстотипов» очень часто происходит и без эксплицитно маркированных, т.е. интертекстуальных отсылок к конкретным предтекстам (как мы видели в предыдущих примерах).

Маркером интердискурсивности может стать *графическое средство*: тип, форма шрифта. Использование готического шрифта в текстах национал-социализма, например, было призвано связать в глазах читателя историческое прошлое Германии и ее новую «миссию», провозглашенную в III Рейхе. Аналогичный прием используют рекламодатели, стилизующие письменное рекламное сообщение под информационную статью в советской газете «Правда». Так, рекламный лозунг одного из современных гипермаркетов – «В Ленте дешевле» печатается

шрифтом, в точности воспроизводящим шрифт названия «Правды» советских времен, графически оформляется так же, как заголовок этой газеты, и эмблема магазина «Лента» стилизуется под изображение ордена Ленина, создавая визуальную референцию к центральной газете. См.:

Использование рукописного шрифта или шрифта, имитирующего детские надписи, часто выступает как стилизация «письма от руки», что является маркером перехода к обиходному стилю общения и служит средством интимизации изложения, например, в печатных объявлениях в СМИ, граффити, рекламных лозунгах и т.д. Показателен следующий пример рекламы одной из современных сетей магазинов:

В качестве еще одного примера могут быть приведены современные устные рекламные сообщения на TV, когда об открытии нового торгового комплекса или массовом развлекательном мероприятии или акции по снижению цен etc. сообщается с теми интонациями, акцентами, другими просодическими характеристиками, общим пафосом, которые напоминают слушателю информационные сообщения о полете человека в космос или же крупных достижениях и прорывах в экономике и науке. Часто даже тембр голоса озвучивающего рекламный ролик человека схож с голосом дикторов советской эпохи. Таким образом, рекламный текст имитирует советский новостной дискурс, стилизуется под него, а коммуникативный эффект заключается, с очевидностью, в создании эмоционального подъема, экспрессии, особой привлекательности и эксклюзивности рекламируемого продукта/услуги. И здесь маркером интердискурсивности выступают *паралингвистические средства: просодия, акцент, тембр голоса.*

Подчеркнем еще раз следующее. В такого рода примерах в диалогическое соприкосновение приходят не конкретные тексты с другими текстами, но именно дискурсивные системы как предзаданные когнитивные системы мышления, культурные коды, коммуникативно-речевые стратегии. И в качестве маркеров интердискурсивности здесь выступают не вербальные цитаты, но просодические, графические или иные признаки, типичные для одного типа дискурса и переключающие воспринимающее сознание на другой дискурс.

Заключение

Суммируя рассуждения об интертекстуальности как традиционной для лингвиста категории и об интердискурсивности как относительно новому предмету исследования, считаю возможным сделать ряд *заключений*.

Текст сегодня должен анализироваться – и анализируется! – вместе со следующей за ним единицей коммуникативной иерархии – дискурсом. Текст не противостоит дискурсу, но сосуществует с ним. Для лингвиста это означает укрупнение объекта анализа, выведение его в метаперспективу и в новую систему координат. Именно с укрупнением и расширением лингвистического объекта следует связывать меняющиеся взгляды на сущность текстуальности и ее признаков. Дискурсивность как один из признаков в системе текстуальности характеризует особое свойство текста – его интегрированность в метапространство дискурса, открытый текст существует в открытом дискурсе.

Наряду с текстовой категорией интертекстуальности целесообразно говорить о когнитивной категории интердискурсивности, отражающей взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий. Интердискурсивность характеризует, таким образом, когнитивные процессы, предшествующие конкретной текстовой реализации. Лингвистическим выражением, делающим видимыми когнитивные феномены на текстовой плоскости, является интертекстуальность с системой своих эксплицитных или квазиэксплицитных маркеров.

Интердискурсивность не тождественна интертекстуальности, если понимать под интертекстуальностью особый способ создания нового текста через однозначно маркированный эксплицитный диалог «своего» и «чужого» текстов. Ограничение в содержании понятия интертекстуальность, а именно фокусирование ее текстолингвистического наполнения в смысле наме-

ренно тематизированных, маркированных так или иначе отсылок от текста к тексту, позволит уйти от известной девальвации этого термина, когда повторю, всякие, даже отдаленные отношения между текстами по сходству тем, сюжетов, идей, именуются как интертекстуальные.

Интердискурсивность запускает в действие иные механизмы тексто- и смыслообразования. В отличие от интертекстуальности как одного из возможных способов создания нового текстового смысла через доступную лингвистическому наблюдению игру на текстовой плоскости с элементами из других самостоятельных текстов, интердискурсивность предполагает «переключение» на другую систему знания, кодов и другой тип мышления в сознании реципиента. Это – не диалог «своего» и «чужого» текстов в форме цитат, аллюзий, реминисценций, но взаимодействие, взаимоналожение различных ментальных, т.е. над- и предтекстовых, структур, операций, кодовых систем, фреймов в процессе текстопроизводства. В его готовом результате - на текстовой плоскости – создается такая особая взаимосвязь языковых единиц, которая и инициирует в воспринимающем сознании (т.е. в голове читателя) переход от одного типа дискурса и, значит, типа мышления, к другому с целью создания сильного воздействующего эффекта. Воспринимающее сознание «переключается» в иное ментальное пространство и начинает «работать» с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке и интерпретации данного в тексте содержания.

Понимаемая так интердискурсивность не тождественна и тому феномену текстового взаимодействия, которое традиционно описывалось в рамках т.н. типологической интертекстуальности. Действительно, в исследованиях по интертекстуальности наряду с содержательно-смысловым уровнем открытости одного текста по отношению к другим выделяется еще и прототипический уровень, подразумевающий типологическую откры-

тость текстов одного функционального стиля, типа, класса к друг другу, или их системнотекстовую открытость. Типологическая интертекстуальность базируется на явлении стереотипности компонентов в структурно-композиционной организации соответствующих текстов и ориентирована на типологически мотивированные отношения между текстами. Эти отношения могут быть двоякого рода и предполагают, что отдельный текст интертекстуально соотнесен, во-первых, с определенным текстовым типом – канонизированной моделью производства и восприятия *аналогичных текстов* и, во-вторых, с другими конкретными текстами, имеющими *такую же типологическую принадлежность*. Именно в этом смысле мы говорим, что текстовый экземпляр есть представитель типа текста (жанра).

В случае интердискурсивности, как видится, речь идет о когнитивном переключении с одной типологической модели текстопроизводства и -восприятия, например, сказки, объявления, энциклопедической статьи и т.д. и т.п., на другую текстотипологическую модель, например, рекламное сообщение.

Возможно говорить о естественной, спонтанной, т.е. коммуникативно обусловленной интердискурсивности и о т.н. инсценируемой смене дискурса.

В первом случае можно указать на те ситуации, когда один специальный дискурс, например, дискурс генной инженерии, обнаруживает в себе языковые элементы: термины, коммуникативные стратегии содержательного развертывания и проч. других специальных дискурсов, не только общенаучного, медицинского, но и общественно-политического, этического и т.д. Примеры могут быть многократно продолжены. Такая спонтанная интердискурсивность демонстрирует естественный процесс реинтеграции человеческих знаний, рассредоточенных в разных дискурсивных формациях.

Инсценируемая интердискурсивность проявляет себя как особая стратегия автора, осознанно и целенаправленно решающего задачу формулирования своего текста, т.е. «осуще-

ствляющего транспозицию единиц из системы языка в систему текста через особый способ речевых действий» (Гончарова, 2003: 12 и след.). Применительно к лингвистическому анализу это связано с *вопросом о том, какие прототипические элементы, органично присущие одному типу дискурса, включаются в другой дискурс, с какой коммуникативной целью, и в каких формах эта моделируемая интердискурсивность становится видимой в процессе восприятия текста.* Очень продуктивными в этой связи являются разработки интердискурсивного характера художественных текстов, в частности, художественной литературы для детей. Тексты, адресованные детям – это взаимо-действие многих дискурсов: дискурса волшебного мира, учебного дискурса, игрового, морализаторского, дидактического, научного, социального и т.д. (см. Белоглазова 2000).

Интердискурсивность в представленном понимании является особой формой поликодности текста. При этом поликодность означает здесь не только взаимодействие различных семиотических систем при создании когерентного целого, не только вербально-визуальное единство (коммуникат, креолизованный текст). О поликодовом тексте возможно и оправданно говорить и в случае взаимодействия различных дискурсов как системы когнитивных стратегий, операциональных шагов, языковых единиц и структур и правил их использования и интерпретации в конкретных коммуникативных целях.

Потенциал современной лингвистической теории, ее продвижение вперед связаны, как видится, с подходом к тексту в гибкости и подвижности его границ. Границ внутренних, определяющих статус текстуальности как таковой, и границ внешних, межтекстовых, обуславливающих функционирование текста в нетипичных для него коммуникативных условиях. Процессуальность присутствует в тексте как его внутренне заложенный признак – это фундаментальное для предпринятого анализа суждение определяет взгляд на текст как гетерогенный фе-

номен его в различных проявлениях, как то: игра с текстообразовательной нормой, содержательная и функционально-стилистическая игра «своего» и «чужого» слова, наконец, игра как видимая на текстовой плоскости смена дискурсов – суть проявления подвижности и человекомерности текста. Процессуальность, потенциально заложенная в тексте, получает свою абсолютную выраженность в дискурсе.

Литература

- Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л., 1988.
- Адмони В.Г.* Система форм речевого высказывания. – СПб., 1994.
- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.* Медицинский дискурс. Теоретическая основа и принципы анализа. – Пермь, 2002.
- Алмазова Н.И.* Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2003.
- Алпатов А.В.* Стилизация речи // Русская речь. 1970, № 4.
- Анисимова Е.Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания, 1992, № 1. – С. 71-78.
- Арнольд И.В.* Интерпретация пародии и стилистические функции фразеологизмов // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Сборник статей. – СПб.: СПбГУ, 1999.
- Арнольд И.В.* Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). Лекции к спецкурсу. – СПб., 1995.
- Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Сборник статей. – СПб.: СПбГУ, 1999.
- Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта. Наука, 2002.
- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический Энциклопедический словарь. – М., 1990.
- Архипов И.К.* Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // Studia Linguistica. Вып. XIII. – СПб., 2004.
- Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. – М., 2003.
- Баженова Е.А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. – Пермь: ПГУ, 2001.
- Баженова Е.А.* Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции // Стилистика научного текста (общие параметры). Том 2, ч.1. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996. – С.158.

- Барст О.В.* Структурно-семантические особенности организации гипертекстового нарратива. Автореф. ... канд. филол. наук. – СПб, 2005.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. – М., 1979 а.
- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1979 б.
- Белоглазова Е.В.* Детская художественная литература в аспекте полидискурсности // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2006.
- Белянин В.П.* Введение в психолингвистику. – М., 1999.
- Богданова О.А.* Цвето- и светообозначение как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста. Автореф. ... канд. филол. наук. – СПб, 1999.
- Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М., 2003 а.
- Бондарко А.В.* Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность – вариативность. – СПб., 2003 б.
- Ваганова Е.Ю.* Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности (на материале немецкого языка). Автореф. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002.
- Ванников Ю.М.* Типы научно-технических текстов и их лингвистические особенности: Методическое пособие. – М.: ВЦП, 1985.
- Вайятт Г.* Когда информация становится знанием? // Коммуникация в современной науке. Перевод с английского. – М., 1976.
- Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963.
- Водак Р.* Критический анализ дискурса: политическая риторика (пер. с англ.) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000.
- Валгина Н.С.* Теория текста. – М., 2004.
- Воробьева О.П.* Лингвистические аспекты адресованности художественного текста. Дис. ... доктора филол. наук. – М., 1993.

- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981; 7-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009.
- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
- Гвенцадзе М.А.* Коммуникативная лингвистика и типология текста. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского Ун-та, 1986.
- Гончарова Е.А.* К вопросу об изучении категории «автор» через проблемы интертекстуальности // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. — С.20-28.
- Гончарова Е.А.* Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia Linguistica*. Вып. 8. – СПб., 1999.
- Гончарова Е.А.* Научная коммуникация – дискурс – интердискурсивность // Текст и дискурс. – СПб., 2001.
- Гончарова Е.А.* Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // Текст – Дискурс – Стиль. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.
- Гончарова Е.А., Кесслер К.* О новых подходах к типологическому изучению текстов в немецкой германистике // *Studia linguistica*. Вып. 9 – СПб., 2000. – С. 132-142.
- Горшков А.И.* Русская стилистика. Стилистика текста – функциональная стилистика. – М.: Астрель, 2006.
- Дейк Ван Т.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978, с. 259-336.
- Дейк ван Т.* Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
- Дементьев В.В.* Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания, 1997, № 1.
- Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов, 2000.
- Дементьев В.В.* Исследования по речевым жанрам в России: XXI век // Лингвистика текста и дискурсивный анализ. Традиции и перспективы. – СПб., 2007. – С. 162-196.
- Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994, № 4.
- Демьянков В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце 20 века. – М., 1995.

- Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. – М., 2003
- Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX-XX вв. – М.: URSS, 2001.
- Ейгерт Т.В., Юхт В.Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста, // Материалы научной конференции. – Часть 1. – М., 1974. – С.103-110.
- Залевская А.А.* Текст и его понимание. – Тверь, 2001.
- Землянская Е.В.* Структурно-семантические и функциональные особенности стилевой интертекстуальности в англоязычном афоризме. Автореф. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004.
- Золян С.Т.* Семантика и структура поэтического текста. – Ереван, 1991.
- Ильин И.Т.* Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: Сб. научно-аналитических обзоров. — М.: ИНИОН АН СССР, 1989. — С. 186-207.
- Каменская О.Л.* Лингвистика на пороге XXI века. Лингвистические маргиналии: Сборник научных трудов. Вып. 432. – М., 1996.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М., Волгоград, 1992.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972; 3-е изд. М.: URSS, 2004.
- Кибрик А.А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. в виде научного доклада. М., 2003.
- Квадратура смысла.* Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999.
- Кобызь К.В.* Взаимодействие лингвостилистических средств стандарта и экспрессивности в текстах авторизованных объявлений. Автореф. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005.
- Кожина М.Н.* О соотношении стилей языка и стилей речи с позиции языка как функционирующей системы // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь, 1984.
- Кожина М. Н.* Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте, «Stylistyka» I. – Opole, 1992.

- Кожина М. Н.* Сопоставительная стилистика: современное состояние и аспекты изучения функциональных стилей, «Stylistyka» II. – Opole, 1994.
- Кожина М.Н., Котюрова М.П.* Изучение научного функционального стиля во второй половине XX в. // Stylistyka. VI. – Opole, 1997.
- Кожина М.Н.* Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стыль. – СПб., 2004. – С. 9-33.
- Котюрова М.П.* Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2001.
- Костыгина К.А.* Интертекстуальность в прессе (на материале немецкого языка). Автореф. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003.
- Кругликова Н.П.* Языковые средства плаката: семантический и прагматический аспекты (на материале британских и американских плакатов I и II мировых войн): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005.
- Кузьмина Н.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург, Омск, 1999; 4-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2007.
- Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания, 1994, № 4.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Наука, 1969; 5-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. – М., 1996.
- Лотман Ю.М.* Об искусстве. – СПб., 1998.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб., 2000.
- Лотман Ю.М.* Семиотика и литературоведение // Воспитание души. Воспоминания, интервью, беседы о русской культуре (телевизионные лекции). – СПб., 2005.
- Малаховская М.Л.* Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале произведений К.С. Льюиса). Автореф. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007.
- Масленникова А.А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – СПб., 1999.

- Матханова И. П.* Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение. // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005, с. 103-113.
- Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988.
- Миловидов В.А.* От семиотики текста к семиотике дискурса. – Тверь, 2000.
- Миловидов В.А.* Введение в семиологию. – Тверь, 2003.
- Никитин М.В.* Основания когнитивной семантики. – СПб., 2003.
- Николаева Т.М.* От звука к тексту. – М., 2000.
- Новиков В.И.* Книга о пародии. – М., 1989.
- Одинцов В.В.* Стилистика текста. М.: Наука, 1980; М.: URSS, 2004.
- Олизько Н. С.* Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса. Автореф.... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005.
- Павлов В.М.* Полевые структуры в строе языка. – СПб., 1996.
- Пермякова О.В.* Явления гендерной стилизации в современной женской литературе (на материале французского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007.
- Петрова Н.В.* Интертекстуальность как общий механизм текстообразования. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Волгоград, 2005.
- Пигина Н.В.* Интертекстуальность как фактор текстообразования в лирических циклах Р. Рильке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2005.
- Полякова К.В.* Становление семиотической системы американского комикса и японского манга. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004
- Проблемы функциональной грамматики.* Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005.
- Прямая и непрямая коммуникация.* Сб. науч. статей под ред. В.В. Дементьева. – Саратов, 2003.
- Романова Н.Л.* Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1997.
- Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический

- текст): Автореф. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2002 а.
- Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). – Пермь: ПГУ, 2002 б.
- Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа. – М., 2004.
- Смирнов И. П.* Порождение интертекста. – СПб.: СПбГУ, 1995.
- Смирнова О.П.* Трансформированный текст как способ создания второй виртуальной реальности (на материале политкорректных сказок, притч, рассказов Ветхого завета): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 2007.
- Сорокин Ю.А. Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.
- Степанов Г.В.* Энциклопедический словарь юного филолога. – М., 1984.
- Степанов Ю.С.* Стиль // Лингвистический Энциклопедический Словарь. – М., 1990.
- Степанов Ю.С.* Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. – М., 1995.
- Тураева З.Я.* Лингвистика текста. – М., 1986.
- Ускова Т.А.* Вербализация интертекстуальности в текстах массовой коммуникации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
- Фатеева Н.* Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. – М.: АГАР, 2000; 3-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2007.
- Филиппов К.А.* Лингвистика текста. – СПб., 2003.
- Филиппова С.Г.* Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008.
- Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2004.
- Чернявская В.Е.* Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. – СПб., 1999 .
- Чернявская В.Е.* Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: Автореф. дис. ... д-ра

- филол. наук. – СПб., 2000.
- Чернявская В.Е.* Псевдонаучный текст в персуазивной коммуникации (на примере анализа современных англоязычных гороскопов) // *Стереотипность и творчество в тексте.* – Пермь, 2000. – Вып. 6.
- Чернявская В.Е.* От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // *Филологические науки.* – 2003 а. – Вып. 3.
- Чернявская В.Е.* Интертекстуальность и интердискурсивность // *Текст – Дискурс – Стил.* – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003 б.
- Чернявская В.Е.* Дискурс // *Стилистический Энциклопедический Словарь русского языка.* – М.: Флинта, Наука, 2004.
- Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста. – СПб.: Наука, 2004; М.: КомКнига/URSS, 2005, 2006.
- Чернявская В.Е.* Текстуальность как когнитивный феномен // *Интерпретация – Понимание – Перевод.* – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005 а.
- Чернявская В.Е.* Интеркультурная вариативность научного текста: к постановке проблемы // *Stylistyka XIV.* – Opole, 2005 б.
- Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта, Наука, 2006 а.
- Чернявская В.Е.* Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли нам новое определение текстуальности // *Вопросы когнитивной лингвистики.* – М., Тамбов, 2006 б.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000.
- Щирова И.А., Тураева З.Я.* Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. – СПб., 2005.
- Adamzik K.* Textlinguistik. – Niemeyer, 2004.
- Antos G.* Grundlagen einer Theorie des Formulierens. Textherstellung in geschriebener und gesprochener Sprache. – Tübingen, 1982.
- Bazerman C.* Shaping written knowledge: The genre and activity of the experimental article in science. – Madison, 1988.
- Beaugrande R.-A., Dressler W.* Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen, 1981.
- Beaugrande R., Dressler W.* Introduction to textlinguistics. – Lon-

- don: Longman, 1981.
- Brinker H.* Zum Verhältnis von verbaler und visueller Kommunikation in Werbebildern // *Linguistik und Didaktik*. 1971, H. 22.
- Brinker K.* Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. (Grundlagen der Germanistik 29). – Berlin. – 3.Aufl. 1992.
- Busse D.* Historische Semantik. – Stuttgart, 1987.
- Broich U.* Formen der Markierungen von Intertextualität // *Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien*. Hrsg. U. Broich, M. Pfister. – Tübingen, 1985.
- Dimter M.* Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. Kommunikation, Textfunktion und Textinhalt als Kategorien alltagssprachlicher Textklassifikation. – Tübingen, 1981.
- Dijk T.A. van.* Textwissenschaft. – München, 1980.
- Ehlich K.* (Hg.) Sprache im Faschismus. – Frankfurt/M., 1989.
- Ehlich K.* Medium Sprache // *Strohner H., Sichelschmidt L., Hiel-scher M* (Hg.). *Medium Sprache*. – F/M, Lang, 1998. – S. 9-21.
- Ermert K.* Briefsorten. Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation. – Tübingen, 1979.
- Ette O.* Intertextualität. Ein Forschungsbericht mit literatursoziologischen Anmerkungen // *Romanistische Zeitschrift für Literaturgeschichte*. H. ¾, 1985. — S.497-522.
- Fix U.* Kanon und Auflösung des Kanons. Typologische Intertextualität // *Die Zukunft der Textlinguistik*. – Tübingen: Niemeyer, 1997.
- Fix U.* Sind Textsorten kulturspezifisch geprägt? Plädozer für einen erweiterten Textsortenbegriff // *Akten des X internationalen Germanistenkongresses*. – Wien, 2000. Bd. 2. – S. 173-178.
- Fix U.* Die Ästhetisierung des Alltags – am Beispiel seiner Texte // *Zeitschrift für Germanistik*. 2001, H 11.1. – S. 36-53.
- Fleischer W., Michel G.* Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1979.
- Fohrmann J., Müller H.* (Hrsg) *Diskurstheorien und Literaturwissenschaft*. — Frankfurt, 1988.
- Gläser R.* Fachtextsorten im Englischen. — Gunter Narr Verlag. Tübingen, 1990.
- Grivel Ch.* Serien textueller Perzeption // *Dialog der Texte*. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. – Wiener Slawischer Almanach. Sbd. II. – Wien, 1983.

- Heinemann W.* Zur Eingrenzung des Intertextualitätsbegriffs aus textlinguistischer Sicht // J. Klein, U. Fix (Hg). Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. – Tübingen, 1997.
- Heinemann W., Viehweger D.* Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen, 1991.
- Halliday M., Hasan R.* Language, context and text: aspects of language in a social-semiotic perspective. – Oxford, 1989.
- Hoffmann M.* Gestaltungsstrategien und strategisches Gestalten. Zur Persuasivität von Thematisierungsstilen im politischen Diskurs // Beiträge zur Persuasionsforschung. – Peter Lang, Frankfurt/M, 1998.
- Hoffmann M.* Persuasive Denk – und Sprachstile // Zeitschrift für Germanistik, 1996, H. 2.
- Hoffmann M.* Zeichenklassen und Zeichenrelationen bei der Verknüpfung von Text und Bild. Ein Beitrag zur semiotischen Semantik // J. Pohl, K.-P. Konerding (Hg.). Stabilität und Flexibilität in der Semantik. – 2004.
- Holthuis S.* Intertextualität. – Staufenburg, 1993. – F/M, Peter Lang, 2004.
- Jacobs E.-M.* Textvernetzung in den Wissenschaften. – Reihe Germanistische Linguistik, Bd. 210, 1993.
- Janich N.* Wenn Werbung mit Werbung Werbung macht... Ein Beitrag zur Intertextualität // Muttersprache. – 1997. – № 4.
- Kessler K.* Diskurswechsel als persuasive Textstrategie // Beiträge zur Persuasionsforschung. Kessler K., Hoffmann M.(Hg.) F/M: Peter Lang, 1998.
- Kraft U.* Comics lesen. Untersuchungen zur Textualität von Comics. – Stuttgart, 1978.
- Krause W.-D.* Textsorten als strukturelle Prototypen // Wissenschaftliche Zeitschrift PH Potsdam, 1986. H.5 — S.749-759.
- Kress G., T. von Leeuwen.* Reading images. The grammar of visual design. – Routledge : London, N.Y., 1996.
- Lachmann R.* Dialogizität (Vorwort). – München, 1982.
- Lachmann R.* Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. — Frankfurt: Suhrkamp. — 1990.

- Lachmann R.* Intertextualität als Sinnkonstruktion // *Poetica*, H.15, 1982.
- Lindner M.* Integrationsformen der Intertextualität // *Intertextualität*. Hsg. U.Broich, M.Pfister. — Tübingen, 1995. — S.116-135.
- Link J., Link-Heer U.* Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. — 1990, H.77. — S.99.
- Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.* Studienbuch Linguistik. - Tübingen, 1994.
- Lux F.* Text, Situation, Textsorte. – Tübingen, 1981.
- Mieder W.* Zur Sprichwortmanipulation in Hitlers „Mein Kampf“ // *Muttersprache* 1994, № 4.
- Mon F.* Texte über Texte. – Neuwied / Berlin, 1970.
- Müller B.* Komische Intertextualität: Die literarische Parodie. – *Horizonte*. 16. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 1994.
- Neumann P.H.* Das Eigene und das Fremde. Über die Wünschbarkeit einer Theorie des Zitierens // *Akzente*. *Zeitschrift für Literatur*. — München, 1980. — S.292-305.
- Pfister M.* Imitation und Intertextualität bei Robert Lowell // *Intertextualität*. — Tübingen, 1985. — S.311-332.
- Pfister M.* Konzepte der Intertextualität // *Intertextualität*. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen: Niemeyer, 1985. – S. 1-30.
- Pfister M.* Zur Systemreferenz // *Intertextualität*. — Tübingen, 1985. — S.52-58.
- Pohl I.* Textsemantisierung sprachlich unterdeterminierter Texte // I. Pohl, J. Pohl (Hrsg.). *Texte über Texte*. Interdisziplinäre Zugänge. – P. Lang, 1998.
- Posner R.* Kultur als Zeichensystem. Zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftlicher Grundbegriffe // A. Assmann / D. Harth. *Kultur als Lebewesen und Monument*. – F/M, 1991.
- Sager S.* Intertextualität und die Interaktivität von Hipertexten // J. Klein, U. Fix (Hrsg.) *Textbeziehungen*. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. – Tübingen, 1997.
- Sandig B.* *Stilistik der Deutschen Sprache*. — W. de Gruyer, 1986.
- Sandig B.* *Stilistische Mustermischungen in der Gebrauchssprache*

- // Zeitschrift für Germanistik 1989, H. 2. S. 133-150.
- Sandig B.* Textstilistik des Deutschen. 2 Aufl. Walter der Gruyter, 2006.
- Sandig B.* Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Textsorten im Deutschen // E. Gülich, W. Raible (Hg.), 1972.
- Schendels E.* Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. M.: Высшая школа, 1988.
- Scherner M.* Sprache als Text. Ansätze zu einer sprachwissenschaftlich begründeten Theorie des Textverstehens. – Niemeyer, Tübingen, 1984.
- Scherner M.* Textverstehen als Spurenlesen. Zur theoretischen Tragweite dieser Metapher // P. Canisius, C. Herbermann, G. Tschauder. Text und Grammatik. – Bochum, 1994. – S. 317-340.
- Schmid W.* Sinnpotenziale der diegetischen Allusion. – In: Dialog der Texte. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. – Wiener Slawischer Almanach. Sbd. II. – Wien, 1983.
- Schmitz U.* ZAP und Sinn. Fragmentarische Textkonstitution durch überforderte Medienrezeption // Textstrukturen in medienwandel. Hg. E. Hess-Lüttich, W. Holly, U. Püschel. – F/M, Lang, 1996.
- Schnupp P.* Hypertext. – München / Wien, 1992.
- Schulte-Middelich B.* Funktionen intertextueller Textkonstruktion // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen, 1985.
- Simmler F. (Hg.).* Textsorten und Textsortentradition. – F/M, Peter Lang, 1997.
- Stierle K.* Werk und Intertextualität // Dialog der Texte. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. – Wiener Slawischer Almanach. Sbd. II. – Wien, 1983.
- Stöckl H.* Bilder-Konstitutive Teile sprachlicher Texte und Bausteine zum Textstil // Holly W., Hoppe A., Schmitz U. Mitteilungen des Deutschen Germanisten-verbands. Sprache und Bild II. 51, H.2. - Bielefeld, 2004. – S. 102-120.
- Suerbaum U.* Intertextualität und Gattung: Beispielreihen und Hypothesen // Intertextualität. – Tübingen, 1985. – S.58-77.
- Vater H.* Einführung in die Sprachwissenschaft. – München: Fink Verlag, 1996.

- Vater H.* Einführung in die Textlinguistik: Struktur, Thema und Referenz in Texten. – München, 1992.
- Vater H.* Einführung in die Textlinguistik – 3 Aufl., Fink, - München, 2001.
- Verweyen Th., Witting G.* Die Kontrafaktur. Vorlage und Verarbeitung in Literatur, bildender Kunst, Werbung und politischem Plakat. – Konstanz: Universitätsverlag, 1987.
- Warnke J.* Diskursivität und Intertextualität als Parameter sprachlichen Wandels – Prolegomena einer funktionalen Sprachgeschichtsschreibung // J. Warnke (Hg.). Schnittstelle Text - Diskurs. – Peter Lang, F/M, 2000.
- Weiß W.* Satirische Dialogizität und satirische Intertextualität // Intertextualität. — Tübingen, 1985. – S.244-262.
- Welsch W (Hg.).* Die Aktualität des Ästhetischen. – München, Fink, 1993.
- Werlich E.* Typologie der Texte. – Heidelberg, 1975.
- Zimmermann K.* Erkundungen zur Texttypologie. – Tübingen, 1978.
- Wilske L., Krause W.-D.* Intertextualität als allgemeine und spezielle Texteigenschaft // Wissenschaftliche Zeitschrift PH Potsdam, 1987, H.5. – S. 890-895.

Использованные словари

1. Большая Российская Энциклопедия. Т.т. 1-4. – М.: «Большая Российская Энциклопедия», 2006.
2. Большой Энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: «Большая Российская Энциклопедия», 1998.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. Ярцева В.Н. – М., 1990.
4. Новейший Философский Словарь. – Минск, 1989.
5. Российская Социологическая Энциклопедия. – М., 1998.
6. Стилистический Энциклопедический Словарь Русского Языка. – М: Флинта, Наука, 2003.
7. Энциклопедический Социологический Словарь. – М., 1995.
8. Kleine Enzyklopedie. Deutsche Sprache. – 2001.
9. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart, 2002.

Источники

1. Пригов Д.А. Описание предметов // В. Ерофеев, Д. Пригов, В. Сорокин. – М., 2002. – С. 288-307.
2. Claus U., Kutschera R. Total tote Hose. 12 blockstarke Märchen. – Eichborn Verlag, 1984.
3. Queneau R. Stilübungen. – Berlin, 1983.

Литература для углубленного чтения

1. Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык. – М.: Высшая школа, 2005.
2. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб.: Книжный Дом, 2006.
3. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs. – Tübingen: Nimeyer, 2002.
4. Krause W.-D. Textsorten. – F/M: Peter Lang, 2000.